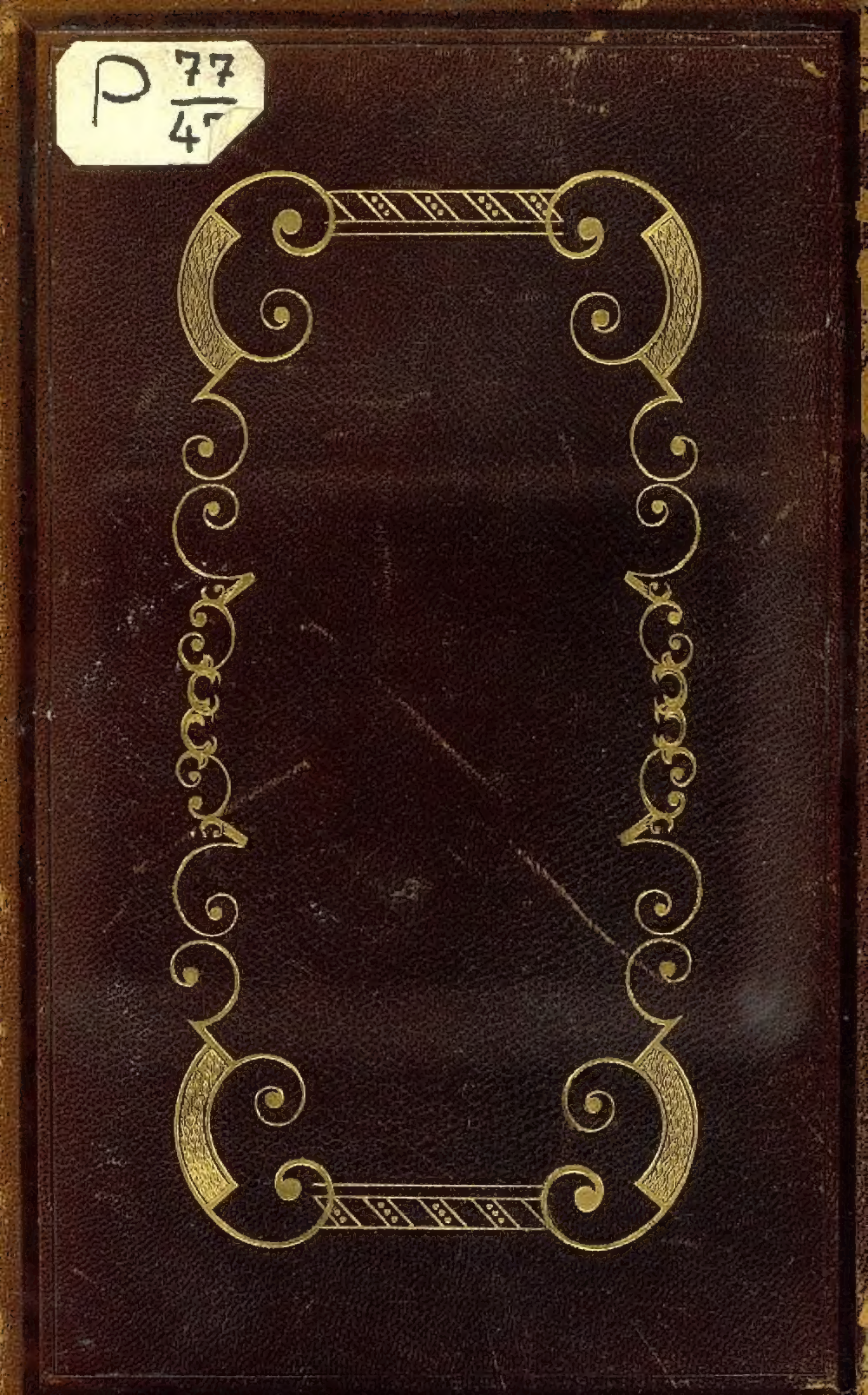

P 77/4

9⁰ 77/47

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

НА

ВОЛЫНИ,

СОЧ. ПРОФЕССОРА С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ

Платона Карашевича.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И КОМП.

1855.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Іюня 18 дня, 1855 года.

Цензоръ *Архимандритъ Кириллъ.*

2007111591

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

НА ВОЛЫНИ.

Исторія Волыни [1], или древняго галицко-волынскаго княжества, замѣчательна весьма многими событіями какъ церковными, такъ и гражданскими. Въ ряду этихъ событій—важнѣйшими, по ихъ вліянію на состояніе церкви, были: 1) начало и распространеніе христіанства на Волыни; 2) покореніе Волыни польскимъ королемъ Казиміромъ III-мъ, 3) унія, и 4) возвращеніе Волыни отъ Польши къ Россіи. Поэтому и

(1) Предѣлы древней Волыни были очень обширны. «Русь, принадлежавшая владиміро-волынскому княжеству, или Лодомиріи, говоритъ одинъ писатель, простиралась до границъ прусскихъ и обнимала собой все, что составляетъ теперь въ Польшѣ воеводства—Сендомирское, Люблинское, Подлясское и Августовское. Волынско-владимірскому удѣлу принадлежали также Галичъ съ Перемышлемъ» (Зубрицк., критико-истор. повѣсть о Червонной Руси. Москва. 1845 стр. 54, 58. 67). Изображая состояніе правосл. церкви волынской, будемъ имѣть въ виду, по преимуществу, ту часть Волыни, которая составляетъ нынѣшнюю волынскую губернію. Но такъ какъ нѣкоторыя событія, происходившія внѣ предѣловъ нынѣшней Волыни, имѣли прямое отношеніе и вліяніе на состояніе правосл. церкви волынской; то по необходимости должны будемъ болѣе или менѣе касаться и этихъ событій.

самая исторія православной церкви на Волыни может быть раздѣлена на четыре періода:

Первый періодъ—отъ начала христіанства на Волыни до 1340 г. Волынь—подъ верховною властію русскихъ князей, которые распространяютъ въ этой странѣ вѣру христіанскую и въ бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ церковію отъ иноплеменныхъ и иновѣрныхъ народовъ, поддерживаютъ ее дѣятельною помощію.

Второй періодъ — отъ покоренія Волыни польскимъ королемъ Казиміромъ III-мъ до начала уніи (1340—1590). Иновѣрные властители, побуждаемые римскими первосвященниками, стараются распространить въ земляхъ волынскихъ латинство, начинается сильная борьба православія съ папизмомъ; вскорѣ православную церковь возмущаютъ проникшія на Волынь, реформатскія секты; наконецъ является орденъ іезуитовъ, своимъ могущественнымъ вліяніемъ подавляетъ вновь возникшія религіозныя общества и приготовляетъ унію.

Третій періодъ — отъ начала уніи до присоединенія Волыни (нынѣшней волынской губерніи) къ Россіи (1590 — 1793). Іезуиты вводятъ унію; православные изнемогаютъ подъ тяжестію уніатскихъ гоненій и, къ концу періода, унія распространяется по всѣмъ областямъ волынскимъ, ниспровергая собою порядокъ прежняго устройства православной церкви.

Четвертый періодъ—отъ присоединенія Волыни къ Россіи (съ 1793 г.) да настоящихъ временъ. Подъ верховною властію русскихъ государей, вѣра православная получаетъ свободу и надежную защиту отъ притѣсненій западнаго духовенства; возстановляется порядокъ церковнаго устройства и управленія, наконецъ, по распоряженію св. Сѵнода, учреждается

волынская епархія и входитъ въ составъ прочихъ епархій въ Россіи.

Церковь христіанская можетъ быть разсматриваема съ трехъ сторонъ: I) со стороны внѣшней, куда относятся разширеніе и сокращеніе ея предѣловъ, возвышеніе и упадокъ ея благосостоянія, II) со стороны внутренняго ея благоустройства, т. е. богодарованныхъ ей средствъ — управленія, богослуженія и ученія, наконецъ III) со стороны вѣры и нравственности членовъ Церкви. Съ этихъ трехъ сторонъ, въ каждый изъ указанныхъ періодовъ, будетъ разсматриваемо и состояніе православной церкви на Волыни.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ

ОТЪ НАЧАЛА ХРИСТІАНСТВА НА ВОЛЫНИ ДО ПОЛОВИНЫ XIV ВѢКА (ПОДЪ ВЕРХОВНОЮ ВЛАСТІЮ КНЯЗЕЙ РУССКИХЪ-ПРАВОСЛАВНЫХЪ).

I.

ВНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Начало христіанства на Волыни нѣкоторые, по догадкамъ, возводятъ ко временамъ просвѣтителя Славянъ, моравскаго архіепископа Меѳодія. Въ актѣ, составленномъ по случаю присоединенія къ прагскому епископству моравскаго, указаны восточныя границы послѣдняго по рѣкамъ Богу и Зтиру. Одинъ изслѣдователь славянскихъ древностей, основываясь на этомъ и на другихъ лѣтописяхъ богемскихъ, говоритъ, что страны, простиравшіяся до р. Буга и г. Луцка, близъ котораго протекаетъ р. Стырь, нѣкогда входили въ общій составъ меѳодіевой епархіи, и заключаетъ, что

эти страны получили изъ моравско-мееодіева архіепископства свѣтъ христіанской вѣры (²). Такое мнѣніе, повидимому, находитъ для себя подтвержденіе и въ другомъ древнемъ свидѣтельствѣ, что еще св. Кириллъ и Мееодій посылали проповѣдниковъ въ Силезію, Польшу и сосѣдственную Русь, т. е., ближе всего, въ смежную съ Польшею древнюю Волынь (³). Неизлишне присовокупить, что распространенію христіанства въ нѣкоторыхъ областяхъ волынскихъ, къ концу IX в., могло способствовать и то, что царство моравское, постепенно приходившее въ упадокъ, около этого времени (899 — 890) совершенно разрушилось. По разрушеніи же моравскаго царства, толпы Славянъ, исповѣдавшихъ вѣру Христову, оставивъ Паннонію, разсѣялись по сосѣдственнымъ землямъ. Часть этихъ бѣглецовъ укрылась и въ ближайшей, соплеменной имъ русской странѣ, т. е. въ нѣкоторыхъ южныхъ областяхъ древней Волыни (⁴). Эти новые пришельцы, естественно, могли передавать сѣмена святой вѣры кореннымъ обитателямъ Волыни.

(²) Истор. первобытной церкви у Славянъ, Мацѣёвскаго. Варшава. 1840. стр. 103—106; также Scriptor. rerum Bohemicarum Pragae. 1783 t. 1, p. 168—172.—Зтиръ, говоритъ Мацѣёвскій, безъ сомнѣнія, есть рѣка Стырь, протекающая близъ Луцка (уѣзд. гор. волын. губерн.); р. Бугъ протекаетъ чрезъ Владиміръ-Волынскій (уѣзд. гор.). (См. Ист. первоб. церк. стр. 223. Сярчинскій—въ Часописѣ львовскомъ. 1818. ч. II, стр. 13).

(³) Зубрицкій — въ его критико-истор. повѣсти о Черв. Руси, стр. 17—24. Истор. разсмотр. вопроса: «есть ли христіанство въ Богеміи и Моравіи чрезъ Мееодія поученія греческія или латинскія Церкве введено?» Въ Budинѣ 1797 стр. 5).

(⁴) Зубр. о Черв. Руси, стр. 20.

Въ концѣ X в. находимъ уже прямыя и достовѣрныя свидѣтельства, что православная вѣра христіанская озарила волынскую область во дни равноапостольнаго князя Владиміра. Онъ, вскорѣ послѣ крещенія Кіевлянъ, желалъ сообщить всѣмъ подданнымъ своимъ лучшую вѣру, «и нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ» (5). Мы не знаемъ, какіе города и села разумѣетъ здѣсь лѣтописецъ, потому что онъ не называетъ ихъ по именамъ: но съ большею вѣроятностію можемъ отнести слова его къ городамъ и мѣстамъ, окружавшимъ Кіевъ,—а въ числѣ такихъ находятся и города древней Волыни.

По свидѣтельству лѣтописи, св. Владиміръ основалъ (или правильнѣе—украсилъ и укрѣпилъ) (6) въ свое имя городъ на Волыни, и учредилъ здѣсь епископію (7). Основываясь даже на одномъ этомъ, надобно предположить, что предѣлы христіанства на Волыни были уже такъ обширны, что требовали отдѣльнаго пастыря и епархіальнаго управленія. Этому много способствовало: 1) самая близость нѣкоторыхъ областей Волыни къ Кіеву, куда такъ давно проникла уже спасительная вѣра, и о которой не могли, безъ сомнѣнія

---

(5) Лѣт. Нестора въ ист. Русск. Церкви, Харьковъ. 1849. Ч. I стр. 25. Никоновск. лѣт. ч. I стр. 94.

(6) Владиміръ-Волынскій древнѣе временъ св. Владиміра; подъ 884 и 888-мъ г. объ немъ въ лѣтописи упоминается уже, какъ о городѣ могущественномъ и богатомъ.

(7) См. Ист. Іоакима, новгор. списк. у Татищева, II, 78; также ч. I. гл. 4 стр. 38; гл. 48. стр. 572; еще въ примѣч. на лѣт. Нестора, ч. II. стр. 412. Соф. времен. I. 87. Никон. лѣт. I. 105. Карамз. I, 464.

не слышать и не знать ближайшіе сосѣди древней столицы нашей; 2) то, что Волынь (къ которой принадлежала тогда и Галиція) примыкала къ другимъ южнымъ странамъ (Моравіи, Польшѣ), гдѣ давно уже господствовала христіанская вѣра; 3) наконецъ и то, что еще до временъ св. Владиміра въ нѣкоторыхъ областяхъ югозападной Волыни, вѣроятно, были уже христіане, принадлежавшіе, какъ мы сказали, къ меѳодіевой епархіи.

Къ концу XI-го вѣка, на югѣ Россіи уже и по деревнямъ стояли христіанскіе храмы, тогда какъ востокъ Россіи мало еще знакомъ былъ съ новою, божественною вѣрою ([8]). Въ частности, о многихъ городахъ волынскихъ лѣтописцы упоминаютъ въ это и послѣдующее время, какъ о городахъ христіанскихъ, въ которыхъ находилось уже не мало храмовъ Божіихъ. Такъ встрѣчаемъ названія — Луческа (Луцка), Владиміра, Острога, Дубна, Чарторыйска и др. и въ гражданахъ этихъ городовъ нерѣдко видимъ истинно-христіанскія свойства и дѣйствія ([9]).

Но въ то самое время, когда вѣра христіанская, благодатною силою своею привлекая сердца людей, быстро распространялась между обитателями земли волынской, — враги мира безпрестанно терзали ее опустошительными войнами, имѣвшими болѣе, или менѣе вредное вліяніе и на состояніе юной церкви волын-

---

([8]) Нестор. стр. 34, 52. истор. Р. Ц. I. стр. 29—30.

([9]) Прибавл. къ ипат. лѣт. стр. 283 — 286. Изъ рѣчи лѣтописца и обстоятельствъ, имъ описываемыхъ, ясно видно, что во всѣхъ упоминаемыхъ имъ мѣстахъ волынской земли жили христіане, имѣвшіе храмы, въ которыхъ они возносили молитвы къ единому истинному Богу.

ской. Уже въ 1000 г. для Волыни, какъ и для всей Россіи, начался періодъ бѣдствій отъ внутреннихъ междоусобій, бывшихъ необходимымъ слѣдствіемъ раздѣленія Руси на удѣлы, которыхъ немало пришлось и на долю Волыни ([10]). Такъ по смерти св. Владиміра (1017 г.) первая междоусобная война между русскими князьями—Ярославомъ новгородскимъ и Святополкомъ кіевскимъ произошла на земляхъ волынскихъ. Война эта была пагубна особенно тѣмъ, что открыла путь въ эту страну польскому королю Болеславу великому, который, побѣдивъ Ярослава, «сѣдяше въ Кіевѣ, а воинство его по градомъ окольнымъ многія насилія людемъ творяху»; потомъ, на обратномъ пути въ Польшу, онъ взялъ много городовъ червенскихъ, волынскихъ, оставленныхъ беззащитными жителями. Эти завоеванія сопровождаемы были также различными насиліями, даже разграбленіемъ храмовъ и хулою на православную вѣру ([11]). Среди внутреннихъ, почти безпрерывныхъ междоусобій, Волынь посѣтили новыя бѣдствія, и новые христіане должны были понести бремя искушеній тяжкихъ и продолжительныхъ. Съ одной стороны вездѣ свирѣпствовали голодъ, болѣзнь и моръ ([12]); съ другой — орды Половцевъ, стекаясь со всѣхъ сто-

---

([10]) Въ слѣдствіе этого раздѣла, Владиміръ на Бугѣ достался въ удѣлъ Всеволоду, Коростень и Овручъ—Святославу, а волынскія и луцкія земли—Позвизду (Приб. къ ипат. лѣт. стр. 259). Въ послѣдствіи времени еще болѣе образовалось удѣловъ въ волынской области (Приб. къ Синопс. стр. 56—60).

([11]) Густин. лѣт. стр. 263, 4. 5 и д. Эти города возвращены были отъ Польши Ярославомъ въ 1031 г. при Мечеславѣ, слабомъ преемникѣ Болеслава (Приб. къ Ипат. лѣт. стр. 265—266.)

([12]) Лѣтоп. Лавр. стр. 92. Ипат. 278. Вол. губ. вѣд. 1847. «Волынь».

ровъ, грабили, предавали огню беззащитныя селенія и умерщвляли жителей ([13]). Волынскій лѣтописецъ на каждой почти страницѣ упоминаетъ о томъ или другомъ городѣ, или селеніи, разоренномъ Половцами ([14]).

Въ 1099 г. Коломанъ, венгерскій король, предполагая покорить своей власти Волынь, думалъ ввести здѣсь и римско-католическую вѣру. Для этого взялъ съ собою и епископовъ, которые готовы были обращать жителей въ свою вѣру ([15]). Къ счастію христіанъ волынскихъ предположенія Коломана не сбылись: и православные жители ея избавились еще на нѣкоторое время отъ вліянія римскихъ епископовъ ([16]). Около 1136 г. Болеславъ, въ отмщеніе за опустошеніе Вислицы (города сендомирскаго воеводства), въ конецъ разорилъ и опустошилъ владимірскую область, при чемъ много претерпѣли православныя церкви г. Владиміра и другихъ близкихъ къ нему мѣстъ ([17]). Въ XIII-мъ вѣкѣ Волынь не переставала терпѣть бѣдствія отъ опустошеній со стороны Половцевъ и Поляковъ. Въ 1202 г. мужественный Романъ волынскій побѣдилъ Половцевъ и доставилъ радость многимъ христіанамъ, освободивъ значительное число плѣнныхъ изъ неволи ([18]);

([13]) Истор. Карамз. II, 95. 96.

([14]) Ип. лѣт. 77, 84, 103 и д. Ник. II. 202. Карамзинъ — III. 6, 385 и др.

([15]) Карамз. II. 125. Одинъ изъ этихъ епископовъ—Купанъ погибъ въ сраженіи.

([16]) Тамъ же—II. 123—125.

([17]) Hist. Pol. Dlug. Lipsiae. 1711 an. p. 725—6. Roguphal, p. 38—40. Ип. лѣт. стр. 17, 100, 146 и др.

([18]) Эту войну предпринялъ Романъ, желая оказать пособіе противъ Половцевъ Императору Алексію, и будучи убѣжденъ къ тому владимірскимъ епископомъ (См. Hist. miasta Lwowa, Chodinecky стр. 319. Истор. Мецѣёвск. стр. 147).

но въ 1203 г. Половцы опять наводнили волынскую землю и причинили ей такой вредъ, какого не испытывала она со времени крещенія Руси (19). Въ это же время (1202 — 1204 г.) «придоша Ляхове на Володымірь и поплѣниша городъ весь», ограбили домы и церкви (20); одна только церковь пресвятыя Богородицы съ остаткомъ людей, укрывшихся въ ней, спасена была благоразуміемъ и молитвою нѣкоего Александра (21). Далѣе (1207 г.), прибавляетъ лѣтописецъ, «бѣда бѣ въ земли володимерстей отъ завоеванія литовскаго и ятвяжскаго» (22).

Около этого времени папа Иннокентій III, слыша о силѣ и могуществѣ Романа волынскаго, покушался убѣдить его отстать отъ православной вѣры и перейти къ римскому закону. Велерѣчивый посолъ Иннокентія доказывалъ нашему князю превосходство латинскаго вѣроисповѣданія, и надѣясь обольстить его честолюбіе, сказалъ, что папа можетъ надѣлить его городами и сдѣлать великимъ королемъ посредствомъ меча Петрова. Извѣстенъ отвѣтъ Романа: обнаживъ собственный мечь свой, онъ сказалъ легату папскому: «такой ли мечь у папы? Доколѣ ношу его при бедрѣ, не имѣю нужды въ иномъ, и кровію покупаю города, слѣдуя примѣру нашихъ дѣдовъ, возвеличившихъ землю русскую» (23). За тѣмъ Романъ даже изгналъ изъ

---

(19) См. разсужд. о Галиц. и Лодомир. Сума — въ чтен. общ. ист. и древн. 1846 г. № 5.

(20) Ист. Карамз. III. 126.

(21) Ипат. лѣт. стр. 156.

(22) Тамъ же, стр. 157.

(23) Карамз. III. 108, 109. Naruszewicz, IV. 384. Ист. Р. Ц. I. 69.

Руси (подвластной ему—галицко-волынской) послѣдователей римской вѣры ([24]).—Скоро Романъ умеръ (1205 или 1206 г.), и дѣла Волыни приняли другой оборотъ. Поляки и Венгры уже опять свободно могли распоряжаться въ ней, какъ въ своей собственной землѣ ([25]), и позволяли себѣ дѣлать всякія оскорбленія православію ([26]).

Съ половины XIII вѣка начались новыя бѣдствія для Волыни подъ игомъ Татаръ. Батый, завоевавъ восточную Русь, обратилъ свое оружіе на западъ. Первый городъ, послѣ Кіева, испытавшій всю тяжесть нашествія Татаръ, былъ Житоміръ: церкви, домы, имущество—истреблены пламенемъ; жители или гибли отъ меча, или скрывались въ отдаленные лѣса; вскорѣ видны были груды пепла на мѣстѣ прежнихъ жилищъ, и видъ ужасающей пустыни предсталъ вмѣсто прежняго многолюднаго города ([27]). По взятіи и истребленіи Житоміра, Татары устремились далѣе на Волынь и разорили города: Колодежный, Владиміръ, Луцкъ, Кременецъ, Пересопницу и др.; все истреблено было огнемъ и мечемъ; «не бѣ на Володымирѣ не осталъ живый, говоритъ волынскій лѣтописецъ, церковь св. Богородицы исполнена трупья, иныя церкви наполнени быша трупья и тѣлесъ мертвыхъ.

([24]) Dlug. I. 596. Опис. кіевософ. соб. 89.

([25]) Карамз. III. 126—130.

([26]) Православные священники и епископы были выгнаны Коломаномъ изъ Галича, церкви обращены были въ костелы, народъ принуждаемъ къ латинству, и только Мстиславъ храбрый отклонилъ подобныя насилія отъ другихъ областей Волыни (Annal. Eccl. Rainaldi, t. XIII. 236. Воскр. л. II. 156. Narusz. IV. 185. Карамз. III. 164, 501. Ист. Р. Ц. I. 90.

([27]) См. волынск. губ. вѣдом. за 1847 г. «Житоміръ».

Даніилъ скорбяше и моляшеся Богу о отчинѣ своей» (28). Впрочемъ, покоривъ своей власти Волынь, татарскіе ханы не измѣнили ея законовъ и постановленій, и пока оставались язычниками, не касались и православной вѣры (29). Въ этомъ случаѣ Волынь много обязана мужественному князю своему, Даніилу Романовичу, который, какъ извѣстно, умѣлъ держать Батыя въ страхѣ и не позволялъ Татарамъ распоряжаться ни въ гражданскихъ, ни въ церковныхъ дѣлахъ (30). Въ ярлыкахъ, данныхъ русскимъ пастырямъ, ханы говорили: «кто станетъ хулить вѣру русскую, или ругаться надъ нею, тотъ не найдетъ себѣ извиненія, а наказанъ будетъ смертію» (31).

Бѣдствія, претерпѣваемыя отъ Татаръ, усугубляемы были происками папы. Въ 1246 г. римскіе послы, отправлявшіеся къ монгольскому хану, зашли по дорогѣ во Владиміръ волынскій, и предложили находившимся тамъ русскимъ епископамъ письма отъ папы съ увѣщаніями присоединиться къ римской церкви: «вмѣстѣ съ Василькомъ, княземъ россійскимъ», говоритъ одинъ изъ этихъ пословъ, описывая свое путешествіе, «пріѣзжали мы изъ Мазовіи въ его столицу — Владиміръ волынскій, гдѣ, отдохнувъ, желали бесѣдовать съ русскими епископами, и предложили имъ письма отъ папы, который убѣждалъ ихъ присоединиться къ латинской церкви; но епископы и Василько отвѣтствовали,

---

(28) Ипат. лѣт. 179; сн. Никон. II. 8. Густ. лѣт. 339; сн. Карамз. IV. 14, 15.

(29) Плано—Карпини, «путешествіе въ Татарію». См. Ист. Р. Ц. II. 9. Москва. 1850 г.

(30) Тамъ же, II, 11, 50.

(31) Ярлыкъ Менгу-Темира, у Григорьева, 184, 185. Истор. Р. Ц. II. 10.

что они ничего не могутъ сказать намъ безъ князя Даніила» ([32]). Скоро впрочемъ возвратился изъ орды Даніилъ и, посовѣтовавшись съ духовенствомъ и боярами, рѣшился вступить съ папою въ сношенія, надѣясь найти въ немъ помощь противъ сильныхъ и ненавистныхъ враговъ ([33]). Папа Иннокентій IV въ первой своей граматѣ къ Даніилу писалъ: «просьбы твои охотно слушаемъ и на моленія твои преклоняемся, принимаемъ тебя и твое царство подъ покровительство блаженнаго Петра и наше». Другою граматою извѣщалъ онъ Даніила, что посылаетъ къ нему доминиканцевъ—проповѣдниковъ, которымъ даетъ такія же права, какія далъ онъ отправленнымъ къ Татарамъ; третьею буллою повелѣлъ послѣднимъ поспѣшить въ Россію (галицко-волынскую). Присланы были въ тоже время еще двѣ граматы: одна къ Владиміру, племяннику Даніила Романовича, отличавшемуся особеннымъ благочестіемъ и любовію къ духовному просвѣщенію, другая ко всѣмъ христіанамъ, живущимъ въ Россіи (подвластной Даніилу). Этими двумя граматами Иннокентій увѣщевалъ юнаго племянника Даніилова и всѣхъ галицко-волынскихъ христіанъ принять къ себѣ прусскаго архіепископа и пользоваться его совѣтомъ и помощію противъ Татаръ ([34]). Очевидно, папа не хотѣлъ понять Даніила. Татары не переставали опустошать владѣнія Даніиловы; Венгры и Поляки также вторгались во владѣнія волынскаго князя и произво-

---

([32]) Истор. Карамз. IV. стр. 39.

([33]) Тамъ же, IV. 48—52.

([34]) Histor. Russ. monumenta. Petrop. 1841. t. I. № LXII, LXIII, LXV.

дили въ нихъ опустошенія: между тѣмъ папа, вмѣсто помощи противъ враговъ, прислалъ Даніилу своихъ монаховъ и епископа, которому далъ полное право «созидать и разрушать, насаждать и исторгать» (35). И потому, желая объяснить папѣ дѣло и не теряя еще надежды на полученіе отъ него помощи, Даніилъ въ 1247 г. послалъ къ Иннокентію другое письмо. Папа, въ отвѣтъ на это письмо, написалъ еще больше грамать, однако главнаго и, кажется, единственнаго желанія князя не думалъ исполнить. Въ одной грамотѣ такъ онъ писалъ Даніилу, его брату и сыну: «желая почтить васъ, любезнѣйшіе дѣти, особеннымъ нашимъ благоволеніемъ и милостію, преклоняемся на ваши просьбы и принимаемъ подъ наше покровительство васъ, ваше царство, ваше семейство, ваши владѣнія, ваши всѣ стяжанія настоящія и будущія» (36). Другою граматою Иннокентій уполномочивалъ Даніила оружіемъ возвращать себѣ земли и имѣнія, отнятыя у него князьями, не признающими надъ собою папской власти (37). Въ третьей граматѣ написано было, что, по уваженію къ просьбамъ Даніила и по особенному къ нему благоволенію, папа даетъ ему право «не дозволять крестоносцамъ и другимъ духовнымъ лицамъ римской церкви вторгаться въ его владѣнія и пріобрѣтать себѣ въ нихъ имѣнія (38). Еще одною граматою на имя Даніила Иннокентій дозволялъ русскимъ епископамъ и пресвитерамъ совершать литургію

(35) Ibid. t. I. № LXXII.
(36) Hist. Russ. monum. I. № LXXIV.
(37) Ibid. № LXVII.
(38) Ibid. № LXIX.

на квасномъ хлѣбѣ и соблюдать другіе обряды, непротивные римско-католической церкви (39). Между тѣмъ, въ тоже время, Иннокентій уполномочивалъ своего легата, епископа прусскаго, «поставлять на священнослужительскія и епископскія мѣста людей безродныхъ, даже преступныхъ, только бы они были способны къ этимъ мѣстамъ и не происходили отъ кровосмѣшенія и прелюбодѣянія (40). Такимъ образомъ, папа продолжалъ по своему распоряжаться въ земляхъ галицко-волынскихъ, а помощи противъ Татаръ Даніилъ все еще не видѣлъ. Только спустя полгода, послѣ втораго письма Даніилова (1248 г.), папа новымъ письмомъ своимъ просилъ уже Даніила, чтобы онъ «давалъ знать рыцарямъ нѣмецкаго ордена, какъ только услышитъ объ устремленіи татарскихъ полчищъ въ земли христіанскія» (41). Пылкій Даніилъ не могъ не досадовать на уклончивость и хитрость Иннокентія. Когда послы папскіе нечаянно застали его въ Краковѣ и хотѣли тамъ же предложить ему благословеніе отъ папы и санъ королевскій, — Даніилъ велѣлъ сказать имъ: «мнѣ, какъ Государю, неприлично видѣться съ вами въ чужой землѣ». Легатъ папскій, архіепископъ прусскій, принесъ Даніилу королевскій вѣнецъ и въ собственное его княжество; однако Даніилъ и тутъ

---

(39) Ibid. № LXVIII.

(40) Concedimus, ut quem ad pontificatus dignitatem inveneris, super defectu natalium, dummodo de adulterino vel incestuoso coitu natus non sit, et etiam qui irregularitatem aliquam incurrerunt, valeas libere in episcopos ordinare (Hist. Russ. mon. I. № LXX, LXXI. Карамз. IV. прим. 55). Впрочемъ, всѣ эти распоряженія папы остались безъ дѣйствія (см. Волын. зап. Руссова, стр. 20).

(41) Hist. Russ. mon. I. № LXXVII.

не принялъ его: «рать не престаетъ злѣ живущи съ нами, то како могу пріяти вѣнецъ безъ помощи папины»? Онъ даже приказалъ (1249 г.) папскому легату, нареченному епископомъ каменецкимъ, выѣхать изъ Россіи со всею своею свитою ([42]).

Король венгерскій Бела успѣлъ, впрочемъ, снова помирить Даніила съ папою. Въ слѣдствіе чего Иннокентій IV около 1252 г. установилъ русскую миссію изъ францискановъ и доминиканов (подъ именемъ «societas peregrinantium»), которые по нѣкоторымъ мѣстамъ построили римско-католическія церкви и монастыри, и положили основаніе эрекціямъ для будущихъ епископовъ въ Луцкѣ, Холмѣ, Галичѣ, Перемышлѣ и друг. ([43]). Вскорѣ потомъ (1253 г.) папа написалъ воззваніе къ богемскому, моравскому, польскому, сербскому и другимъ народамъ, чтобы они, вмѣстѣ съ Россіянами (подвластными Даніилу), подъ знаменіемъ креста, ударили на Монголовъ; далъ обѣщаніе Даніилу созвать соборъ для разсужденія о правой вѣрѣ и соединеніи церквей; предписалъ ляхамъ, чтобы они не порицали вѣры греческой—православной. Въ слѣдствіе всего этого, послѣ долгихъ убѣжденій со стороны польскихъ князей и вельможъ, новому уже папскому легату удалось возложить на Даніила королевскій вѣнецъ и заставить русскаго князя признать Иннокен-

---

([42]) Карамз. IV. прим. 56. Dlug. I. 705.—Въ это время Русь не имѣла почти никакихъ сношеній съ Римомъ, такъ что въ 1250 г. папа спрашивалъ краковскаго епископа: граничитъ ли его епархія съ Русью, и нельзя ли предпринять какихъ нибудь средствъ къ обращенію ея въ римско-католическую вѣру (см. ист. перв. ц. Мацѣев. стр. 125, 232).

([43]) Hist. Narusz. VII. 43 и дал. Оп. кіев. соб. стр. 90.

тія своимъ отцемъ ([44]). Вопреки, однакожъ, предписанію папы, крестовый походъ противъ Татаръ не состоялся по причинѣ разногласія западныхъ королей. Иннокентій въ 1255 г. скончался; вслѣдъ за тѣмъ и Даніилъ прекратилъ всякія сношенія съ Римомъ, и преемникъ Иннокентія Александръ IV (1257 г.) писалъ уже къ Даніилу, что онъ, «забывъ духовныя и временныя благодѣянія церкви, вѣнчавшей его на царство, и не исполнивъ своихъ обѣтовъ, погибнетъ, если съ новымъ раскаяніемъ не обратится на путь истины, что клятва церковная и булатъ мірской накажетъ неблагодарнаго» ([45]). Между тѣмъ, епископамъ ольмюцкому и бреславскому далъ приказаніе, чтобы они церковнымъ проклятіемъ и войсками заставили Даніила возвратиться къ своему долгу, т. е. къ повиновенію папѣ ([46]).

Послѣ Даніила Романовича, до половины XIV вѣка не было уже сколько нибудь важныхъ, а тѣмъ менѣе успѣшныхъ сношеній между папами и галицко-волынскими князьями. Около 1324 г. король польскій, Владиславъ Локетекъ съ прискорбіемъ извѣщаетъ папу Іоанна XXII о кончинѣ двухъ князей, внуковъ Даніиловыхъ; однако называетъ ихъ «схизматиками» ([47]). Въ 1372 г. папа Григорій XI наряжалъ изъ польскихъ епископовъ коммиссію для изслѣдованія: существуютъ ли въ южной Россіи церкви (римско-католическія) соборныя, или только приходскія? И къ прискорбію

([44]) Hist. R. mon. № LXXXVIII. Карамз. IV. прим. 56.

([45]) Ист. Карамз. IV. 34.

([46]) Hist. R. mon. I № XCV.

([47]) Карамз. IV. примѣч. 275.

своему узналъ, что до того времени не было тамъ «ни соборныхъ, ни приходскихъ церквей, въ которыхъ бы служили предстоятели латинскіе» ([48]).

II.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ ЦЕРКВИ.

I. *Церковная іерархія и управленіе.* Извѣстія о волынской духовной іерархіи этого періода очень скудны. Достовѣрно, что при первомъ учрежденіи русскихъ епархій въ 992 году, одна изъ нихъ назначена во Владимірѣ волынскомъ и тогда же посланъ былъ туда епископъ Стефанъ ([49]). Довольно долгое время (992—1137 г.) во всей Волыни и существовала одна владимірская епархія ([50]); къ ней принадлежали всѣ

([48]) Hist. R. M. I. № CXVII. Зубр. о Черв. Р. 59, 75, 169—172.

([49]) Нест. у Татищ. II. 78. Ник. лѣт. I. 105. Каразм. I. 464. Татищевъ (I. 572) относитъ это событіе къ 991 году, Соф. временникъ — въ 990 г., Авторъ исторіи россійской іерархіи первымъ епископомъ владимірскимъ полагаетъ Ѳому—грека съ 988 г. (I. 220); но не показываетъ, откуда заимствовано это свѣдѣніе. Можетъ быть, епископъ Ѳома посланъ былъ тогда въ землю владиміро-волынскую, только не въ качествѣ епархіальнаго архіерея (потому что епархіи учреждены въ Россіи при митр. Леонтіѣ), а для того, чтобы содѣйствовать распространенію и утвержденію въ этой странѣ христіанства.

([50]) Послѣ Стефана, перваго епископа владимірскаго, въ продолженіе цѣлаго столѣтія намъ неизвѣстны имена его преемниковъ. Уже въ патерикѣ печерскомъ читаемъ: «егда (въ 1090 г.) преставися епископъ славнаго града Володымера, тогда сей преподобный (Стефанъ) избранъ бысть на архіерейскій престолъ града того» (стр. 123). Здѣсь, очевидно, говорится о ближайшемъ предшественникѣ новопостановляемаго епископа, котораго также мы не знаемъ. — Послѣ Стефана II, изъ владимірскихъ епископовъ въ этомъ періодѣ упоминаются: Амфилохій 1105 — 1122 г., Сумеонъ 1123—1136 г. (Ип. л. 9; Ник. л. II. 51), Ѳеодоръ 1136—1147 г.

тѣ мѣста, которыя въ послѣдствіи времени вошли въ составъ прочихъ епархій на Волыни ([51]). Въ концѣ XI вѣка или въ началѣ XII вѣка, учреждена на Волыни епископія угровская, которая въ 1223 г. переведена въ Холмъ ([52]), и съ этого времени извѣстна у писателей подъ именемъ холмской. Во второй половинѣ XII вѣка (1157—65 г.) открыта въ волынской области новая епископія—галицкая ([53]). Въ слѣдующемъ (XIII) столѣтіи число епархій волынской области увеличилось еще епархіями—перемышльскою и луцкою ([54]).

Іерархи, управлявшіе епархіями волынской области, въ продолженіе этого періода, всѣ назывались епископами и поставляемы были на епископскія каѳедры митрополитами кіевскими, отъ которыхъ зависѣли также въ важнѣйшихъ дѣлахъ церковнаго управленія. Къ концу изображаемаго періода, митрополитъ кіевскій Максимъ оставилъ Кіевъ и перенесъ свою каѳедру во Владиміръ на Клязьмѣ; въ Кіевѣ же поставилъ своего намѣстника ([55]). Послѣ сего, бывшіе владимірскіе и потомъ московскіе митрополиты, хотя именовались кіев-

---

(Ип. л. 30); Іоасафъ уп. около 1223 — 1229 г. (Ип. л. 163. 1. Новг. 45); Василій, Никифоръ, Косма — при Даніилѣ и Василькѣ Романовичахъ (1229 — 1271 г.) — (Ип. л. 163. 214 — 216. 220 — 222. 1. Новгор. 75); Маркъ 1271 — 1287 г. (Ип. л. 214); Евсигній ок. 1290 г. (Ип. л. 216); Аѳанасій ок. 1331 г. (Ип. 220—222).

([51]) Т. е. галицкой, луцкой, хелмской и перемышльской (Ист. Р. Ц. I. 179).

([52]) Ип. л. 163.

([53]) Очеркъ Ист. Р. Ц. въ пер. до-татарскій, стр. 24.

([54]) Ипат. л. 223; Ист. Р. Ц. I, 180; II, 129—130. Изъ луцкихъ епископовъ упом.—Ѳеодосій ок. 1326 г., Ѳеодоръ ок. 1338 г. (Ист. Р. іер. I. 226).

([55]) Никон. л. III. 96.

скими и всея Россіи, но, какъ извѣстно, не жили въ Кіевѣ, и даже рѣдко, кромѣ Ѳеогноста, посѣщали волынскія и другія заднѣпровскія области, и потому уже меньше прежняго имѣли вліянія на епархіи этихъ областей. Намѣстники митрополитовъ, уполномоченные на управленіе духовенствомъ всей кіевской митрополіи, внесши положенныя митрополиту дани, оставались уже почти независимыми въ своихъ епархіяхъ ([56]). Впрочемъ до окончательнаго раздѣленія русской митрополіи на двѣ, волынскіе іерархи зависѣли всегда отъ митрополитовъ владимірскихъ и московскихъ, которые по временамъ, хотя и рѣдко, пріѣзжали обозрѣвать волынскія епархіи, и даже довольно долго живали иногда во Владимірѣ волынскомъ ([57]). Пользуясь удаленіемъ изъ Кіева митрополитовъ, волынскіе удѣльные князья, особенно галицкіе, присвоившіе себѣ титло и великихъ князей кіевскихъ, думали учредить въ Галичѣ особую митрополію и образовать въ удѣлахъ волынскихъ совершенно отдѣльное церковное управленіе ([58]). Поэтому, когда, по кончинѣ митрополита кіевскаго Максима, нѣкто игуменъ Геронтій дерзнулъ восхитить санъ святительскій, и отправился въ Константинополь за благословеніемъ: князь волынскій Георгій, внукъ Даніиловъ, тотчасъ же «задумалъ галицкую епископію въ митрополію обратить, показывая видъ, что не хочетъ терпѣть Геронтіева высокоумія» ([59]). Онъ отправилъ игумена своей области Петра въ Кон-

---

([56]) Опис. кіев. соб. стр. 85—87.

([57]) Напр. м. Ѳеогностъ (Никон. л. III. стр. 155—157).

([58]) Оп. кіевск. соб. 87—88.

([59]) См. житіе св. Петра—въ Степ. кн. I. 416. Карамз. IV пр. 243.

стантинополь съ просительною граматою къ Патріарху посвятить Петра въ митрополита галицкаго (60). Патріархъ Аѳанасій (1308 г.) посвятилъ Петра, но не въ Галичъ и не для однѣхъ только волынскихъ епархій, а въ Кіевъ — для всей Россіи. Спустя впрочемъ девять лѣтъ, именно въ Октябрѣ 1317 г., уже и въ Константинополѣ назначили особую митрополію литовскую или волынскую (61), хотя это назначеніе, кажется, еще долго не было исполнено на самомъ дѣлѣ. Извѣстно, что св. Петра погребалъ (1326 г.) въ Москвѣ Ѳеодосій, епископъ одной изъ волынскихъ епархій, именно луцкой (62); слѣд. имѣлъ общеніе съ покойнымъ митрополитомъ и зависѣлъ отъ него. Преемникъ св. Петра, м. Ѳеогностъ, поставленъ былъ (1327 г.) митрополитомъ «Кіеву и всей русской землѣ» (63); а въ 1328 г. путешествовалъ въ волынскую землю, въ Галичъ и далѣе (64). Въ 1329 г. во Владимірѣ волынскомъ онъ поставилъ епископа въ Тверь, а въ 1330 г. — архіепископа въ Новгородъ; при чемъ, по словамъ самой же лѣтописи, было четыре епископа волынской области: Аѳанасій владимірскій, Маркъ перемышльскій, Іоаннъ холмскій и *Ѳеодоръ галицкій* (65). Въ 1347 г. константинопольскій императоръ, извѣщая волынскаго князя Димитрія—Любарта объ уничтоженіи возникавшей тогда галицкой митрополіи, называетъ ея

---

(60) Тамъ же. Оп. кiев. соб. 88. Ист. Р. Ц. II. 112.
(61) Оп. кiев. соб. 92. Ист. Р. Ц. II. 113.
(62) Никон. лѣт. III. 131.
(63) Тамъ же—139. Оп. кiев. соб. 87.
(64) Никон. л. III. 154.
(65) Тамъ же—155—157. I новгор. 75.

учрежденіе новизною (*καινοτομία*) ([66]); и дѣйствительно, едва только въ Галичѣ поставленъ былъ особый митрополитъ, которому подчинены были епархіи волынской области и всей малой Россіи: митрополитъ Феогностъ въ 1347 г. не замедлилъ отправить пословъ въ Константинополь и, представивъ императору и патріарху невыгоду и даже вредъ такого постановленія, въ тоже самое время настоялъ на его уничтоженіе ([67]).

Правда, король польскій Казиміръ, завладѣвшій частію Волыни въ половинѣ XIV в., въ 1371 г. представлялъ константинопольскому патріарху рядъ митрополитовъ, бывшихъ будто бы на престолѣ Галича: «отъ вѣка вѣковъ», говоритъ онъ въ своемъ посланіи отъ лица новыхъ своихъ подданныхъ, «отъ вѣка вѣковъ Галичъ славился во всѣхъ странахъ митрополіею и былъ престоломъ митрополитовъ. Первый митрополитъ нашего благочестія былъ Нифонтъ, вторый—м. Петръ, третій—Гавріилъ, четвертый — Феодоръ. Всѣ они были на престолѣ Галича» ([68]). Но кромѣ очевидныхъ признаковъ преувеличенія, замѣчаемыхъ въ словахъ Казиміра, изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, по крайней мѣрѣ, о двухъ лицахъ, имъ представляемыхъ, что они вовсе не были митрополитами на престолѣ Галича. Такъ, св. Петръ не былъ митрополитомъ на престолѣ Галича, хотя этого и хотѣлось волынскому князю ([69]). Такъ, Феодора наши лѣто-

---

([66]) Протов констант. патріарх. XIV в., въ Ж. М. Н. П. 1817 г. ч. 54. отд. II. стр. 138.

([67]) Ник. III 186 Ж М. Н. П. 1847 г. ч. 51. отд. II. стр. 139.

([68]) См. Ж. М. Н. П. 1847 г. ч. 54 отд. П. грам. 27.

([69]) Въ самое нашествіе Татаръ на галицкой каѳедрѣ былъ Петръ, который, хотя назывался иногда архіепископомъ, но не въ смыслѣ митро-

писцы называютъ не митрополитомъ галицкимъ, а такимъ же владыкою, какими были и прочіе епископы волынской области, и притомъ представляютъ его зависящимъ отъ митрополита Θеогноста (70), и самъ князь Георгій, въ граматѣ своей къ великимъ магистрамъ нѣмецкаго ордена, писанной въ 1334 г., называетъ Θеодора «галичьскимъ епископомъ», а не митрополитомъ (71). Если уже допустить, что показаніе Казимира имѣло какое нибудь основаніе: то развѣ только то, что епископы Галича, какъ епископы столицы волынской земли (а иногда и всей малой Россіи), какъ ближайшіе совѣтники князей волынскихъ, пользовались нѣкоторымъ преимуществомъ предъ прочими епископами, особенно въ глазахъ князей или королей галицкихъ. Могло быть также, что по пресѣченіи рода галицко-волынскихъ князей, епископъ галицкій Θеодоръ наименованъ былъ митрополитомъ: такъ какъ въ 1347 г. дѣйствительно является въ Галичѣ особый митрополитъ, коего имя неизвѣстно (72).

Такимъ образомъ, доколѣ Волынь находилась еще подъ властію русскихъ князей, въ Галичѣ не было особаго митрополита,—и всѣ епархіи волынскія были подчинены митрополиту всероссійскому, коего мѣсто-

---

полита, т. е. владыки, имѣвшаго подъ своимъ вѣдѣніемъ нѣсколько другихъ епископовъ (см. Маякъ 1813 г. «Ист. взглядъ на состояніе православ. церкви въ г. Каменцѣ-Подольскомъ»). Въ граматѣ Даніила Романовича Евреямъ-Караитамъ въ 1246 г. Петръ наименованъ епископомъ (Зубр. о Черв. Руси, стр. 155).

(70) I. Новгор. лѣт. стр. 75.

(71) Карамз. IV. 197. примѣч. 276.

(72) См. проток. конст. патр. въ Ж. М. Н. П. 1847 г. ч. 54.

пребыванiемъ былъ сперва Кiевъ, потомъ Владимiръ на Клязьмѣ, наконецъ Москва ([73]).

Кормчею книгою для церковнаго управленiя, какъ извѣстно, принятъ въ Россiи тотъ самый номоканонъ, которымъ руководствовалась церковь греческая. На основанiи номоканона св. Владимiромъ и Ярославомъ составлены два особые устава, гдѣ предметы церковнаго управленiя представлены въ болѣе краткомъ и опредѣленномъ видѣ. Безъ сомнѣнiя, этими же правилами и уставами пользовались въ предметахъ церковнаго управленiя и iерархи волынскiе. Кромѣ того, кiевскiе митрополиты составляли многiя правила и уставы на помѣстныхъ соборахъ, а иногда испрашивали разрѣшенiя нѣкоторыхъ вопросовъ у константинопольскихъ патрiарховъ. Всѣмъ этимъ руководствовались въ дѣлахъ церковныхъ епархiальные епископы. Въ 1263 г., для лучшаго соблюденiя благочинiя въ Церкви и благоустроеннѣйшаго управленiя церковнаго, митрополитъ Кириллъ позаботился достать изъ Болгарiи отъ Святислава, намѣстника царя болгарскаго, списокъ полныхъ церковныхъ правилъ, съ толкованiемъ на нихъ Зонары. Списокъ этотъ переведенъ былъ на славянскiй языкъ со списка, полученнаго Святисла-

---

([73]) Извѣстны еще граматы Льва Данiиловича, въ которыхъ упоминается о галицкихъ митрополитахъ—Iосифѣ и Григорiѣ въ 1292 и 1301 годахъ (Зубр. о Черв. Р. приб. подъ буквами: Б, В, Г, Д, Е, Ж). Въ позднѣйшее время въ 1415 и 1522 г. пастыри галицкiе, въ тяжбахъ съ лицами свѣтскими за достоянiе церковное, ссылались на то, что «такъ было при князьяхъ русскихъ — Львѣ, Георгiѣ и др»., и такiя показанiя имѣли силу (Sup. ad. H. R. mon. 453. Акт. З. Р. I. № 31,. Но дошедшiя до насъ граматы эти, по суду лучшихъ изслѣдователей, не подлинны (Карамз. IV. примѣч. 203. Шафарикъ и Головацкiй— въ Ж. М. Н. П. 1843. отд. III. 10—12.

вомъ отъ константинопольскаго патріарха ([74]). Волынскій князь Владиміръ Васильковичъ, мужъ благочестивый и просвѣщенный, позаботился переписать новопереведенную кормчую книгу ([75]). А князь Левъ Даніиловичъ, подражая примѣру предковъ своихъ, призналъ за нужное подтвердить древнее право духовное и суды церковные ([76]).

Содержаніе церквей и духовенства на Волыни, какъ и вездѣ въ Россіи, первоначально зависѣло отъ добровольныхъ подаяній; къ этому присоединились потомъ доходы съ недвижимыхъ имѣній. Священно—и церковнослужители приходскіе пользовались еще подворнымъ съ прихода ежегоднымъ сборомъ денегъ, хлѣба и другихъ необходимыхъ вещей, называвшихся «роковщиною» ([77]). Кромѣ того, источниками содержанія собственно епископовъ главнымъ образомъ служили: 1) десятина, которую князья удѣляли изъ своего имѣнія только на соборныя церкви въ своихъ удѣлахъ; 2) судныя пошлины по духовнымъ дѣламъ епархіальнымъ; 3) ставленныя пошлины; наконецъ 4) ежегодныя приношенія, извѣстныя подъ именемъ «кунъ» ([78]). Между тѣмъ, время отъ времени, помѣстныя владѣнія церквей и духовенства увеличивались отъ пожертвованій благочестивыхъ князей волынскихъ. Такъ о Владимірѣ Васильковичѣ волынскій лѣтописецъ замѣчаетъ, что онъ «любовь имяше ко всимъ, монастырѣ набдя,

---

([74]) Ист. Р. Ц. II. 109.

([75]) О корич. Б. Розенкамп. отд. II. стр. 61, 62.

([76]) Зубр. о черв. Р. приб. подъ буквами: Б. и Г.

([77]) Опис. кіев. соб. 257, 258. Во многихъ приходахъ этотъ обычай и доселѣ существуетъ и называется также роковщиною.

([78]) Оп. кіев. соб. 250—262

и многи созда, на весь церковный чинъ и на церковники отверзлъ ему бяшетъ Богъ сердце и очи» ([79]); такъ, даже литовскій князь Любартъ Гедиминовичъ, княжившій нѣкоторое время на Волыни, «православной луцкой епископіи надалъ эрекціальною записью своею (1322 г. Декаб. 20), на вѣчныя времена, недвижимыя имѣнія», состоявшія въ девяти важныхъ селеніяхъ въ луцкомъ и острожскомъ уѣздахъ нынѣшней волынской губерніи ([80]).

II. *Состояніе богослуженія.* Первые храмы христіанскіе воздвигнуты на Волыни св. Владиміромъ, который повелѣлъ ставить церкви по всѣмъ городамъ и селамъ ([81]). Назначивъ епископскую каѳедру во Владимірѣ волынскомъ, равноапостольный князь, въ тоже время, соорудилъ здѣсь во имя Успенія Божіей Матери каѳедральный каменный соборъ ([82]). Едва ли не раньше еще построена здѣсь Владиміромъ же каменная церковь, которая по христіанскому его имени, названа и доселѣ называется Васильевскою ([83]). Въ селѣ Зимномъ (отъ г. Владиміра въ 4-хъ верстахъ) и доселѣ существуетъ древняя ка-

---

([79]) Ипат. л. 219—223.

([80]) Запись эта хранится въ архивѣ луцкаго собора.

([81]) Полн. собр. русск. лѣт. т. I. стр. 51.

([82]) Татищ. II. 78. см. также Маякъ 1844 г. т. XVII. кн. XXXII. стр. 33.

([83]) Объ этомъ храмѣ сохранилось между жителями г. Владиміра довольно любопытное преданіе, что Владиміръ великій, возвращаясь изъ Польши (вѣроятно, изъ южной Галиціи, послѣ войны съ Хорватами, см. Карамз. I, 220. примѣч. 469), въ знакъ благодарности за одержанную имъ побѣду, велѣлъ каждому изъ своихъ воиновъ снести по одному кирпичу и воздвигнуть эту святыню въ одинъ день.—Не можемъ сказать, въ какой степени справедливо и достовѣрно это преданіе: впрочемъ на Руси (напр. въ Вологдѣ, Новгородѣ) есть *обыденныя* церкви, называемыя *обыденными*,

менная церковь, построенная, по свидѣтельству церковной описи (84), св. Владиміромъ. Еще извѣстна на Волыни одна церковь, построенная св. просвѣтителемъ земли русской, — это храмъ св. Василія въ Овручѣ (85). Ближайшіе потомки св. Владиміра, благочестивые князья волынскіе, не менѣе ревностны были къ св. храмамъ Божіимъ. Такъ, Мстиславъ Изъяславичъ, княжившій около половины XII в., по словамъ лѣтописи, «дивно украсилъ церковь во Владимірѣ волынскомъ» (86); Ярославъ Владиміровичъ (1182 — 1199); «мудрый, богобоязненный, честный, къ церковному чину самъ приходилъ и устроялъ его добрѣ» (87) и др. Усердіе благочестивыхъ князей къ святынѣ храмовъ Божіихъ поддерживаемо было примѣромъ добрыхъ пастырей волынскихъ, которые дѣятельно заботились, между прочимъ, объ умноженіи и благолѣпіи церквей (88), особенно въ тѣхъ городахъ, гдѣ учреждаемы были епископскія каѳедры. Особенное усердіе князей къ дому Божію, подобно какъ и святая ревность въ этомъ дѣлѣ волынскихъ пастырей, самымъ ощутительнымъ образомъ проявились послѣ татарскаго опустошенія. Такъ, о Даніилѣ Романовичѣ лѣтописецъ замѣчаетъ: «созда грады многи и церкви постави, и

которыя созидаемы были народомъ въ одинъ день, въ свидѣтельство благодарности Богу за какое нибудь особенное благодѣяніе Его (см. Маякъ 1844 г. т. XVII. кн. XXXIII. стр. 33—34).

(84) Эта опись, или инвентарь, писана на польскомъ языкѣ; она составлена, на основаніи «древнихъ визитъ», 1766 г. Іюля 27, и хранится въ архивѣ этой церкви.

(85) Вол. Зап. Рус. 100. Маякъ 1844 г. кн. XXXIII. стр. 32.

(86) Ник. л. II. 189. Карамз. II. 509.

(87) Ип. л. 135—136. 103. 156. 163. 167. 172. и д.

(88) См. о влад. еп. Стефанѣ въ патер. печер. 120—123.

украси я различными красотами» (89); также и его племянникѣ Владимірѣ Васильковичѣ: «многи монастыри созда, созда же и церкви многи» (90). Но особенную ревность къ церкви Божіей и ея богослуженію имѣлъ волынскій князь Владиміръ Васильковичъ. Онъ построилъ въ Каменцѣ церковь Благовѣщенія; въ Любомлѣ—каменную церковь св. великомученика Христова Георгія; въ Брестѣ—церковь св. Петра; во Владимірѣ—монастырь св. Апостоловъ. Кромѣ того, многія церкви надѣлилъ иконами, дорогими книгами и сосудами (91).

Но при сближеніи Волыни, особенно княжества галицкаго, съ западными государствами, при вторженіи въ ея области римскихъ миссіонеровъ, не вкрались ли въ священнодѣйствія православной церкви обряды, чуждые ей—не православные? Съ достовѣрностію можно сказать, что до конца разсматриваемаго періода, все, относящееся къ церковному богослуженію, оставалось неприкосновеннымъ. Папа, усиливавшійся посредствомъ Даніила Романовича подчинить себѣ жителей волынской области, дозволялъ имъ совершать литургію на квасномъ хлѣбѣ; соглашался также, чтобы и другіе обряды русской Церкви православной оставались неизмѣнными. Когда Даніилъ Романовичъ построилъ въ Хелмѣ новую церковь пресвятыя Богородицы, «блаженный епископъ Іоаннъ», по словамъ лѣтописца, «сотвори въ ней отъ древа красна точень (купель) позлащенъ днѣ и внѣ, дивленію подобенъ» (92). Въ гра-

(89) Ипат. л. подъ 1264 г.

(90) Тамъ же, стр. 221—223.

(91) Ип. лѣт. 222, 223.

(92) Ип. л. 244.

матѣ Льва Даніиловича освобождаются отъ различныхъ повинностей, въ числѣ прочихъ церковныхъ лицъ, и «проскурникове» ([93]). Изъ описанія храмовъ, воздвигнутыхъ галицко-волынскими князьями, видно, что по самому устройству своему они были греческіе, православные ([94]).

III. *Состояніе ученія.* Первыми учителями и распространителями духовнаго просвѣщенія на Волыни, какъ и въ другихъ областяхъ русскихъ, безъ сомнѣнія, были пастыри Церкви, которымъ оказывали необходимое содѣйствіе и просвѣщенные князья.

Извѣстно, что еще при Владимірѣ святомъ устрояемы были при церквахъ приходскія училища, гдѣ воспитывались дѣти, подъ руководствомъ мѣстныхъ священно—и церковнослужителей ([95]), и такимъ образомъ, по словамъ лѣтописи, «бысть множество училищъ книжныхъ» ([96]). Одно изъ такихъ училищъ заведено было и на Волыни въ г. Владимірѣ ([97]). Подъ 1097 г. лѣтописецъ говоритъ о самомъ себѣ, что онъ «ѣздилъ во Владиміръ на Волыни смотрѣнія ради училищъ и наставленія учителей» ([98]). Галицко-волынскій князь

([93]) Зубр. о Черв. Руси, приб. подъ буквою Д.

([94]) Они отличались особенною живописностію, имѣли врата «царскія, восточныя и полупощныя»; у Владиміра Васильковича «бяше обычай всегда ставитися въ олтарѣ маломъ, идѣже іереи совлачаху ризы своя», — а когда былъ олтарь малый, то былъ и большой. Ипат. лѣт. стр. 197 и др.

([95]) Татищ. II. 75, 76. Очеркъ Ист. Р. Ц. въ пер. до-татарскій, стр. 70.

([96]) Никон. лѣт. I. 94.

([97]) Можетъ быть еще епископомъ Ѳомою Грекомъ, который посланъ былъ сюда для утвержденія вѣры (Татищ. I. 38).

([98]) Несторъ, по Татищ. II. 181. сн. ист. русск. іерар, I 407. Если училища учреждаемы были въ другихъ, менѣе важныхъ, городахъ (напр. въ Курскѣ, см. житіе преп. Ѳеодосія въ Патер. печер. 29), и даже въ

Ярославъ Владиміровичъ (ум. 1188 г.) «изученный многимъ языкамъ и наукамъ», ревнуя о благоустроеніи церковнаго клира, искорененіи въ народѣ суевѣрія и распространеніи правой вѣры, вмѣнялъ черноризцамъ въ обязанность обучать дѣтей наукамъ и удѣлять на это часть монастырскихъ доходовъ ([99]). О другомъ князѣ волынскомъ лѣтописецъ говоритъ: «Володымеръ, разумѣя притчѣ и темно слово и повѣстивъ со епископомъ много отъ книгъ, зане бысть книжникъ великій и философъ, якоже не бысть по всей земли. Онъ со епископы и игумены снимаяся часто, со многимъ смиреніемъ бесѣдоваше отъ книгъ о житіи свѣта сего тлѣннаго» ([100]). Этотъ мудрый и благочестивый князь, ревностно заботясь о распространеніи христіанскаго ученія между своими подданными, усердно старался пріобрѣтать различныя священныя, богослужебныя книги и, по словамъ лѣтописцевъ—современниковъ, положилъ во владимірскомъ монастырѣ св. Апостолъ сборникъ великій отца своего ([101]); многія священныя книги онъ списывалъ собственноручно, какъ-то: евангеліе, апостолъ, молитвословъ, служебникъ, житія святыхъ, дѣянія мучениковъ и др. ([102]). Приходскимъ священникамъ поставлялось въ обязанность—учить малыхъ дѣтей въ домѣ, а всѣхъ—во хра-

---

селахъ (Татищ. II. 75. 76): то, безъ сомнѣнія, подобныхъ училищъ не могло не быть въ такомъ обширномъ и многолюдномъ городѣ, каковъ былъ Владиміръ.

([99]) Татищ. III. 280. Истор. рус. іерар. I. 408.

([100]) Ипат. лѣт. стр., 218. 219.

([101]) Ипат. л. 222.

([102]) Тамъ же, 223.

мѣ ([103]), что, безъ сомнѣнія, много способствовало распространенію духовнаго просвѣщенія въ народѣ.

Древнѣйшимъ письменнымъ памятникомъ духовнаго просвѣщенія на Волыни служитъ описаніе нѣкоторыхъ волынскихъ происшествій Василіемъ, по мнѣнію Карамзина ([104]), священникомъ, или монахомъ. Священнослужитель Василій, житель волынской области, около 1098 г. былъ посланъ къ ослѣпленному князю Васильку, и разговоръ свой съ нимъ, равно какъ и весь свой разсказъ о волынскихъ событіяхъ включилъ въ Несторову лѣтопись ([105]). Въ XII в. встрѣчаемъ писанія Нифонта, игумена волынскаго, бывшаго потомъ епископомъ новгородскимъ. Онъ, по мнѣнію Татищева, продолжалъ Несторову лѣтопись послѣ Сильвестра (съ 1116 по 1157 г.), и описывалъ по преимуществу происшествія волынскія. Извѣстны также отвѣты Нифонта на многіе по дѣламъ церковнымъ вопросы, которые предлагалъ ему нѣкто Кирикъ ([106]). Кромѣ того, Нифонту приписываются и нѣкоторыя другія сочиненія, остающіяся въ рукописяхъ ([107]). Въ XIII в. находимъ сочиненія волынскаго игумена Петра, бывшаго потомъ митрополитомъ кіевскимъ ([108]). Извѣстно именно его поученіе «игуменомъ, попомъ и діакономъ» ([109]); въ немъ содержится увѣщаніе пастырямъ объ ихъ долгѣ.

([103]) Ист. Р. Ц. II. 52.

([104]) Карамз. II. 119. примѣч. 184.

([105]) Ист. сл. м. Евгенія I. 65. Карамз. II прим. 184.

([106]) Отвѣты эти напечатаны въ Москвѣ, 1821 г. въ книгѣ: «Памятники Россійской Словесности XII в.»

([107]) Подробнѣе см. въ словарѣ м. Евгенія II. 140—143.

([108]) Опис. кіевос. соб. стр. 87.

([109]) Напеч. въ Приб. къ твор. св. Отц. 1844 г. ч. II. стр. 85—90.

Это поученіе святителя не только исполнено высокой мудрости духовной, но и отличается ясностію, легкостію слога, стройностію въ расположеніи мыслей, твердостію и убѣдительностію доводовъ ([110]). Наконецъ, какъ памятникъ древняго просвѣщенія на Волыни, особенное вниманіе обращаетъ на себя волынская лѣтопись, извѣстная подъ именемъ Ипатьевской ([111]). Лѣтописецъ удивляетъ читателя знакомствомъ съ ученостію греческою, знаніемъ св. Писанія, твореній св. Отцевъ греческихъ и отечественныхъ, исторіи и проч., также необыкновенною живостію и стройностію языка и живописностію изображенія. Какъ поименованные памятники духовной литературы, такъ и извѣстія, извлеченныя изъ этихъ памятниковъ, даютъ довольно достаточное свидѣтельство, что духовное просвѣщеніе на Волыни, въ разсматриваемый періодъ, находилось на значительной степени: изъ волынскихъ обителей выходили высшіе и просвѣщенные іерархи, какъ-то: св. Петръ, Алексій—митрополиты кіевскіе ([112]), Нифонтъ, епископъ новгородскій ([113]). Заниматься духовными сочиненіями любили не только лица духовныя, но и князья, каковъ былъ, напримѣръ, Василько Романовичъ ([114]).

([110]) Говорятъ, что галицкій епископъ Петръ, современникъ Даніила Романовича, писалъ сочиненіе о Татарахъ; но намъ сочиненіе это неизвѣстно (см. Сѣвер. Пч. 1848 г. № 234—«языкъ югозападной Руси, извлеченный изъ дневника русскаго, выходящаго въ Львовѣ»).

([111]) Напеч. во II томѣ полн. собр. русск. лѣтописей.

([112]) Опис. кіев. соб. стр. 87. Карамз. IV. 406.

([113]) Татищ. I. 57. Слов. м. Евгенія, II. 140.

([114]) Этотъ умный и благочестивый князь пользовался уваженіемъ даже государей иностранныхъ (См. ист. Сербовъ Раича кн. VII. гл. IX стр. 424. Карамз. IV. 347 прим. 144).

III.

СОСТОЯНІЕ ВѢРЫ И НРАВСТВЕННОСТИ.

Вѣра христіанская распространилась на Волыни мирно и быстро,—и ни одинъ лѣтописецъ, ни одно преданіе не говоритъ о какомъ нибудь сопротивленіи Волынянъ къ принятію новой вѣры. Таже любовь и усердіе, съ которыми народъ первоначально принялъ вѣру Христову, не оскудѣвала въ немъ и въ послѣдующія времена: высокій, священный даръ Неба всегда хранимъ былъ свято и содержимъ народомъ твердо и постоянно ([115]).

Духъ набожности и благочестія древнихъ Волынянъ выразился какъ въ сердечной ихъ привязанности ко всему церковному и духовному ([116]), такъ и въ дѣлахъ христіанской любви и милосердія, также въ нѣкоторыхъ благочестивыхъ обычаяхъ ([117]). Этому много способствовалъ примѣръ князей волынскихъ, изъ которыхъ многіе отличались высокимъ благочестіемъ, набожностію и усердіемъ къ церкви. Волынскій лѣ-

---

([115]) Когда м. Кириллъ, для утвержденія мира между венгерскимъ королемъ Белою и волын. княземъ Даніиломъ Романовичемъ, сказалъ послѣднему: «пойми дщерь короля сыну своему въ жену»,—Даніилъ, представивъ себѣ, что дочь короля римско-католическаго вѣроисповѣданія, пришелъ въ недоумѣніе. Посему, братъ князя—Василько, ободряя Даніила, говорилъ ему: «иди къ нему (королю венгерскому), яко христіанинъ есть» (Ипат. л. 185).

([116]) Ипат. л. 102, 106, 121, 153. Лавр. л. 129, 184, 189.

([117]) См. о Глѣбѣ, кн. пересопницкомъ на Волыни (Ип. л. 106); о Ярославѣ, кн. галицко-волынскомъ (тамъ же, 135 и др.).

тописецъ нерѣдко изображаетъ христіанскія свойства и добродѣтели своихъ князей—Мстислава Изъяславича (1156 г.), Ярослава Владиміровича (1182 — 1199 г.) «мудраго, боголюбезнаго, честнаго», Мстислава Романовича (1206—1228) ([118]) и др.; нѣкоторыхъ изъ нихъ представляетъ особенно правдолюбивыми и вѣрными своему долгу и данному слову: «срамъ имамъ и грѣхъ не исполнити обѣта», говорилъ одинъ сынъ Даніиловъ герцогу австрійскому, когда тотъ склонялъ Романа измѣнить въ вѣрности королю венгерскому, обѣщая за измѣну полземли нѣмецкой и изъявляя готовность представить въ свидѣтели папу и 12-ть своихъ бискуповъ ([119]). Другихъ князей волынскихъ лѣтописецъ прославляетъ за милосердіе, иныхъ за доброту сердечную, нѣкоторыхъ за братолюбіе.

Изъ лицъ, ознаменовавшихъ себя особенною святостію и благочестіемъ, извѣстны:

Св. Стефанъ, епископъ владимірскій. Съ самаго дѣтства находясь подъ непосредственнымъ руководствомъ преподобнаго Ѳеодосія печерскаго, и постоянно пользуясь его наставленіями, святитель «добрѣ извыче всякія добродѣтели искусъ». Снискавъ, по этому, любовь всей братіи кіевопечерскаго монастыря, онъ былъ избранъ первоначально «доместикомъ», или строителемъ церковнаго устава; потомъ удостоенъ былъ званія учителя. По смерти же преп. Ѳеодосія, бывшаго игуменомъ обители, по единогласному избранію всей братіи,

---

([118]) Ип. л. 102—105. 135. 136 и д. Вотъ самая обыкновенная похвала древнимъ князьямъ, встрѣчающаяся въ лѣтописи: «монастырѣ набдя, и черицѣ утѣшевая, и мірскія церкви набдѣ, и попы, и весь святительскій чинъ достойною честію чтяше» (Ип. л. 102, 106, 121 и др.).

([119]) Ипат. л. подъ 1257 г.

занялъ мѣсто своего наставника. Въ новомъ званіи, св. Стефанъ ознаменовалъ себя новою ревностію къ славѣ Божіей и любовію къ дому Господню: въ самомъ непродолжительномъ времени онъ и «церковь (начатую преп. Ѳеодосіемъ) соверши и монастырь новъ согради», поставивъ при этомъ правиломъ—совершать въ монастырѣ «божественную литургію за умершую братію и блаженныхъ ктиторовъ» ([120]). Вскорѣ Стефанъ подвергся искушенію: будучи лишенъ братіею не только игуменства, но и всякаго пріюта въ монастырѣ, онъ «великодушно встрѣтилъ несчастіе и съ твердымъ упованіемъ на Бога, вспомоществуемый благочестивыми людьми, вскорѣ построилъ новый монастырь на Кловѣ и въ немъ каменную церковь во имя пр. Богородицы. Вѣрный своему призванію, и въ новой обители, собравши братію, онъ продолжалъ святую, богоугодную жизнь и, какъ замѣчаетъ патерикъ, «много на пользу правовѣрнымъ исправленія показавъ, идяше отъ силы въ силу, яко и въ далечайшихъ странахъ, добродѣтельнаго ради житія, славиму быти ему и знаему многимъ» ([121]). М. Іоаннъ, зная святую жизнь Стефана, избралъ и посвятилъ его во епископа Владиміру. На новомъ поприщѣ служенія св. Стефанъ былъ истиннымъ пастыремъ словеснаго стада Христова, «образъ бывая ему словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою» ([122]). Высокое его благочестіе и святость жизни засвидѣтельствованы были самимъ Богомъ

([120]) Патер. печер. стр. 121.
([121]) Тамъ же, 123.
([122]) Тамъ же.

при перенесеніи честныхъ мощей преп. Ѳеодосія, когда святитель сподобился видѣть «свѣтъ божественныя славы отъ честныхъ мощей отца и учителя своего». Въ немногіе годы своего пастырскаго служенія, епископъ Стефанъ, «многія добродѣтели на успѣхъ словесному си стаду сотвори, ихже ради обрѣтеся достоинъ неувядаемаго славы вѣнца ([123]).

Высокимъ благочестіемъ отличался также и Полонинской обители игуменъ Григорій. Волынскій лѣтописецъ говоритъ объ немъ: «Григорій бяше человѣкъ святъ, якоже не бысть предъ нимъ и по немъ не будетъ» ([124]). Его глубоко уважалъ, у него учился грамотѣ и иноческому житію благочестивый Воншелгъ, литовскій князь ([125]).

Еще мужъ высокаго благочестія — волынскій князь Владиміръ Васильковичъ. Никто изъ князей всей южной Россіи не построилъ столько храмовъ, монастырей; никто болѣе его не надѣлялъ церквей книгами, утварью, иконами. Кроткій, незлобивый, правдивый, подъ старость онъ подвергся тяжкому искушенію, которое четыре года переносилъ съ терпѣніемъ Іова. У него начала гнить нижняя губа; три года болѣзнь усиливалась и распространялась. Еще будучи въ состояніи заниматься дѣлами, онъ роздалъ и разослалъ бѣднымъ все движимое свое имущество—дорогія одежды, драгоцѣнные сосуды, серебро, золото, стада коней и пр. Между тѣмъ, въ исходѣ четвертаго года болѣзнь Владиміра (или Іоанна) достигла крайней сте-

---

([123]) Тамъ же, стр. 123 на оборотѣ.

([124]) Ипат. лѣт. 204.

([125]) Тамъ же, 201—204.

нени. Благочестивый князь молился и ободрялъ себя словами Іова: благая восріяхъ, злыхъ ли не стерплю? Наконецъ, причастившись св. Таинъ, 10 Декабря 1288 г. съ молитвою на устахъ, предалъ духъ свой Богу, оплаканный народомъ, боярами, иноземцами и самими жидами. Современный лѣтописецъ, прилагая къ сему князю слова святителя Иларіона о равноапостольномъ князѣ Владимірѣ, называетъ его «подобникомъ великаго Константина, равно—умнымъ, равно—христолюбивымъ, равно — почтительнымъ къ служителямъ Божіимъ; той бо со святыми Отцы никейскаго Собора законъ человѣкомъ полагаше: сей же со епископы и игумены снимаяся часто, со многимъ смиреніемъ много бесѣдоваше отъ книгъ о житіи свѣта сего тлѣннаго» ([126]).

Изъ этого краткаго очерка исторіи православной церкви на Волыни, въ періодъ первый, видимъ, что вѣра христіанская, проникшая въ эту область въ концѣ IX или началѣ X вѣка, сдѣлалась господствующею при св. Владимірѣ въ концѣ X вѣка и распространилась по всей землѣ волынской быстро и мирно. Но вскорѣ эта юная церковь должна была испытать тяжкія бѣдствія, въ особенности отъ Монголовъ: какъ ни велики были, однакожъ, раны, нанесенныя ей руками Монголовъ,—онѣ быстро залѣчиваемы были дѣятельными пастырями и благочестивыми князьями волынскими.

([126]) Ип. л. 219—223. «И тако плакавшеся надъ нимъ все множество володимерцевъ, мужи и жены и дѣти, нѣмцы, и сурожцы, и новгородци, и жидове плакахуся, аки во взятьи Іерусалиму, егда ведяхуть я въ полонъ вавилонскій; и нищіи, и убозіи, и черноризцы, и черницѣ» и пр.

Видимъ, что всѣ старанія римскихъ первосвященниковъ— подчинить своей власти волынскихъ россіянъ посредствомъ князей галицко-волынскихъ и литовскихъ остались совершенно тщетными: князья признавали въ церковныхъ дѣлахъ верховную власть константинопольскаго Патріарха и всероссійскаго Митрополита, а не римскаго папы и его епископовъ; богослуженіе и обряды церковные сохранились въ волынской области во всей чистотѣ и неприкосновенности. Наконецъ видимъ, что по самой вѣрѣ — пламенной и живой, и доброй нравственности, Волыняне достойно носили имя христіанъ православныхъ.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

СО ВРЕМЕНИ ПОКОРЕНІЯ ВОЛЫНИ КОРОЛЕМЪ ПОЛЬСКИМЪ КАЗИМІРОМЪ III ДО НАЧАЛА УНІИ (СЪ ПОЛОВИНЫ XIV ВѢКА ДО КОНЦА XVI В.).

I.

ВНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Въ концѣ 1-й половины XIV в. (1336—39) пресѣкся родъ галицко-волынскихъ князей. Ихъ государствомъ овладѣли иноплеменники, большею частію, Поляки. Съ этого времени въ земляхъ волынскихъ начало распространяться римско-католическое вѣроисповѣданіе. Первый иноплеменный князь галицко-волынскій до того простеръ свою ревность къ папизму, что заплатилъ за нее своею жизнію ([127]). Послѣ долгаго сопротивленія, жители южныхъ городовъ волынскихъ ([128]) согласились признать своимъ государемъ польскаго

([127]) Болеславъ отравленъ своими новыми подданными, главнымъ образомъ, за то, что насильно вводилъ между ними латинство (Dlug. l. IX, p. 1058).

([128]) Перемышля, Любачева, Галича, Санока, Теребовля, Клеменца (нынѣ уѣзд. гор. волынск. губ.). Другіе города волынскіе находились подъ властію литовскихъ князей (см. Карамз. IV, 232).

короля Казиміра III-го, взявъ съ него обязательство— не мѣшаться въ дѣла вѣры, не вводить между ними латинства ([129]). Однако и Казиміръ не исполнилъ своего обязательства. Ободренный успѣхами ([130]), онъ началъ открыто преслѣдовать православную вѣру, вездѣ между рускими поселялъ римско-католиковъ, дѣлалъ разныя притѣсненія духовенству волынскому, и обращалъ церкви въ латинскія костелы ([131]). Граждане стенали; утративъ государственную независимость, они еще умѣли крѣпко стоять за вѣру отцовъ и отдавали честь терпимости литовскаго правительства. Гласъ народа единокровнаго отозвался въ Москвѣ, и вел. кн. Симеонъ Гордый принялъ сторону литовскихъ князей; самъ митрополитъ ревностно ходатайствовалъ за нихъ, потому что они не мѣшали ему управлять и духовенствомъ волынскимъ, особенно же за Любарта, усерднаго сына православной Церкви. Такимъ образомъ, съ помощію храбраго союзника, въ слѣдующемъ же году (1350) Любартъ выгналъ латынянъ изъ Волыни, и оставилъ въ рукахъ Казиміра одинъ только Львовъ ([213]). Съ этого времени начался безпрерывный

([129]) Dlug. IX, p. 1038. Каразэ. IV, 233. Ист. Малороссіи Маркевича I, 12.

([130]) «In hoc bello Casimirus magna felicitate usus est, una aestate expugnatis Lusco, Wladimiria, Breste, Chelino, Volinia omni». (Annal. Stanisl. Sarnicii, l. VII, pag. 1142. Dlug. IX, 1038).

([131]) Latopisiec Litwy Danilowicza, стр. 170. Hist. Nar. Polsk. Naruszewicza, t. VI. X. II. § XXIX. Новг. лѣт. у Каразз. т. IV, стр. 464, примѣч. 351. Ненависть Россіянъ волынскихъ къ Полякамъ была столь велика, что князь Даніилъ острожскій и староста Перемышля, именемъ Дашко, въ 1341 г. звали хана освободить ихъ отъ ига Казимірова, желая лучше повиноваться Монголамъ, нежели сему королю христіанскому (см. Hist. Narusz. VI, 108—113).

([132]) Dlug. IX, p. 1087—1093. Corp. Hist. Polon. Pistorii, III, p. 166 Зубр. о Черв. Руси стр. 96—205 Каримз. IV, стр. 251,—также примѣч. 351.

споръ между Монголами, Венграми, Поляками и Литовцами за древнее достояніе нашего отечества — обширную и изобильную Волынь!

Въ 1366 году Казиміръ снова овладѣлъ Волынью, и опять ревностно началъ заботиться о распространеніи въ новыхъ владѣніяхъ своихъ латинства ([133]). При его преемникѣ насилія умножились. Людовикъ венгерскій (вступившій на польскій престолъ 1370 г.) хотѣлъ присоединить Волынь къ Венгріи, а народъ обратить къ римской церкви. Для вѣрнѣйшаго успѣха въ своемъ предпріятіи, король венгерскій, а также и опольскій князь Владиславъ, испросили у папы Григорія XI буллу на учрежденіе римско-католическихъ епархій на Волыни; и въ 1375 году папа назначилъ уже своихъ епископовъ въ Перемышль, Владиміръ ([134]),

([133]) Казиміру нѣкоторые приписываютъ учрежденіе на югѣ Россіи римско-католич. епископствъ (см. Dlug. IX, p. 1131); но справедливѣе будетъ мнѣніе, относящее учрежденіе это ко времени Людовика, преемника Казимірова, и подтверждающееся двумя буллами папы Григорія XI: первая изъ этихъ буллъ дана Варѳоломею де Алверна, начальнику «Fratrum minorum in partibus Russiæ», 1372 г.; въ ней говорится: «non erant ecclesiae cathedrales et parochiales in Russia, nec rectores earum. 2-я писана въ 1375 г.: въ ней говорится: halicienses, lodomirienses et chelmenses ecclesiae, quae in illis partibus consistebant, cathedrales erant, et ante acquisitionem hujus modi, per schismaticos et haereticos antistes detinebantur (Зубр. о Черв. Рус. стр. 74, 75.

([134]) Польскія хроники увѣряютъ, что въ это же время основана римско-католическая епископія и въ Луцкѣ, и что Людовикъ былъ ея основателемъ; но это не совсѣмъ справедливо. Въ Луцкѣ была учреждена въ это время только, такъ называемая, «капитула»; а каѳедра епископская до 1423, или 27 г. находилась во Владимірѣ; и уже при Витовтѣ только учреждена римско-католическая епископія въ Луцкѣ (см. «Dzieje dobroczynnosci krajowey i zagraniczney (журналъ, издававшійся въ Вильнѣ) rok drugi (1821), str. 1014. Снес. Кіев. 1841, стр. 31.

Холмъ, а въ Галичѣ учредилъ митрополію; схизматическихъ же епископовъ, т. е. православныхъ предписывалъ отрѣшать отъ ихъ каѳедръ ([135]). Около этого же времени, многіе города древней Волыни наводнены были францисканскими и доминиканскими монахами, для которыхъ построены были и монастыри ([136]). Съ своей стороны, властители галицкіе и нѣкоторыхъ городовъ нынѣшней волынской губерніи (Кременца, Дубна и др.) очень ревностно старались споспѣшествовать латинству въ завоеванныхъ земляхъ ([137]). Впрочемъ лѣтописцы наши, жалуясь на латынянъ за обращеніе православныхъ храмовъ въ костелы, не упрекаютъ ихъ въ совращеніи въ латинство народа; польскіе лѣтописцы также не хвалятся своими успѣхами въ обращеніи Россіянъ. Въ слѣдствіе этого, и назначаемые папою въ разные города волынской области епископы были, почти всѣ, только титулярные, «номинаты», а не дѣйствительные. Такъ, о перемышльскомъ епископѣ извѣстно, что онъ не жилъ въ Перемышлѣ до самаго 1390 года ([138]). Еще съ большею основательностію можно сказать это о епископахъ, назначенныхъ папою во Владиміръ и Холмъ: потому что города эти болѣе зависѣли отъ православныхъ князей литовскихъ, нежели римско-католическихъ князей галицкихъ.

Таково было сотояніе церкви преимущественно въ южныхъ областяхъ волынскихъ, гдѣ владычествовали

([135]) Histor. R. M. I, № CXVII. Зубр. о Черв. Руси, стр. 74, 75, 169—172. Dlug. X, p. 26. М. Евгеній въ опис. кіевской іерархіи, стр. 91.

([136]) Suppl. ad. H. R. M. № 39.

([137]) Зубр. о Черв. Рус. стр. 74, 168—172, 190.

([138]) Зубр. о Черв. Руси, стр. 223, 224.

короли польскіе. На западѣ Волыни православная церковь, до самаго почти конца XIV вѣка, свободна была отъ козней и явныхъ насилій папистовъ: здѣсь, большею частію, владѣли князья литовскіе — христіане, которые дозволяли своимъ русскимъ подданнымъ свободно исповѣдывать вѣру предковъ, и зависѣть въ дѣлахъ церковныхъ отъ православныхъ россійкихъ митрополитовъ. Въ самой даже Литвѣ, до 1386 года, римскіе миссіонеры не имѣли почти никакихъ успѣховъ; тогда какъ православная вѣра постепенно брала тамъ явный перевѣсъ надъ язычествомъ ([139]). Но въ 1386 г., сверхъ всякаго ожиданія, для римскаго духовенства открылся самый пространный входъ въ литовско-русскія, волынскія области. Не задолго предъ этимъ, вел. князь литовскій Ягелло, внукъ Гедимина, сдѣлавъ жестокій набѣгъ на Польшу, требовалъ руки польской королевы Ядвиги. Для польскихъ магнатовъ, а особенно для польскаго духовенства, ничего не могло быть благопріятнѣе этого предложенія. Чрезъ брачный союзъ своей королевы съ литовскимъ княземъ польскіе паны и духовенство надѣялись, во первыхъ избавить свое государство отъ постоянныхъ, опустошительныхъ нашествій самихъ Литовцевъ; во вторыхъ и главнымъ образомъ — сдѣлаться спокойными распорядителями не только въ южныхъ областяхъ волынскихъ, въ которыхъ не могли доселѣ прочно утвердиться, именно по причинѣ набѣговъ литовскихъ, — но и въ западной части Волыни, даже въ самой Литвѣ. Польскіе бискупы убѣдили Ядвигу отказаться отъ су-

([139]) См. ист. Р. Ц. II, 35—42.

пружества съ герцогомъ австрійскимъ, и отправили въ Литву пословъ съ предложеніемъ Ягеллу руки королевы ([140]). Когда, въ слѣдствіе польскаго посольства, литовскій князь съ нѣкоторыми своими братьями прибылъ въ Краковъ, епископы перекрестили ихъ по своему обряду, и клятвою обязали Ягелла — ввести римскую вѣру въ великое княжество литовское, къ которому принадлежала въ это время большая часть земли волынской ([141]). Ягелло не нарушилъ своей клятвы. Возвратившись изъ Кракова, онъ приступилъ къ обращенію Литвы и волыно-литовскихъ россіянъ въ латинство; во многихъ мѣстахъ выстроилъ костелы; равнымъ образомъ, по примѣру Казиміра, обращалъ въ костелы и православные храмы; издалъ постановленіе, которымъ воспрещалось лицамъ различнаго исповѣданія вступать въ брачный союзъ; если же, вопреки запрещенію, случится такой бракъ, то не разлучать сочетавшихся, а принуждать только лице православное къ латинству, хотябы и тѣлесными наказаніями; издавалъ даже (въ 1400 и въ 1413), по внушенію польскаго духовенства, постановленія, которыми всѣхъ православныхъ жителей земли волынской лишалъ гражданскихъ правъ и преимуществъ, предоставляя послѣднія только римско-католикамъ ([214]). Супруга Ягелла Ядвига, съ своей стороны, для утвержденія въ русскихъ областяхъ латинской вѣры, дѣлала все, что

—

([140]) Dlug. X, p. 103. Зубр. о Черв. Руси 205, 206. Маякъ 1840 г. кн. IX. 93.

([141]) Dlug. X, p. 103.

([142]) Dlug. X, 118, 134. Зубр. о Черв. Р. 219, 244. Опис. кіев. соб. 99. Акт. З. Р. III, № 32, стр. 119. Маякъ 1840 г. IX, 96.

только могла. Она щедро награждала тѣхъ, которые обращались въ латинство; надѣляла костелы различными вкладами и богатыми украшеніями; вызвала изъ Праги въ Краковъ бенедиктинцевъ, отправлявшихъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, съ цѣлію — показать волынскимъ Россіянамъ, часто посѣщавшимъ Краковъ, что между латинскою вѣрою и православіемъ нѣтъ большаго различія, что можно признавать папу главою христіанства, не отрекаясь роднаго, славянскаго языка; наконецъ, основала даже (въ Прагѣ) бурсу, или коллегію для 12-ти литовскихъ Россіянъ, желавшихъ слушать римское богословіе ([143]). Епископы латинскіе (владимірскій, холмскій и др.) придумывали всякія средства, чтобы, по собственнымъ ихъ словамъ, «въ землю русскую (находившуюся подъ властію Польши) какъ можно болѣе стекался народъ латинскій и искоренялъ Россіянъ и другихъ схизматиковъ, живущихъ въ Россіи ([144])».

Такія насилія римскаго духовенства, конечно, не могли не возбудить въ православныхъ соотвѣтственнаго противодѣйствія. Лишь только Ягелло возвратился изъ Кракова, и началъ распространять въ своемъ княжествѣ римскую вѣру, многія знатныя лица ([145]), исповѣдывавшія православную вѣру (въ томъ числѣ и мать короля, урожденная княжна тверская), тогда же возстали и

([143]) Зубр. о Черв. Р. 117 и д.

([144]) Suppl. ad H. R. M. № XLVII, p. 134. Св. Зубр. «Kronica miasta Lwowa» p. 71, 72.

([145]) Князья—Даніилъ, Θеодоръ и Василій острожскіе, Θеодоръ волынскій, сынъ умершаго Любарта, Скиригайло, Димитрій и др. см. Карамз. V, 95. Коч. Pol. Niesiec. III, 213. и др.

требовали отъ Ягелла, чтобы православнымъ «никто насилія въ вѣрѣ не чинилъ ([146])». Ягелло не хотѣлъ умѣрить своей ревности къ папизму; и потому, Россіяне волынскіе, какъ и Литовцы, спустя три года, приняли сторону двоюроднаго брата его Витовта, и объявили его своимъ великимъ княземъ. Этотъ князь, хотя дозволилъ окрестить себя въ Краковѣ по обряду латинскому, и, ласкаемый папою ([147]), не отказывался отъ римской вѣры; при всемъ томъ, во все время своего правленія (1392—1430), старался покровительствовать своимъ подданнымъ, и въ 1396 г. далъ слово велик. князю Василію Дмитріевичу (при свиданіи съ нимъ въ Смоленскѣ) не притѣснять вѣры греческой, и оставилъ митр. Купріана главою духовенства въ подвластныхъ ему областяхъ волынскихъ ([148]). На сторону же Поляковъ онъ преклонялся только тогда, когда находился или въ опасности со стороны крестоносцевъ, или когда въ союзѣ съ Поляками видѣлъ пользу своего княжества, или — какія либо выгоды личныя. Такъ, замысливъ возложить на себя королевскій вѣнецъ, Витовтъ, для достиженія своей цѣли, ласкалъ римское духовенство, и въ 1427 году учредилъ въ Луцкѣ римско-католическую епископію ([149]). Но эта новая каѳедра не долго, на этотъ разъ, существовала въ Луцкѣ: избранный (1431 — 2) въ преемники Витовту, братъ его Свидригайло (въ правосла-

---

([146]) Густ. лѣт. стр. 351.

([147]) Н. R. М. I. № CXX.

([148]) Карамз. V, 153.

([149]) Кіевл. 1841 г. стр. 31. Dziefe dobr. 1821 г. стр. 1014. Первымъ бискупомъ на луцкой каѳедрѣ былъ Андрей Сплавскій.

віи—Левъ, а по перекрещеніи въ Краковѣ—Болеславъ) былъ страшнымъ бичемъ папистовъ. Онъ разорилъ почти всѣ костелы, воздвигнутые въ областяхъ волынскихъ латинами; умертвилъ всѣхъ попавшихся ему римско-католическихъ священнослужителей; выгналъ изъ Луцка и другихъ городовъ бискуповъ польскихъ, взялъ ихъ имѣнія; такъ что епископство луцкое и другія, находившіяся въ областяхъ литовско-русскаго князя, сдѣлались только пустыми титлами ([150]).

Впрочемъ, и самъ Ягелло подъ старость (ум. 1434) умѣрилъ свою ревность къ папизму, и сталъ быть справедливѣе къ православнымъ своимъ единоземцамъ. Въ 1429 г., на извѣстномъ съѣздѣ луцкомъ [151]), цезарь римскій Сигизмундъ, безпрестанно безпокоимый Чехами-гусситами, разсуждалъ съ Ягелломъ, Витовтомъ, князьями русскими и послами греческаго императора, между прочимъ, о необходимости преобразовать римскую церковь, и о соединеніи ея съ церковію восточною каѳолическою. А въ 1432 г. Сбигнѣвъ Олесницкій, епископъ краковскій, бывшій при Ягеллѣ душею польскаго правленія, уже упрекалъ короля въ томъ, что онъ «не присутствуетъ въ надлежащее время при богослуженіи, не покровительствуетъ и не украшаетъ церквей и монастырей, простираетъ руки къ духовнымъ имѣніямъ и пр. ([152])». Проживая въ Львовѣ, и желая загладить обиды, причиненныя благочестію Россіянъ волынскихъ, Ягелло издалъ даже постановленіе, которымъ запрещалъ римскимъ католикамъ разорять

([150]) Зубр. о Черв. Руси, 290.

([151]) См. вол. губ. вѣд. 1847 г. «Волынь».

([152]) Dlug. X. 564, 598, 599. Зубр. о Черв. Р., 288.

православные храмы, и принуждать православныхъ къ римской вѣрѣ ([153]). Въ тоже время, литовскій князь Сигизмундъ Кейстутьевичъ далъ луцкимъ гражданамъ охранную грамоту отъ притѣсненій и насилій папистовъ и принужденія къ латинской вѣрѣ ([154]). При вѣнчаніи на польскій престолъ (1434 г.) Владислава (Варнскаго), самъ Сбигнѣвъ счелъ уже нужнымъ посовѣтовать новому королю издать постановленіе, которымъ русское дворянство сравнено было въ правахъ съ польскимъ; «въ вѣрѣ же отъ отцевъ наслѣдованной предоставлена была добрая воля и свобода ([155])».

Въ концѣ первой половины XV вѣка, во Флоренціи былъ созванъ соборъ, на которомъ разсуждали о соединеніи восточной церкви съ западною. Послѣдствія сего собора коснулись, прежде и болѣе всего, Русскихъ, жившихъ на Волыни, которые съ прискорбіемъ узнали, что кіевскій митрополитъ, управлявшій волынскими епархіями ([156]), сдѣланъ отъ папы кардиналомъ, какъ одинъ изъ подписавшихъ опредѣленія флорентинскаго собора. Доселѣ къ обращенію православныхъ въ латинство употребляемы были, большею частію, внушенія и скрытныя принужденія, а съ этого времени начались открытыя гоненія на несоглашавшихся.

([153]) Густ. лѣт. подъ 1432 г. Зубр. о Черв. Р., 302.

([154]) Опис. кіев. соб. 106. Этимъ луцкіе граждане обязаны были Свидригайлу, который, будучи лишенъ престола (1432 г.), удалился въ Россію, и жилъ въ Луцкѣ, гдѣ въ 1452 г. и умеръ (см. приб. къ Синоп. кіев. стр. 26).

([155]) Густ. лѣт. 354. Ист. Руссовъ *Конисскаго* 10, 11. Dzieje Krol. Polskiego Bandtkie 11. 26, 31. Зубр. о Ч. Р. 285—292, 320. Ист. Малорос. Марк. 1, 19.

([156]) См. вол. губ. вѣд. 1847 г. «Волынь».

Постановленіе Ягелла и Витовта о предоставленіи правъ на высшія гражданскія должности только папистамъ подтверждаемо было всѣми ихъ преемниками: Казиміромъ, Александромъ, Сигизмундомъ ([157]). Каждый изъ этихъ королей старался и самъ отъ себя сдѣлать что нибудь къ разширенію предѣловъ церкви римской и къ утѣсненію православной ([158]). Поэтому многіе изъ православныхъ, для собственной безопасности, начали переселяться въ великую Россію, а нѣкоторые принимали римско-католическое вѣроисповѣданіе. Владиславъ III, король польскій, для ободренія послѣднихъ, далъ имъ привиллегію на всѣ выгоды и преимущества, которыми пользовались римско-католики ([159]). Казиміръ IV, для притѣсненія православія, издалъ около 1480 г. запрещеніе — нетолько строить новыя православныя церкви, но и починять старыя ([160]). Преемникъ Казиміра Александръ, желая угодить папѣ Александру VI, строилъ по городамъ костелы ([161]), и далъ виленскому

([157]) Акт. З. Р. III. № 32, стр. 119.

([158]) Казиміръ IV въ 1468 г. испрашивалъ у папы Павла II позволенія основать въ подвластной ему Россіи обители для миноритовъ, представляя папѣ, что «въ подвластныхъ королю областяхъ русскихъ обитаетъ великое множество еретиковъ, схизматиковъ и др. невѣровъ; что число ихъ, со дня на день, возрастаетъ больше и больше; и что отъ великаго множества ихъ угрожаетъ большая опасность, если только не взяты будутъ противъ нея надлежащія мѣры». (см. И. R. M. I. № CXXII.

([159]) Опис. кіев. соб. стр. 109.

([160]) Опис. кіев. соб. стр. 110 Пред. къ вил. акт. стр. XLVI. Акт. З. Р. I. № 134, стр. 154; № 199, стр. 348.

([161]) Онъ такъ строго держался постановленія своего предшественника, что, не смотря на самыя настоятельныя требованія Іоанна III, никакъ не соглашался для своей супруги Елены (дочери Іоанна) выстроить придворную православную церковь (см. акт. З. Р. т. I. № 131, стр. 154).

бискупу Алберту полную волю обращать православныхъ въ латинство. Въ слѣдствіе чего, Албертъ Таборъ съ бернардинскими монахами ѣздилъ изъ города въ городъ склонять духовенство, народъ и князей къ папизму. Между тѣмъ Александръ, великій князь литовскій, грозилъ насиліемъ, повелѣвая употреблять мечъ противъ Россіянъ, перекрещивать ихъ въ латинство, отнимая при этомъ женъ отъ мужей, дѣтей отъ родителей ([162]): а папа въ красноречивой буллѣ изъявлялъ свою радость, что еретики будтобы озаряются свѣтомъ истины ([163]). Преемникъ Александра, Сигизмундъ I-й три раза возобновлялъ и подтверждалъ постановленіе, чтобы не давать высшихъ гражданскихъ должностей лицамъ, не принадлежащимъ къ римской церкви ([164]).

Впрочемъ, польско-литовскіе короли давали православнымъ своимъ грамоты и на неприкосновенность ихъ правъ и вѣры; только эти грамоты или заключали въ себѣ какое либо условіе, по которому не могли принесть никакой пользы православію, или были не точны и двусмысленны, или касались только нѣкото-

---

([162]) Акт. З. Р. т. I. № 179, стр. 207. Ослѣпленіе Александра, Алберта и еще Фредерика, архіеп. краковскаго, простиралось въ этомъ случаѣ такъ далеко, что самъ папа Александръ писалъ къ нимъ: «не есть потреба всее Руси знову хрестити; только бы мѣли вчинить стольцу апостольскому послушенство, подлѣ флоринскаго збору, а жити въ обычаю греческомъ». (Акт. З. Р. № 200, стр. 348).

([163]) Каралз. VI. стр. 276—7. Raynald. Annal Eccl. подъ г 1501, № 37.

([164]) Первый разъ—на сеймѣ гродненскомъ 1522 г., другой—на сеймѣ виленскомъ въ 1529 г.; третій разъ въ 1543 г. (см. Miscel. Козлов. p. 48. Стебельскій, II, стр. 91. Крашевскій III. стр. 50. Предисл. къ виленскимъ актамъ, стр. XLVI.

рыхъ частныхъ городовъ ([165]). Такъ, Казиміръ IV въ 1457 г. далъ грамоту духовенству, дворянству, рыцарямъ и боярамъ о сравненіи ихъ въ правахъ съ Поляками; но въ этой грамотѣ, какъ и другихъ подобныхъ, нисколько не объяснено, какому духовенству и какимъ мірянамъ король давалъ свои привиллегіи,—православнымъ ли, или обратившимся и желающимъ обратиться въ латинство. Изъ этой грамоты видно только, что король хотѣлъ оградить духовенство коренное русское отъ совмѣстничества съ духовенствомъ чужеземнымъ — польскимъ ([166]). Иногда впрочемъ короли должны были писать «жалованныя» грамоты православнымъ ясно и безъ всякой обоюдности. Такъ, преемникъ Казиміра Александръ, въ привиллегіи, данной 1499 г. духовенству православному и подтверждающей права Ярославова устава, писалъ: «всѣ епископы, состоящіе подъ митрополитомъ кіевскимъ, имѣютъ судить и рядить, и всѣ дѣла духовныя исправлять, и христіанство греческаго закона по правамъ, уложеннымъ въ спискѣ Ярославовѣ, на вѣчныя времена; и повелѣваемъ, чтобы князья и паны нашего римскаго закона, какъ духовные, такъ и мірскіе, обиды Церкви Божіей и епископамъ не чинили, въ доходы церковные и во всѣ дѣла и суды ихъ духовные не вступались ([167])». Такія же привиллегіи, и почти тѣми же

([165]) Акт. З. Р. т. I. № 42, стр. 56.

([166]) Тамъ же т. I. № 61, стр. 73 — 77. См. также грамату Казиміра, данную галицко-русскому духовенству, рыцарству и проч. (какому, — неизвѣстно) на всѣ прежнія права и вольности въ Suppl. ad H. R. M. № CLXVI

([167]) Опис. кіев. соб. въ прибавл. № 11, стр. 50.

словами, подтверждены Сигизмундомъ I-мъ грамотою, данною въ 1511 г. на генеральномъ сеймѣ брестскомъ «митрополиту, епископамъ и всѣмъ людемъ восточной греческой вѣры на духовныя права по привиллегіямъ вел. князя Витовта, королей — Казиміра и Александра ([168])».

Такимъ образомъ, польско-литовскіе короли издавали грамоты и къ утѣсненію въ областяхъ волынскихъ православія, и къ охраненію его цѣлости. Понятно, что въ этомъ случаѣ они дѣйствовали не столько по собственной волѣ, сколько по настойчивости, съ одной стороны, папъ и бискуповъ, а съ другой — по непреклонному требованію православныхъ. Потому-то всѣ эти грамоты, на дѣлѣ, имѣли весьма мало значенія и силы. Многія знатныя лица православнаго исповѣданія пользовались такими же правами, какъ и—римско-католики; церкви грекороссійскія были устрояемы въ то самое время, когда строго запрещаемо было даже починять старыя ([169]); число православныхъ, по временамъ, не только не уменьшалось, но «со дня на день увеличивалось ([170])», и «въ русскую вѣру крещаемы были даже Ляхи ([171])». Словомъ: не королевская воля, а произволъ дѣйствовалъ съ обѣихъ сторонъ,—со стороны римскихъ католиковъ и со стороны православныхъ: или лучше, со стороны первыхъ дѣй-

---

([168]) Оп. кіев. соб. въ прибавл. № 11, стр. 34.

([169]) Напримѣръ, при Казимірѣ, Александрѣ. Даже въ самой столицѣ Александра строили, въ его время, православныя церкви (см. вол. губ. вѣд. 1847 г. № 27 «Вильно»).

([170]) См. здѣсь примѣчаніе 158.

([171]) Hist. R. M. I. 121. Акт. З. Р. I. № 204, стр. 353.

ствовалъ произволъ, а со стороны послѣднихъ — священный долгъ охраненія древней правой вѣры.

При такихъ обстоятельствахъ легко было реформатскимъ сектамъ открыть себѣ входъ въ области земли волынской. Послѣдователи Гусса еще при Ягеллѣ проникли въ сосѣдственное литовское княжество; Нѣмцы изъ восточной Пруссіи стали переселяться въ литовско-русскіе города волынскіе еще со временъ Тройдена и Гедимина ([172]). Гедиминъ, Ягелло и ихъ преемники давали нѣкоторымъ городамъ право магдебурское, нѣмецкое, общинное, освобождавшее гражданъ отъ всякой власти высшей и уполномочивавшее ихъ на всѣ дѣла внутренняго городскаго управленія, даже на управленіе дѣлами церковными ([173]). Многіе изъ дворянъ волынскихъ, принявъ латинство только изъ политическихъ расчетовъ, потеряли должное уваженіе къ православной церкви, но немного питали его и къ римской ([174]). Нѣкоторые изъ нихъ путешествовали по западной Европѣ, и получали образованіе въ нѣмецкихъ протестантскихъ школахъ. Между самыми римско-католиками-поляками и русскими возникали раздоры и вражда ([175]). Наконецъ, деспотизмъ папъ и нестроенія римской церкви, со дня на день возраставшія не выносимы были для всѣхъ, — и для Поляковъ, и для Русскихъ, — и для латинъ, и тѣмъ болѣе для не — ла-

---

([172]) Кеппенъ: о происхожденіи, языкѣ и литературѣ литов. народа. Карамз. IV, примѣч. 131.

([173]) Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано ниже, въ статьѣ объ управленіи церковномъ.

([174]) Suppl. ad H. R. M. № XI.

([175]) Акт. З. Р. т. I. № 61, стр. 73—77.

тинъ. Перемышльскій каноникъ, Станиславъ Орѣховскій, постоянно жившій на Волыни, въ 1551 г. писалъ папѣ Юлію III: «дѣло у насъ доходитъ до того, что нѣкоторые господство Турокъ считаютъ спокойнѣйшимъ, нежели власть римскую. Турокъ, по крайней мѣрѣ, не скрываетъ своей жестокости, не прикрывается маскою благочестія и смиренія; а Римъ съ жесточайшимъ насиліемъ соединяетъ самое злокозненное лицемѣріе. Ибо, имѣя власть, города, войско, полководцевъ, употребляетъ еще слововыраженія христіанскаго смиренія, каковы: рабъ рабовъ (servus servorum), смиреннѣйшій и пр. Какъ справедливы эти титулы, доказательствомъ тому служатъ войны, буйства, разоренія народовъ и городовъ ([176])». Такимъ образомъ, и обстоятельства и многіе умы Россіянъ волынскихъ довольно уже расположены были въ пользу, недавно возникшей на западѣ и проникшей въ Россію, реформы. Поэтому реформація, въ разныхъ сектахъ своихъ, пройдя чрезъ Польшу, явилась въ Литвѣ, въ половинѣ XVI в. (1540 г.), а въ слѣдъ за тѣмъ распространилась на Волыни,—и притомъ, съ такою же быстротою, съ какою за два вѣка предъ тѣмъ распространялось здѣсь латинство. Покровителемъ всѣхъ сектантовъ явился самъ вел. кн. литовскій Сигизмундъ Августъ ([177]), еще въ молодости напитанный правилами, противными римской церкви. Ему посвятилъ Лютеръ свою нѣмецкую библію, а Кальвинъ свое толкованіе

([176]) Могил. губ. вѣд. 1846 г. № 3, 4 и 5. Annal. Stanisl. orich. in Dlugos. Hist. Pol. t. II, pag. 1521—1527.

([177]) Съ 1544 г. живиій въ Вильнѣ, а съ 1548 г. по 1572 г. бывшій к королемъ польскимъ.

на посланіе къ Евреямъ ([178]). Изъ его богатой библіотеки, основанной въ Вильнѣ, ходили по рукамъ сочиненія Лютера, Меланхтона, Буцера, Кальвина и др. Въ самомъ дворцѣ своемъ онъ держалъ реформатскихъ проповѣдниковъ, которымъ давалъ полную волю проповѣдывать народу новое ученіе. Въ 1563 г. онъ отмѣнилъ, подтвержденное всѣми его предшественниками, постановленіе Ягелла, по которому не—латины устранялись отъ всякихъ должностей, и положилъ, что «каждый дворянинъ, или рыцарь въ вел. княжествѣ литовскомъ долженъ пользоваться всѣми правами, наравнѣ съ Поляками, какую бы вѣру онъ ни исповѣдывалъ, римскую ли, или греческую, только бы христіанскую ([179])». Покровителемъ кальвинистовъ былъ Николай Черный Радзивилъ, воевода виленскій, также Николай Рыжій Радзивилъ, братъ королевы польской, великій гетманъ литовскій: оба они имѣли обширныя помѣстья на Волыни. Покровителемъ социніанъ, анабаптистовъ явился Иванъ Кишка, родственникъ Радзивиловъ, староста луцкій ([180]). Самыми ревностными распространителями кальвинизма на Волыни были — духовникъ королевы Боны, францисканецъ Лисманинъ и Іоаннъ Ласко ([181]). Само собою разумѣется, что при этомъ и православная церковь много терпѣла отъ распространителей новаго ученія. Князь Курбскій (жившій тогда на Волыни) писалъ къ князю острожскому:

([178]) Опис. кіев. соб. стр. 120.

([179]) Акт. З. Р. т. III, № 32, стр. 118—120.

([180]) Дворане Кишки также были покровителями еретика Буднаго (см. ист. Р. Ц. III, стр. 91, примѣч. 134).

([181]) Ист. Р. Ц. III, стр. 89—93. Королева Бона жила большею частію въ волынскомъ городѣ Кременцѣ (см. вол. губ. вѣд. 1847 г. № 28).

«о бѣда, воистину плачу достойна! Въ таковую дерзость и стултицію начальники христіанскіе виидоша, иже не токмо тѣхъ ядовитыхъ драконовъ въ домѣхъ своихъ питати и ховати не стыдятся; но и за оброителей и помощниковъ ихъ себѣ маютъ! И что еще дивнѣйшаго: за духовныхъ бѣсовъ духовную церковь Божію оброняти имъ разсказуютъ, и книги сопротивъ полувѣрныхъ латиновъ писати имъ повелѣваютъ! Воистину сіе не токмо предивнѣйше, но и тысячу кратъ горше—учениковъ Павла Самосатскаго и Фотинуса, древнихъ еретиковъ, давно уже проклятыхъ и попранныхъ, Церкви Божіей, во православныхъ догматѣхъ сіяющей, тако и такъ презлыхъ, оброинтельми и защитниками поставляти»! Далѣе Курбскій замѣчаетъ, что эти еретики распространяютъ свое ученіе «предъ простѣйшими и глупыми панами, аки бы то медомъ смертоносный ядъ помазующе, и неправду злости своей тощею ихъ правдою покрывающе, яко на удѣ льщеніе рыбамъ рыболовъ полагаетъ ([182])». Число новыхъ сектантовъ на Волыни до того умножилось, что тамъ созываемъ былъ даже соборъ (въ г. Брестѣ, нынѣ литовскомъ, а тогда принадлежавшемъ къ епархіи владиміро-волынской), на которомъ сектанты разсуждали о благоустроеніи своего общества, объ огражденіи его отъ взаимныхъ несогласій, о составленіи однообразнаго исповѣданія.

Надобно замѣтить, что крайнія несогласія, раздиравшія здѣсь реформатское общество, а особенно усиленіе социніанъ ([183]), не признававшихъ ни крещенія

---

(182) Сказанія кн. Курбскаго II, стр. 222, 224.

(183) См. Bibliotheca Antitrinitariorum «de vita Vissovatii». стр. 209—215, 236—240 и дал.

младенцевъ, ни догматовъ о св. Троицѣ и Божествѣ Сына Божія, — словомъ, — ниспровергавшихъ все откровенное ученіе, — были главною, съ ихъ стороны, причиною недолгаго торжества ихъ въ областяхъ волынскихъ. Другою же, и болѣе важною причиною, остановившею на Волыни быстрые успѣхи реформатскихъ сектантовъ, былъ орденъ іезуитовъ. Утвердившись въ Польшѣ около 1566 г., іезуиты, еще при жизни Сигизмунда (1569 г.), введены были въ Вильну, столицу вел. княжества литовскаго, откуда быстро распространились по всѣмъ почти областямъ русскимъ, принадлежавшимъ къ княжеству литовскому; скоро проникли они и на Волынь. Пользуясь особеннымъ благоволеніемъ владѣтельныхъ особъ ([184]), іезуиты легко уже могли снискать уваженіе и другихъ знатныхъ лицъ. Вельможи волынскіе ([185]), увлеченные іезуитами въ латинство, въ своей пріязни къ нимъ старались превзойти самихъ королей. Христофоръ Радзивилъ (Сиротка), руководимый іезуитомъ Скаргою, въ 1584 г. основалъ для іезуитовъ коллегіумъ въ Несвижѣ; бискупъ Павелъ Волуцкій—въ луцкомъ замкѣ; другіе, по выраженію одного польскаго историка ([186]), прельщаемые

([184]) У Стефана Баторія іезуиты—Поссевинъ, Мартынъ Латерно, Скарга и многіе другіе были людьми домашними, близкими. Онъ основалъ іезуитскіе коллегіумы въ Полоцкѣ (1579 г.), Гроднѣ, Ригѣ (1581 г.), Деритѣ (1583 г.). См. Ак. З. Р. т. III, № 137, 143.

([185]) Папр. Чаплій, Воловичи, Древинскіе; даже князь острожскій нѣкоторое время благопріятствовалъ іезуитамъ, какъ то видно изъ писемъ Курбскаго (см. во II томѣ его сказаній — письма упомянутымъ лицамъ), доколѣ не узналъ всей ихъ злобы и хитрости.

([186]) Іосифа Лукашевича (см. его «исторію церквей гельветическаго исповѣданія въ Литвѣ», помѣщенную въ Чт. москов. общест. истор. и древ. 1847 г. № 8-й).

внѣшнимъ образованіемъ и мнимою ученостію іезуитовъ, съ боя брали ихъ къ себѣ, такъ что въ цѣломъ княжествѣ литовскомъ не было уголка, гдѣ бы можно было не встрѣтить ихъ миссіи. Послѣ этого, стоитъ только представить себѣ характеръ іезуитовъ, чтобы понять, какъ они дѣйствовали для прекращенія успѣховъ новыхъ еретиковъ и для совращенія самыхъ православныхъ. Проникнувъ въ литовско-русскія владѣнія, іезуиты первымъ долгомъ сочли завести тамъ свои училища, особенно умножившіяся при Сигизмундѣ III, который самъ былъ воспитанникомъ іезуитовъ ([187]), и взялись преподавать науки, не только духовныя, но и, такъ называемыя, свободныя. Число учениковъ іезуитскихъ на Волыни со дня на день увеличивалось съ неимовѣрною быстротою ([188]); многіе изъ провославныхъ знатныхъ лицъ горько сознавали лукавство іезуитовъ; не смотря на то, уступая духу времени, отдавали имъ своихъ дѣтей ([189]). Рѣдкіе изъ

([187]) Эти училища поддерживалъ также король польскій Баторій. Онъ удостоивалъ ихъ своимъ посѣщеніемъ, и виленскую школу возвелъ на степень академіи (см. истор. Лукашевича, стр. 19).

([188]) Въ главной ихъ школѣ, къ концу царствованія Баторія (ум. 1586 г.), было уже болѣе 700 учениковъ, а при Сигизмундѣ III число ихъ простиралось уже до 10,000 (см. ист. Лукашевича).

([189]) «А еже твоя милость писала еси къ намъ, говоритъ кн. Курбскій въ письмѣ своемъ къ к. Чарторыйской, еже хощеши послати сына своего до Вильни, до римскаго закона честныхъ пресвитеровъ іезуитовъ; и то умышленіе твое похвально. Но всяко не хощу тя утаити, яко слуга и пріятель твой, во всемъ тебѣ доброхотный, иже многіе родители были дали имъ, яко княжатскихъ родовъ, такъ и шляхетскихъ и честныхъ гражданъ, дѣтки своя учити наукомъ вызволеннымъ, яко слышимъ отъ нѣкоихъ: но они, не науча, первѣе мало не всѣхъ, въ неразумномъ еще будучи вѣку, намовя ихъ хитролестнѣ, отлучили ихъ отъ правовѣрія, и покрестили въ

питомцевъ іезуитскихъ пребыли непоколебимо вѣрными правовѣрію отцевъ: извѣстно, что и митрополитъ Михаилъ Рогоза былъ воспитанникъ іезуитской школы. Не стараясь, впрочемъ, перечислить всѣ тѣ средства и козни, къ коимъ прибѣгали іезуиты для своихъ цѣлей, — скажемъ только, что они употребляли для этого все: и проповѣдь и происки, и благословенія и анаѳему, и ласки и насилія, и почести и имущества; дѣйствовали на всѣ страсти человѣческія; доходили, наконецъ, въ своей ослѣпленной ревности, до многаго такого, о чемъ нельзя упомянуть безъ оскорбленія нравственнаго чувства человѣческаго ([190]). Такимъ образомъ, при постоянной, самой напряженной дѣятельности, іезуиты, наконецъ, взяли рѣшительный перевѣсъ надъ сектами реформатскими, и большая часть послѣдователей этихъ сектъ перешла на сторону іезуитовъ.

II.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ ЦЕРКВИ.

а) Состояніе церковнаго управленія.

До половины XIV вѣка православные іерархи волынскіе подчинены были митрополитамъ всероссійскимъ. Въ началѣ настоящаго періода на юго-западѣ Россіи родилось всеобщее желаніе имѣть особаго пер-

---

свое полувѣріе, яко Крошинскаго князя сыночковъ и другихъ» (сказанія Курбскаго II, 207).

([190]) Объ этомъ можно читать отчасти въ исторіи гельв. испов. въ Литвѣ Лукашевича, а болѣе—въ исторіи литовскихъ іезуитовъ Ростовскаго, на которую указываетъ и Лукашевичъ.

восвятителя ([191]); и это желаніе тѣмъ болѣе усиливалось въ православныхъ христіанахъ, что они, видя постепенное оскудѣніе своихъ церквей отъ набѣговъ Татаръ, отъ насилій римскихъ католиковъ, отъ происковъ іезуитовъ, должны были еще давать извѣстные оброки намѣстникамъ митрополитовъ, жившихъ въ Москвѣ.

Лишь только пресѣкся родъ галицко-волынскихъ князей, въ Галичѣ явился особый митрополитъ (имя его неизвѣстно), которому подчинены были православные епископы, жившіе въ прочихъ областяхъ волынскихъ. Скоро, впрочемъ, этотъ митрополитъ вызванъ былъ въ Царьградъ ([192]), а къ волынскому князю Димитрію—Любарту греческій императоръ и патріархъ писали, что только по причинѣ смутъ, бывшихъ въ Константинополѣ, митрополиту галицкому подчинены епископы—владимірскій, луцкій, холмскій, перемышльскій и туровскій: теперь же, при новомъ патріархѣ (Каллистѣ), вся Россія приведена подъ власть одного митрополита кіевскаго ([193]). При всемъ томъ, желаніе имѣть особаго митрополита не только не ослабѣвало, но становилось еще сильнѣе и упорнѣе. И потому,

([191]) И въ первомъ періодѣ мы видѣли уже двѣ попытки учредить на Волыни для юго-западной Россіи особую митрополію: но онѣ остались безъ всякаго успѣха и послѣдствій.

([192]) Святитель московскій Θеогностъ, въ союзѣ съ вел. кн. Симеономъ Іоанновичемъ, въ 1346 г. послалъ пословъ въ Царьградъ, и представилъ патріарху вредныя слѣдствія отъ учрежденія на югѣ Россіи особой митрополіи. Констант. Соборъ немедленно (1347 г.) прислалъ грамоты къ митрополиту галицкому, волынскому князю Димитрію-Любарту и святителю Θеогносту (Ник. Л. III, стр. 186. Ж. М. Н. П. 1847 г. ч. 54, отд. II)

([193]) См. въ Ж. М. Н. П. 1847.

«еще живу бывшу св. Θеогносту, инокъ Θеодоритъ отъ нѣкоего самочинія предвари поставленъ быти въ митрополита Кіеву патріархомъ терновскимъ ([194])»; а въ 1354 г. (когда патріархъ Филоѳей уступилъ свою каѳедру Каллисту) и въ Константинополѣ уже поставленъ былъ для Литвы и Волыни особый митрополитъ, по имени Романъ ([195]). Впрочемъ, по смерти Романа, патріархъ Филоѳей, снова вступившій на константинопольскій престолъ по смерти Каллиста, составилъ опредѣленіе (1362 г.), по которому земля волынская и литовская во все послѣдующее время, ни по какимъ причинамъ, не должна быть отдѣляема отъ духовнаго правленія митрополита всероссійскаго: потому что, писалъ Филоѳей, подобный случай уже произвелъ замѣшательство и много неумѣстностей ([196]). Однако,

---

([194]) Никон. Л. III, стр. 201 и дал.

([195]) Ник. Л. IV, 3. Протон. 13.

([196]) Проток. констан. патр. грам. 21—25 (въ журн М. Н. П. 1847 г. ч. 51). Извѣстно, что Романъ, прибывши изъ Константинополя въ Россію (на Волынь), отправилъ своего посла въ Тверь. Св. Алексій тоже сдѣлалъ съ своей стороны, и, по словамъ лѣтописца, «по вражіей зависти и человѣческаго ради сребролюбія», въ русской церкви произошла сильная тревога. Въ слѣдующемъ (1353) году св. Алексій принужденъ былъ отправиться въ Царьградъ; туда еще прежде отправился Романъ. «Тамо бысть межи ихъ споръ великій». Митрополиту Роману, по снисхожденію и ради мира, константинопольскій Соборъ дозволилъ править, кромѣ литовскихъ и волынскихъ епархій, и нѣкоторыми другими (полоцкою, новгородскою). Романъ не былъ доволенъ этимъ, и вскорѣ опять началъ дѣлать свои распоряженія въ Твери. Снова была послана жалоба въ Царьградъ, и оттуда для разсмотрѣнія этого дѣла назначены были: сакелларій всел. Церкви (митропол. кальцивскій) и діаконъ Георгій. Но въ слѣдующемъ (1361) году м. Романъ скончался. См. Ник. Л. III, 201—206, 214. IV, 3. Степ. кн. 1, 252. Проток. конст. патр. грам. 13.

лѣтъ девять спустя, это опредѣленіе должно было потерять свою силу.

Въ 1371 г. Казиміръ III, король польскій, владѣвшій многими областями волынскими, посылая къ константинопольскому патріарху епископа Антонія, писалъ: «молимъ тебя, нашего архіерея. Вся земля (галицко-волынская) гибнетъ безъ закона, ибо законъ исчезаетъ. Мы съ нашими князьями и боярами избрали человѣка достойнаго, добраго, честнаго поведенія и смиреннаго сердца, преосвященнаго епископа Антонія. На сіе нужно ваше благословеніе; и потому ради Бога, ради насъ и св. церквей, да будетъ благословеніе ваше на семъ человѣкѣ. Рукоположите его въ митрополита, дабы законъ Руссовъ не погибъ. А не будетъ милости Божіей и благословенія вашего сему человѣку, не жалуйтесь на насъ послѣ, если придетъ печальная нужда крестить Руссовъ въ вѣру латиновъ, такъ какъ нѣтъ митрополита въ Россіи (подвластной Казиміру), а земля не можетъ быть безъ закона [197]». Патріархъ Филоѳей приведенъ былъ въ крайнее затрудненіе [198]; но долженъ былъ уступить необходимости,—поставилъ Антонія въ митрополита, и подчинилъ ему епархіи — галицкую (которую назначилъ быть митрополіей), владимірскую, холмскую и перемышльскую; а епархія луцкая, какъ неподвластная

---

[197] Проток. конст. патр. грам. 27.

[198] Къ вел. кн. московскому Димитрію Іоанновичу п. Филоѳей питалъ большую расположенность; достойно цѣнилъ и мудрость св. Алексія, великаго поборника единовѣрія и единодержавія въ Россіи; живо сознавалъ и самъ необходимость одного верховнаго іерарха въ Россіи, насильно расторгаемой (прот. к. патр. грам. 19, 29).

королю польскому, оставалась въ зависимости отъ святителя московскаго Алексія ([199]).

По смерти мит. Антонія, по настоянію литовскихъ князей, посвященъ былъ въ Константинополѣ (1376 г.) Кипріанъ, и ему подчинены были сначала епархіи юго-западныхъ областей Россіи, въ томъ числѣ и волынской, а съ 1389 г. онъ управлялъ уже всею россійскою церковію. Дыша истинно евангельскимъ миролюбіемъ, онъ, со многими трудностями и рѣдкимъ терпѣніемъ обтекая всю землю русскую, по цѣлымъ мѣсяцамъ и годамъ проживалъ въ землѣ волынской; всегда старался извлечь пользу для церкви, утвердить общее благо, миръ, порядокъ; снискалъ благоволеніе и князей литовскихъ и королей польскихъ, и умѣлъ держать въ зависимости и подчиненіи епархіи волынской области даже въ то время, когда между самими іерархами волынскими находились такіе, которые, неизвѣстно по какимъ видамъ, покушались отложиться отъ власти всероссійскаго митрополита ([200]).

([199]) «Что мы должны были дѣлать», писалъ п. Филоѳей св. Алексію,— «призываемъ тебя въ судьи, что ты скажешь? Еслибы государь земли волынской (Казиміръ) былъ православной и нашей вѣры: тогда мы, можетъ быть, и подождалибы. Но какъ онъ не нашъ, а латинъ: то можно ли было отослать его пословъ съ пустымъ отвѣтомъ? А онъ намѣренъ былъ немедленно поставить митрополита латинскаго и крестить Руссовъ въ вѣру латинскую. Поэтому и рукоположили мы того, кого онъ прислалъ. Дали мы ему Галичь, чтобы быть митрополіею; епископіи же—Владиміръ, Перемышль, Холмъ, что все подъ властію короля польскаго. Больше сего мы ему не дали: ни Луцка, ни чего либо другаго (прот. к. п. гр. 30)».

([200]) Приб. къ опис. кіевс. соб. стр. 38, № 8. Акт. З. Р. № 12. Зубр. о Ч. Р. под. бук. Д. Проток. конст. патр. грам. 46, 48.

По смерти Киприана, литовскій князь Витовтъ, недовольный Фотіемъ, приказалъ православнымъ епископамъ своихъ областей посвятить особаго митрополита—Григорія Цимблака. И хотя въ окружной грамотѣ Витовтъ, повидимому, предоставлялъ своимъ подданнымъ свободу—признавать митрополитомъ Фотія, или Григорія (201): несмотря однакожъ на это, Григорій оставался митрополитомъ юго-западныхъ областей, и отъ него зависѣли всѣ епархіи православныя на Волыни до 1419 года, въ которомъ Григорій скончался (202). Въ слѣдующемъ году м. Фотій примирился съ Витовтомъ, и опять сдѣлался верховнымъ іерархомъ во всѣхъ областяхъ юго-западной Россіи (203). Посѣтивъ нѣкоторые города литовскіе, Фотій отправился на Волынь, былъ въ Львовѣ, Владимірѣ и другихъ городахъ (204). Слово архипастырской любви и назиданія вездѣ сопутствовало Фотію. Въ 1430 году онъ снова ѣздилъ на Волынь. Тамъ, въ городѣ Луцкѣ, на извѣстномъ съѣздѣ государей различныхъ державъ, разсуждаемо было, между прочимъ, о преобразованіи церкви римской и о соединеніи ея съ церковію восточною, каѳолическою. Но въ томъ же самомъ году престарѣлый Витовтъ скончался, а въ слѣдующемъ 1431 г. умеръ и святитель Фотій (205).

Преемникъ Фотія, м. Исидоръ, вступившій на соборѣ во Флоренціи въ союзъ съ церковію западною,

---

(201) Акт. З. Р. I, № 25. Ник. л. V, 59. Ист. Акт. I, № 19.

(202) Опис. кіев. стр. 104.

(203) Допол. къ Истор. Акт. I, № 180 — 183.

(204) Лѣт. Даниловича, стр. 244.

(205) Тамъ же, стр. 250.

какъ верховный іерархъ всероссійскій, послалъ ко всей паствѣ своей воззваніе, въ которомъ извѣщалъ о соединеніи церквей. Воззваніе это относилось, можно сказать, по преимуществу къ православнымъ, жившимъ въ Литвѣ и на Волыни; ихъ-то во особенности увѣщевалъ Исидоръ ходить безразлично въ храмы русскіе и латинскіе, исповѣдываться у греческихъ и латинскихъ священниковъ, пріобщаться евхаристіи у тѣхъ или другихъ, вообще блюсти миръ и единеніе. Этихъ увѣщаній, однакожъ, не совсѣмъ слушались ([206]): когда Исидоръ прибылъ въ Львовъ,—свидѣтельствуетъ одинъ, даже римско-католическій писатель ([207]), — и совершилъ литургію въ латинскомъ храмѣ: «Русины» даже не присутствовали на ней. Въ приходѣ — Столпѣ (стоявшемъ на границѣ между Россіею и Польшею) священникъ Вавила показалъ расположенность къ Исидору и уніи: и мѣщане стали гнать Вавилу. Въ слѣдствіе чего, Исидоръ писалъ «старостамъ, воеводамъ и всѣмъ православнымъ жителямъ холмскимъ, чтобы они не причиняли обидъ Вавилѣ»: потому-что «Ляхи и Русь равно православные христіане, и Богъ устроилъ братство между христіанами латинскими и Русью ([208])». Владиславъ III, король польскій и венгерскій, радуясь происшедшей во Флоренціи уніи, въ 1443 г. (Мар. 22) издалъ грамоту, которою русское духовенство галицко-волынской области сравнилъ съ духовенствомъ римско-католическимъ во всѣхъ древнихъ правахъ ([209]). При

([206]) Соф. Врем. II, 31—34. Карам. т. V, прим. 306.

([207]) Зиморовичъ—у Зубр. стр. 328.

([208]) См. въ чт. м. ист. общ. «о моихъ поискахъ въ познанской публичной библіотекѣ», Бодянскаго 1846 г. № 1, стр. 13—15.

([209]) Акт. З. Р. т. I, № 12.

всемъ томъ, православные пастыри волынской и другихъ областей неохотно признавали верховную власть мит. Исидора, и управлялись сами собою, не смѣя уже относиться къ митрополитамъ московскимъ. Поэтому, когда святитель Іона, прибывъ въ волыно-литовскую землю, получилъ на управленіе кіевскою митрополіею грамоту отъ имени Казиміра и князей литовскихъ: іерархи волынскіе, отвергнувъ власть Исидора вмѣстѣ съ уніею, имъ проповѣданною, безпрекословно подчинились власти святителя московскаго (210). Мы имѣемъ «рукописаніе Даніила, епископа владимірскаго и берестійскаго», въ которомъ онъ признаетъ Исидора еретикомъ латинскимъ, а митрополита Іону единственнымъ законнымъ первосвятителемъ церкви россійской (211) На это обязательство св. Іона далъ епископу разрѣшительную грамоту, и отпустилъ его въ свою епархію (212). Мало по малу, заботливостію и попеченіемъ первосвятителя, возстановлялось благоустройство въ литовско-волынской іерархіи, и самъ святитель писалъ литовскимъ и волынскимъ боярамъ и панамъ: «слышаніе наше, сынове, что, по великой вашей вѣрѣ къ Богу и къ Церкви Божіей, и къ нашему смиренію имѣете великую вѣру; такожъ и о всемъ нашемъ великомъ православіи коликое попеченіе имѣете и стоите за христіанство, слышимъ (213)».

Между тѣмъ Исидоръ, получивъ отъ папы титло

(210) Акт. ист. I, 42, 47. Акт. арх. эксп. I, 49. Твор. св. отц. т. 7 «Іона, митрополитъ кіевскій и всея Россіи», стр. 211—218.

(211) Карамз. V, прим. 311, стр. 534.

(212) Акт. ист. т. I, № 52.

(213) Акт. ист. т. I, № 43.

константинопольскаго патріарха, представилъ, вмѣсто себя, на митрополію ученика своего Григорія Болгарина, который и посвященъ (1458 г.) патріархомъ Григоріемъ Маммою, живишмъ въ Римѣ. Отправляя этого новаго митрополита въ Россію, папа Пій II (1458—1464) вручилъ ему буллу на имя короля польскаго, въ которой поручилъ Казиміру принять присланнаго митрополита и подчинить ему 9 православныхъ епархій, состоящихъ въ предѣлахъ польскихъ и литовскихъ (гдѣ находились всѣ епархіи волынскія), а Іону, или кого другаго изъ отщепенцевъ (т. е. православныхъ) не допускать до управленія ими, и еслибы Іона пріѣхалъ въ Литву, то задержать его и посадить въ темницу ([214]). Волыно-литовскіе епископы извѣстили св. Іону объ умыслахъ папы и его усердныхъ сподвижниковъ ([215]). Святитель отправилъ въ волыно-литовскую Россію къ епископамъ, князьямъ, панамъ и боярамъ посланія и двухъ игуменовъ — троицкаго Вассіана и кирилловскаго Кассіана, для наблюденій и укрѣпленія вѣрныхъ въ православіи ([216]). Православные князья волыно-литовскіе прислали съ игуменомъ Вассіаномъ такой отвѣтъ: «о своемъ православіи мы смотримъ на Господа Бога и Его Пречистую Богоматерь, и на своего господина, въ благочестіи цвѣтущаго, православнаго великаго князя Василія Васильевича, и отцемъ себѣ и учителемъ держимъ господина, отца нашего Іону, митрополита кіевскаго и всея Руси ([217])».

([214]) Соф. врем. II, 40—42. Карамз. V, примѣч. 311, стр. 533—534.

([215]) Ист. Акт. т. I, № 65, стр. 118.

([216]) Ист. Акт. т. I, №№ 45 и 65.

([217]) Такъ передаетъ этотъ отвѣтъ самъ св. Іона въ своихъ посланіяхъ

Присланы были грамоты и отъ епископовъ волынской земли, въ которыхъ выражались, безъ сомнѣнія, тѣже мысли, какія и въ отвѣтѣ князей волынскихъ; иначе св. Іона не сообщилъ бы ихъ епископамъ сѣверныхъ епархіи, съ тѣмъ, чтобы они сообщили эти грамоты своимъ паствамъ ([218]). Соборъ великорусскихъ епископовъ, съ своей стороны, написалъ воззваніе между прочимъ, Мартиніану, епископу луцкому-волынскому и всему духовенству, съ убѣжденіемъ не принимать Григорія, и быть вѣрными св. Іонѣ ([219]). Тоже повторялъ и св. Іона въ особомъ посланіи своемъ къ епископамъ, князьямъ и боярамъ волыно-литовскимъ ([220]).

Но въ тоже время, Исидоръ и патріархъ Григорій Мамма посылали грамоты за грамотами, одну другой обольстительнѣе, особенно для Россіянъ волынскихъ, окруженныхъ латинскимъ духовенствомъ и властями, отъ которыхъ терпѣли различныя притѣсненія ([221]). Это одно могло уже поколебать умы; къ этому присоединилось еще и другое обстоятельство. Въ 1447 г. послѣдній вел. князь литовскій Казиміръ IV, вопреки собственному желанію, а еще болѣе желанію своихъ подданныхъ, принялъ польскую корону ([222]). Соединивъ на своей главѣ корону великокняжескую съ короною королевскою, Казиміръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, под-

---

къ епископамъ — Мисаилу и Евфимію. Ист. Акт. I, № 62, стр. 110; № 273, стр. 504.

([218]) Ист. Акт. I, № 65, стр. 118.

([219]) Тамъ же, № 272.

([220]) Тамъ же, № 63.

([221]) Опис. кіев. соб. стр. 110.

([222]) Ист. Акт. I, № 42.

палъ подъ непосредственную зависимость польскаго сената, польскихъ магнатовъ, духовныхъ и папы. Покорный ихъ могущественному вліянію, онъ легко уже позволилъ себѣ нарушить собственное слово, данное, вмѣстѣ съ грамотою 1448 году, св. Іонѣ ([223]),—и, вслѣдствіе папской буллы, принялъ Григорія Болгарина, и отдалъ ему кіево-литовскую митрополію, къ которой причислены были всѣ епархіи волынскія ([224]). Св. Іона отправилъ посланія къ волынскимъ епископамъ,—къ каждому особо, напоминая объ обѣщаніи, данномъ ими при поставленіи, и предлагая: «если кому будутъ дѣлать насиліе и принужденіе относительно вѣры, прибѣгать къ нему, въ Москву; а кто вступитъ въ общеніе съ Григоріемъ, говоритъ святитель, тотъ положитъ на себя великую и неизмолимую отъ Бога тягость церковную ([225])». Не сохранилось до насъ никакихъ отвѣтовъ отъ епископовъ волынскихъ святителю московскому. Не будучи въ состояніи воспротивиться королевскимъ настояніямъ, они, по всей вѣроятности, довольствовались привиллегіями, данными Казиміромъ въ 1456 и 57 годахъ, коими утверждалась неприкосновенность правъ Россіянъ волынскихъ и равенство духовенства русскаго-православнаго съ польскимъ римско-католическимъ ([226]). Впрочемъ, нѣкоторыя, дошедшія до насъ, извѣстія показываютъ, что всѣ епископы южные признавали Григорія митрополитомъ только по смерти

([223]) Зубр. о Черв. Р. стр. 345—349.

([224]) Ак. арх. эксп. I, № 80. Соф. врем. II, 43.

([225]) Ист. Акт. т. I, № 62. Въ этой грамотѣ говорится, что такія же грамоты посланы ко всѣмъ литовскимъ епископамъ.

([226]) Suppl. ad. H. R. M. № CLXVI, pag. 155. Ак. З. Р. I. № 61.

*

св. Іоны (ум. 1461 г.) (227). Вообще надобно замѣтить, что, до окончательнаго раздѣленія россійской митрополіи, іерархи волынскіе, какъ и прочихъ южныхъ епархій, не переставали быть въ зависимости отъ митрополитовъ всероссійскихъ, жившихъ въ Москвѣ. По свидѣтельству Гваньини (228), митрополитъ московскій посѣщалъ волыно-литовскую Россію чрезъ каждыя шесть лѣтъ, и, вникая въ устройство и состояніе церкви, наблюдалъ за чистотою ея ученія и за сохраненіемъ древняго чина въ совершеніи священнодѣйствій.

Въ 1461 году, какъ извѣстно, южная митрополія окончательно отдѣлилась отъ сѣверной, и съ этого времени православные епископы волынскіе находились въ непосредственной зависимости отъ митрополитовъ кіевскихъ; въ тоже время, постоянно и довольно строго соблюдали они древнюю подчиненность константинопольскому патріарху. Къ этому понуждало епископовъ самое положеніе ихъ самихъ и ихъ паствъ: многія притѣсненія со стороны папистовъ, королей и всякой другой гражданской власти невольно заставляли пастырей искать помощи у патріарха: «римской церкви епископы, на Руси и въ Литвѣ живущіе, писалъ митрополитъ Іосифъ II къ патріарху Нифонту, тяжки для насъ, и принуждаютъ насъ къ уніи, во Флоренціи опредѣленной (229)». Патріархи, съ своей стороны, были въ тѣсномъ общеніи со всею южною церковію. Особенное участіе патріарховъ въ дѣлахъ церкви волынской обнаружилось въ концѣ этого періода, въ слѣдствіе

---

(227) Ист. Р. Ц. III, стр. 11, примѣч. 8.

(228) Pag. 17.

(229) Пр. Георгій Конисскій—объ уніи, стр. 14.

посвѣщенія областей волыно-литовскихъ патріархами—антіохійскимъ Іоакимомъ и константинопольскимъ Іеремією II. Патріархъ явился разрѣшителемъ недоумѣній, напр., касательно того, какого календаря надобно держаться въ совершеніи праздниковъ, григоріанскаго ли, или древняго, утвержденнаго 1-мъ вселенскимъ Соборомъ (230),—и писалъ поэтому случаю грамоту къ «маршалку» (правителю) волынскому, князю Константину Константиновичу Острожскому (231); обязывалъ (1587 г.) грамотою епископа Гедеона (Балабана), чтобы онъ не дѣлалъ православному братству никакихъ притѣсненій (232) и т. п.

Число епархій на Волыни въ этомъ періодѣ оставалось прежнее; всѣ онѣ управляемы были православными епископами (233); одна только галицкая епи-

---

(230) Акт. З. Р. III, № 138.

(231) Опис. кіев. соб. стр. 121—2.

(232) Акт. З. Р. III, № 167.

(233) Изъ *владимірскихъ* епископовъ въ этомъ періодѣ упоминаются Аѳанасій, уп. ок. 1331—1359; ум. 1363 г. въ Костромѣ (Ип. л. 163, 214—216, 220—222. I Новгор. 73); Іона, уп. въ 1388 г.; Аѳанасій—въ 1391 г.; Іоаннъ Гоголь—въ 1405 г.; Герасимъ, уп. въ 1413 г.; (Ник. л. IV, 171, 219, 313; V, 51); Веспасіанъ—1465 г. (Ник. л. VI, 3); 1509 г. присутствовалъ въ Вильнѣ на соборѣ и упом. въ 1511 г. (Акт. З. Р. II, № 68. Ист. Акт. I, 525); Іона—1513 г.; Пафнутій—1025 г.; Геннадій—1540 г.; Іона Борзобогатый (Красенскій)—1548—1566 г.; Ѳеодосій—1366—1568 г. Акт. З. Р. II, №№ 124, 146, 201; III, 13); Даніилъ—1568—1577 г. (Карам. V, примѣч. 311).—*Изъ луцкихъ* епископовъ упоминаются: Ѳеодоръ ок. 1338—42 г. (Ист. Р. іерар. I, 226); Евѳимій, Алексій, упом. въ рукописи, принадлежащей къ XIV в. (Оп. рум. муз. 178); Іоаннъ—1398—1401 г. (Ак. З. Р. I, № 12); Савва—1401—1412 г. (Ист. Р. іерар. I, 227); Діонисій 1-й—ок. 1413 г. (Ник. л. V, 31); Мартиніанъ—ок. полов. XV в. (Ак. З. Р. I, № 34; Акт. ист. I, 503); Никифоръ ок.—1490 г. (Пам.

скопія, въ продолженіе этого періода, болѣе ста лѣтъ находилась подъ верховнымъ управленіемъ латинянъ, именно, современъ Ягелла (1388 — 1433) до 1540 года ([231]). При этомъ, естественно, возникаетъ вопросъ: въ такой длинный періодъ владычества латинянъ въ галицкой епархіи, оставались ли тамошніе Россіяне при своемъ древнемъ православіи, или увлечены въ унію? Основываясь на достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствахъ, мы должны сказать, что галичане во все это время пребыли вѣрными древнему православію: 1) галицко-волынскіе Россіяне, съ тѣхъ поръ, какъ лишились православнаго пастыря, и подпали подъ власть латинянъ, употребили много стараній, понесли много убытковъ на разновременные дары королямъ и разнымъ властямъ, всячески заботясь о томъ, чтобы освободить себя «отъ бѣды и неволи латинянъ». Когда митрополитъ кіевскій Макарій, вопреки намѣреніямъ латинскаго архіепископа Бернарда Вильчка, утвердилъ (1539 г.) намѣстникомъ галицкой епископіи Макарія Тучапскаго: галичане говорили, что этотъ мужъ «самимъ Богомъ посланъ на ихъ островъ заблужчій», и что они готовы пожертвовать за него «не только достояніемъ, но и самимъ горломъ своимъ, ради св.

кіев. ком. т. I, отд. I); Кириллъ—1493—1509; Пафнутій—ок. 1526; Макарій—ок. 1328; Арсеній—1340—47; Θеодосій—1348—58; Іосифъ—1358—1366: Іона Борзобогатый—1366—69; Іоаннъ—ок. 1369 (Акт. ист. I, 325. Ак. З. Р. II, №№ 32, 146, 151, 201; III, 7; примѣч. къ № 7; № 47).

([231]) Сперва завѣдывалъ ею галицкій и каменецкій староста (capitaneus) Станиславъ Ходечъ, а потомъ римско-католическій архіепископъ Бернардъ Вильчкъ (Suppl. ad. H. R. M. № XLVIII, L, LIII, LIV, LVI. Ак. З. Р. II, №№ 193, 197, 198).

ихъ закона христіанскаго ([235])». 2) Св. Іона, написавшій много посланій къ югозападнымъ Россіянамъ, и нескрывавшій чувствованій своего пламеннаго сердца, упрекавшій даже нѣкоторыхъ западно-русскихъ епископовъ въ общеніи съ Григоріемъ, ученикомъ Исидора, нигдѣ не выражаетъ скорби о томъ, что Руссы древняго Галича обращены въ латинство; напротивъ, прося Казиміра IV о присоединеніи церквей галичской митрополіи къ кіевскому престолу, называетъ ихъ «церквами Божіими ([236])». 3) Когда Исидоръ, согласившись на унію, прибылъ въ Галицію, Руссы холодно его приняли, не зная даже еще, въ чемъ состояла принятая имъ унія. 4) Король Сигизмундъ І-й въ 1509 г. утверждалъ за львовскимъ латинскимъ архіепископомъ право назначать намѣстника для галицкой митрополіи, съ цѣлію—«удобнѣе чрезъ это привлечь *схизматиковъ* въ вѣру христіанскую ([237])». 5) Въ сохранившихся до насъ грамотахъ королей и одномъ письмѣ латинскаго епископа, писанныхъ въ 1408, 1509, 1522, 1525, 1537 и 1549 годахъ, вѣра Руссовъ ясно отличается латинянами отъ ихъ вѣры, и называется вѣрою русскою, старою, греческою; общество же исповѣдниковъ этой вѣры—сектою русскою; священники ихъ—попами (popones); церкви—синагогами: все—имена унизительныя, коими паписты никогда не называли своихъ единовѣрцевъ ([238]). 6) Утверждая намѣстниковъ га-

---

([235]) Акт. З. Р. т. II, № 197

([236]) Акт. ист. 1, № 260.

([237]) Supp. ad. H. R. M. № L

([238]) Ibid. № XLVIII, L—LV

лицкой митрополіи, короли давали имъ «право чинить судъ въ духовныхъ дѣлахъ, управлять подвѣдомственными имъ округами, и производить все по правамъ и обычаямъ обряда русскаго ([239])». 7) Изъ королевскихъ же грамотъ видно, что галицкіе Руссы за принятіемъ священнаго сана, за рѣшеніемъ въ дѣлахъ брачныхъ обращались къ архіереямъ другихъ областей и странъ ([240]); что поставленный безъ благословенія владыки православнаго «никакъ не могъ оставаться въ своей должности ([241])»; и что, въ слѣдствіе этихъ-то неудобствъ, Сигизмундъ I-й, по просьбѣ Руссовъ, согласился на поставленіе для нихъ православнаго епископа. Все это, очевидно, показываетъ, что въ описываемый періодъ не было никакой уніи даже въ той области волынской, которая всецѣло отдана была латинянамъ и, въ этомъ-то смыслѣ, православными своими обитателями названа была «островомъ заблуждшимъ» — несчастнымъ, лишеннымъ всякой помощи, защиты и путеводителей ([242]).

Въ управленіи церковными дѣлами епископы руко-

([239]) Ibid. № LII.

([240]) H. R. M. № LX. Акт. З. Р. II, № 141.

([241]) Suppl. ad. H. R. M. № LVIII.

([242]) Замѣтимъ, впрочемъ, что частныхъ случаевъ отпаденія отъ вѣры православной вовсе нельзя отвергать. Бернарду Вильчку съ тѣмъ и ввѣрено было право надъ галицкою правосл. епископіею, чтобы удобнѣе привлечь ее къ латинству. Посему, одинъ даже изъ намѣстниковъ ея, Яковъ Сикира въ 1535 г. «подался арцибискупу, и сдѣлался новымъ еретикомъ: за то всѣ православные—великій и малый, богатый и убогій, не хотѣли имѣть его «справцею», т. е. управителемъ или начальникомъ (Акт. З. Р. т. II. № 193 и 197).

водствовались, по прежнему, правилами апостольскими, соборными, отеческими. Св. Кипріанъ, подобно м. Кириллу, занимался переводомъ церковныхъ правилъ. Нѣтъ сомнѣнія, что его трудами пользовались всѣ югозападныя церкви, среди которыхъ онъ жилъ почти столько же (14 л.), сколько и среди церквей сѣверовосточныхъ (15 л.). Въ важныхъ случаяхъ епархіальные епископы обращались къ практикѣ русской церкви, обращаясь къ «русскимъ лѣтописцамъ: къ кіевскому и къ володимерскому и ко инымъ» ([243]).

Отношенія между архипастырями и польско-литовскими князьями, владѣвшими землею волынскою, въ этомъ періодѣ, уже не были такъ благопріятны, какъ въ періодъ прошедшій, когда областями волынскими владѣли еще князья русскіе православные. Вотъ какъ разсуждалъ самъ вел. князь (Витовтъ) о своей власти надъ православною церковію: «знайте», писалъ онъ къ своимъ православнымъ подданнымъ въ окружной грамотѣ, — «знайте: за неже мы есьмо не вашее вѣры, а коли быхмо хотѣли того, чтобы въ нашей державѣ вѣра ваша меншалася и угыбала, а церкви ваше нестроены, и мы быхомъ о томъ не печаловалися, воля намъ есть. Но, коли митрополита нѣтъ, или который владыка умеръ на которой епископьи, и мы быхомъ какова намѣстника держали по нашей воли, а доходъ церковный, митрополичій и епископскій, себѣ быхомъ имали ([244])». Съ нѣкоторыми церквами такъ уже было

([243]) О кормчей Розенк. 71—74. Ак. З. Р. № 23.

([244]) Акт. З. Р. т. I, № 23.

и поступлено. Такъ, всѣ имѣнія православнаго галицкаго архіепископа Ягелло передалъ латинскому архіепископу. Въ 1408 году владѣлъ этими имѣніями галицкій староста Станиславъ Ходечъ, и въ томъ же году уступилъ ихъ на откупъ другому владѣльцу со всѣми доходами, съ судомъ даже надъ православными священниками ([245]). Въ половинѣ XV вѣка польско-литовскіе государи, въ управленіи православною церковію, усвояли уже себѣ: 1) право утверждать епископовъ и настоятелей монастырей, иначе «jus investiturae»; 2) право отдавать монастыри и церкви въ опеку гражданскимъ лицамъ, или «право подаванья — «jus patronatus»; 3) право верховнаго суда надъ самими архипастырями въ спорахъ ихъ между собою, съ клиромъ и съ лицами свѣтскими.

1) Право на участіе въ поставленіи епископовъ и настоятелей монастырей, какъ такихъ лицъ, которые, вступая въ свои должности, дѣлались какбы гражданскими владѣльцами (потому-что владѣли недвижимыми имуществами, составлявшими собственность государственную), принадлежало самымъ первымъ князьямъ волынскимъ. Этимъ правомъ пользовались древніе князья волынскіе-русскіе безъ всякаго вреда для церкви; не могло оно остаться безвреднымъ для православной церкви въ рукахъ государей чуждыхъ и иновѣрныхъ. Хотя всѣ польскіе короли, подобно Витовту, твердили православнымъ своимъ подданнымъ, на словахъ и на бумагѣ, что они хотятъ, чтобы «хвала Божія размножалась, а честь русская вся стояла на

([244]) Тамъ же, т. II, № 198. Suppl. ad H. R. M. № XLVIII.

своей земли, чтобы русская вѣра не умешала, не угыбала и церквамъ бы строеніе было ([246])»: но не всегда исполняли слова свои на дѣлѣ,—да и не могли, по многимъ разнымъ обстоятельствамъ. Посему, не всегда въ точности соблюдали правила православной церкви при поставленіи епископовъ, т. е. не только предоставляли себѣ утвержденіе избранныхъ кандидатовъ на епископскія каѳедры, но усвояли и самое избраніе ихъ. При избраніи же обращали вниманіе не столько на нравственныя и умственныя достоинства человѣка, сколько на услуги его государству, или собственно королю, а по большей части на дары и деньги. Въ слѣдствіе этого, епископами были, большею частію, люди изъ свѣтскаго сословія ([247])—люди, правда, нерѣдко приносившіе большую пользу церкви своимъ высокимъ значеніемъ въ народѣ и предъ правительствомъ, своимъ (преимущественнымъ, сравнительство съ бѣднымъ духовенствомъ) просвѣщеніемъ, своими познаніями административными; но нерѣдко много и вредившіе церкви, восходя на святительскіе престолы съ сердцемъ, неискушеннымъ въ подвигахъ благочестія, съ сердцемъ, тщеславнымъ и пристрастнымъ къ стяжаніямъ земнымъ. А отсюда—тяжкій соблазнъ для паствы, споры о возсѣданіяхъ и предсѣданіяхъ на сеймахъ, или соборахъ, постоянныя

([246]) Акт. З. Р. т. I, № 25.

([247]) Тамъ же, т. III, № 33-й. Извѣстно, что даже нѣкоторые митрополиты происходили изъ рода князей, или изъ сословія дворянъ, наприм. митр. Мисаилъ (изъ рода князей Пеструцкихъ), Іосифъ II Солтанъ (бывшій прежде земскимъ подскарбіемъ) и друг. (см. оп. кіев. соб. гл. VII).

тяжбы то съ міромъ, то съ клиромъ ([248]). Еще болѣе короли причиняли зла Церкви, назначая непосредственно отъ себя настоятелей монастырей. Съ одной стороны, они этимъ ослабляли, или даже совершенно уничтожали зависимость настоятеля отъ епархіальнаго архіерея и отъ митрополита; а чрезъ то, естественно, въ св. обителяхъ возникали всякаго рода нестроенія и безпорядки. Съ другой стороны, короли поставляли начальниками монастырей, по большой части, мірянъ, обязывая ихъ вступить въ монашество ([249]), а иногда дозволяя даже оставаться въ мірѣ, только имѣть викарія, или намѣстника; — мало того, дѣлали иногда аввами православныхъ монастырей свѣтскихъ людей вѣроисповѣданія латинскаго ([250]). Такъ-то, и законное въ своемъ основаніи, право было употребляемо беззаконно!

2) Право подаванья (jus patronatus) имѣло основаніемъ благочестіе и усердіе къ церкви нѣкоторыхъ православныхъ князей. Устрояя въ своихъ помѣстьяхъ монастыри и церкви, и надѣляя ихъ крестьянами и различными угодьями, они чрезъ то самое становились

([248]) См. Акт. З. Р. II, № 67, 68 и 212; см. также т. II, №№ 11, 13, 14 и 15.

([249]) Акт. З. Р. т. III, № 129. Сигизмундъ-Августъ на гродненскомъ сеймѣ закономъ установилъ: «кому бы хлѣбъ духовный былъ данъ, а тотъ бы за три мѣсяца стану духовнаго приняти не хотѣлъ,—таковый отъ той должности отпадаетъ (Ак. З. Р. т. III, № 110)».

([250]) Ак. З. Р. III, № 29. Пам. кіев. ком. 1, отд. 2, стр. 19; тамъ же —наказная грамота Баторія к. Острожскому о защищеніи Оранскаго въ томъ случаѣ, если бы митрополитъ принуждалъ его ко вступленію въ духовный санъ (стр. 37).

уже попечителями (patronus) основанныхъ ими обителей и храмовъ. Въ слѣдствіе пресѣченія многихъ родовъ княжескихъ и боярскихъ, а иногда и въ слѣдствіе другихъ обстоятельствъ, имѣнія ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, находившіеся въ нихъ монастыри и церкви, дѣлались собственностію короля, который, конечно, имѣлъ право отдавать послѣдніе на попечительство людямъ благонамѣреннымъ, по ихъ просьбамъ. Вотъ начало и происхожденіе «права подаванья». Сущность его довольно опредѣленно выразилъ Сигизмудъ 1-й въ грамотѣ своей князю Василію Михайловичу Сангушкѣ 1523 года: «билъ намъ челомъ князь Сангушко, и сказалъ, что церковь св. Василія въ г. Владимірѣ опала, и просилъ, чтобы ту церковь дали ему въ подаянье, на *что изъявилъ согласіе и володимерскій владыка Іона.* Мы ту церковь св. Василія дали ему въ подаянье и оборону, и подтверждаемъ симъ нашимъ листомъ, вѣчно, ему самому и его княгинѣ, и ихъ дѣтямъ, со всимъ съ тымъ, што къ той церкви здавна прислухаетъ: *не маетъ онъ отъ той церкви Божьей пожитковъ ни которыхъ себѣ мѣти, но маетъ тую церковь всякими рѣчьми* (вещами, потребностями) *надавати и направляти, и ее въ подаяньи и въ оборонѣ своей мѣти* ([251])». Если бы всѣ грамоты, даваемыя королями разнымъ лицамъ на право подаванья, были подобнаго рода:—церкви и монастыри не только не потерпѣли бы вреда, но, можетъ быть, получили бы и пользу. Къ прискорбію, большая часть королевскихъ грамотъ была совершенно иного рода. Изъ нихъ мы видимъ, что

([251]) Ак. З. Р. т. II, № 124.

право подаванья даваемо было: 1) и безъ согласія владыки, а по ходатайству только пановъ польскихъ; 2) даваемо было не какъ дѣло священное, не какъ средство людямъ благочестивымъ выказать свое усердіе Богу и церкви,—но иногда, какъ мзда за однѣ мірскія заслуги, и поощреніе къ другимъ; слѣд. 3) даваемо было не для поддержанія церкви, но для ея, можно сказать, разграбленія (252); и 4) монастырь или церковь, чрезъ это право, отдаваемы и передаваемы были не въ оборону, но въ аренду (253). Гибельнѣйшимъ слѣдствіемъ такого употребленія права подаянья, или обороны было тоже, что отъ злоупотребленія права—назначать епископовъ и настоятелей монастырей: совершенно устраняя епархіальныхъ архіереевъ отъ участія въ дѣлахъ церкви или обители—земскихъ, экономическихъ, а чрезъ это и въ дѣлахъ чисто духовныхъ (254), право подаванья отверзало путь крайнему злу и бѣдствію для церкви (255).

---

(252) Ак. З. Р. т. III, № 79.

(253) См. грам. въ Ак. З. Р. I, № 140, 212; II, № 170; III, № 79. Съ полною точностію все это подтверждаетъ жалованная грамата Сигизмунда-Августа писарю Евтиху Высоцкому, о предоставленіи ему въ награду за службу, въ пожизненное держанье межигорскаго монастыря (см. Ак. З. Р. III, № 33).

(254) Лишались же епископы права участвовать въ дѣлахъ церкви или обители тамъ, гдѣ подаватели, или патроны утверждаемы были положительнымъ, прямымъ повелѣніемъ королей. Такіе монастыри и церкви были, какбы ставропигіи королевскія.

(255) См. Челобитн. (1585 г.) галицко-волынскихъ Руссовъ митр. Онисифору (Ак. З. Р. III, № 146), грам. митропол. Макарію о созваніи на соборъ православнаго русско-литовскаго духовенства (Ак. З. Р. III, № 3), запись объ отдачѣ въ *залогъ* монастыря Честнаго Креста князя Михаила Чарторижскаго пану Лазарю Ивапицкому 1580 г. (пам. кіев. ком. т. I, отд. 2, стр. 19 и 48)

3) Право верховнаго суда, которое усвояли себѣ польскіе государи надъ епископами, священнослужителями и клиромъ, основывалось на томъ, что эти государи считали себя полными правителями своихъ подданныхъ во всѣхъ дѣлахъ,—и вмѣстѣ на двухъ первыхъ правахъ: если король могъ поставить епископа или настоятеля, то къ нему же можно было прибѣгнуть и за судомъ надъ епископомъ, или настоятелемъ; и если церковь, или монастырь считались собственностію—«поданьемъ»— короля, или пана, — то къ нимъ же естественно было обращаться и за расправою въ различныхъ случаяхъ. Какой ущербъ могъ отсюда происходить для суда святительскаго духовнаго, какія могли возникать злоупотребленія и безпорядки, — это очень ясно.

Вообще надобно замѣтить, что состояніе церковнаго управленія въ этомъ періодѣ представляется въ довольно жалкомъ видѣ. Главная причина та, что отношеніе между властію церковною и гражданскою было крайне неопредѣленно, а слѣдствіемъ этой неопредѣленности были самыя частыя и вмѣстѣ самыя пагубныя столкновенія одной власти съ другою. Весьма благодѣтельны были для церкви, при этомъ, правила виленскаго собора, бывшаго въ 1509 году, подъ предсѣдательствомъ митр. Іосифа Солтана, и имѣвшаго главною цѣлію—прекратить безпорядки, возникшіе въ церквахъ юго-запад. Россіи, устроить церковное благочиніе и защитить духовенство отъ притѣсненій ([256]).

([256]) Дѣянія сего собора (см. въ оп. кіев. соб., въ прибавл. подъ № 10).

При такомъ положеніи дѣлъ, очень естественно, и средства содержанія для православнаго духовенства на Волыни, въ этомъ періодѣ были скуднѣе, нежели въ предъидущемъ. Это, по преимуществу, надобно сказать о духовенствѣ галицкой епархіи, которое терпѣло почти постоянныя оскорбленія. Изъ дошедшихъ до насъ грамотъ (почти во все продолженіе этого періода), нѣтъ ни одной, которою бы жалуемы были православнымъ церквамъ галицкимъ какія либо новыя угодья. Видимъ только, что тамошніе пастыри выпрашивали у королей подтвердительныя грамоты на тѣ имѣнія, которыя принадлежали православнымъ церквамъ при князьяхъ русскихъ: при Львѣ, при Георгіи и друг. (257)

Гораздо лучше, впрочемъ, была участь православной Церкви на западѣ Волыни, особенно при велик. князьяхъ литовскихъ, которые давали православнымъ церквамъ волынскимъ жалованныя грамоты — «о неприкосновенности церковнаго имущества и доходовъ», —повелѣвая властямъ гражданскимъ — «кривды (обиды) Церкви Божіей и епископамъ не чинить. и въ доходы церковные, и во вси справы и суды духовные не вступаться (258)». Равнымъ образомъ, многіе православные князья волынскіе (259) богатыми вкладами и

(257) Suppl. ad H. R. M. № 163. Акт. З. Р. т. I, № 31.

(258) Акт З. Р. II, № 65. См. также — т. III, № 32, 43, 46 и друг.

(259) Акт. З. Р. I, № 84—отказная запись Кирдѣевичей луцкому монастырю на села;—№ 96—отказная грамота тому же монастырю на десятину; № 124—о пожертвованіяхъ к Путятича правосл. монастырямъ и церквамъ; т II, № 32—жалованная грамота луцкому еписк. Кириллу на владѣніе деревнями, по завѣщанію Якушевича и жены его; № 82—отступ-

пожертвованіями надѣляли правосл. монастыри и церкви,—въ особенности знаменитые, прославившіеся своимъ благочестіемъ, князья Острожскіе, которые вмѣстѣ съ тѣмъ, были ревностными ходатаями у вел. князей и королей о благоустройствѣ церковномъ, о благѣ православнаго духовенства и мірянъ всей, можно сказать, юго-западной Россіи. Рѣдкую грамоту можно встрѣтить, которая бы относилась къ улучшенію участи православныхъ Россіянъ юго-западныхъ,—и въ которой бы не было словъ, подобныхъ, наприм., слѣдующимъ: «билъ намъ чоломъ владыка туровскій и пиньскій Іона, а быхмо мы то (неприкосновенность святительскихъ правъ и духовнаго суда) утвердили церкви Божьей, на вѣчность,—*какъ же и гетманъ нашъ, староста луцкій, маршалокъ волынскоѣ земли, к. Константинъ Ивановичъ Острожскій о томъ насъ за нимъ жедалъ* (ходатайствовалъ).... *Ино мы, взглянувши на жеданье* (ходатайство) *князя Константина* и на чолобитье владычино, то есмо вчинили ([260])». Справедливость требуетъ замѣтить, что и короли польскіе, какъ и великіе князья литовскіе, грамотами подверждали права на имѣнія, принадлежавшія духовенству и церкви ([261]); по

ная запись Сапгушки и супруги его Дерманскому монастырю на Бѣлашевскую отчину; и др.

([260]) Акт. З. Р. II, № 109, стр. 135; также № 65—жалованная грамота митр. Іосифу и православнымъ епископамъ литовскимъ и русскимъ о неприкосновенности святительскихъ правъ и суда, также церковнаго имущества и доходовъ Въ этой граматѣ говорится тоже самое: «билъ намъ чоломъ мит. кіевскій и галицкій и епископы кіевской митрополіи, и также съ ними гетманъ нашъ, староста луцкій, маршалокъ земли волынской кн. Константинъ Ив. Острожскій». См. еще № 151; т. III, № 130 и друг

([261]) Привиллегіи кн. Александра у Востокова, стр. 121, 127. Гваньини писалъ: «митрополитъ и епископы польской Россіи владѣютъ деревнями и городами (стр. 18)»; см. также—собр. вилен. грам. ч. 2; Ак. З. Р. I, №

эти грамоты не всегда могли имѣть настоящее свое значеніе и силу ([262]).

б) состояніе богослуженія.

Много потерпѣли въ предшествовавшемъ періодѣ православные храмы отъ нашествія Татаръ; теперь они терпѣли отъ тѣхъ же Татаръ и вмѣстѣ отъ Поляковъ — латинянъ. Рѣдкое десятилѣтіе происходило безъ того, чтобы Татары не опустошали какого-либо города, или селенія въ различныхъ областяхъ Волыни. Въ 1399 г. Тимуръ Кутлуй, напавъ на Кіевъ и взявъ окупъ съ Печерской обители, «силу свою, по словамъ лѣтописца, распустилъ воевати земли литовскія, и ходи рать татарская, воююще даже до великаго Луческа (Луцка), и много градовъ поплѣниша, и пусто сотвориша ([263])». Въ продолженіи слѣдующаго (XV) столѣтія Волынь испытывала постоянные, самые опустошительные набѣги Татаръ. Почти на каждой страницѣ волынской лѣтописи читаемъ: «Татаре многія пакости по Волыню сотвориша»; «безъ мѣры много зла сотвориша около Житомира, Кременца, Володымера»; «безъ милости пакости сотвориша огнемъ и мечемъ на Подолю и Волыню ([264])»; — въ 1491 г.

42, 166; II, № 32, 65; III, № 46, 47, 149; Ипат. л. стр. 354 подъ 1432 г. Ягелло король, будучи въ Кіевѣ, далъ привиллегіи волынскимъ обывателямъ, «абы имъ въ вѣрѣ никто насилія не чинилъ, а ни церквамъ православнымъ пакостилъ, а ни до своей ихъ вѣры кто принуждалъ». Въ 1434 г. эту привиллегію подтвердилъ Владиславъ I, сынъ Ягелловъ (см. тамъ же).

([262]) См. дѣли. вилен. соб. прав. 10—въ опис. к. соб., приб. № 10, стр. 46.

([263]) Ник. л. IV, стр. 282; ср. Ип. л., стр. 352.

([264]) Приб. къ ип. л., стр 357 — 367. Карамз. т. VI, стр. 285 и прим. 496.

«приходиша Татарове завольскыи на волынскую землю: въ Володимери церкви пожгли, и великую церковь Богоматери мурованую; а людей безчисленно посѣкли и полонили»; въ 1495 г. «церковь и монастырь св. Николы въ Жилычинѣ (мѣстечко луцкаго уѣзда) сожгоша ([265])». Въ началѣ XVI столѣтія (около 1519 г.) города волынскіе стояли среди усѣянныхъ пепломъ степей, гдѣ скитались толпами бѣдные жители деревень, сожженныхъ Крымцами ([266]).

Поляки—римско-католики не довольствовались тѣмъ, что св. храмы православные обращали въ свои костелы; но поступали иногда съ святынею, подобно Монголамъ. Казиміръ великій въ 1340 г., сдѣлавъ нападеніе на Львовъ, какъ гласитъ преданіе, прежде всего зажегъ монастырь св. Георгія, чтобы, приведши жителей въ ужасъ, тѣмъ удобнѣе овладѣть городомъ ([267]). По свидѣтельству Кромера, вскорѣ по смерти Витовта (1430—31 г.) латыняне разрушили и сожгли всѣ православныя церкви волынскія ([268]); Сигизмундъ, бывшій тогда вел. кн. литовскимъ, не старался защищать православныхъ, и въ 1432 г. луцкимъ только гражданамъ, какъ мы уже замѣчали, далъ охранную грамоту отъ подобныхъ раззореній ([269]). Въ тоже время, когда храмы Божіи были раззоряемы, многія священныя и драгоцѣнныя вещи переносимы были въ костелы. Казиміръ III въ 1340 г., со мно-

---

([265]) Карамз. т. VI, стр. 478 и 480; см. также стр. 474, 481.

([266]) Карамз. т. VII, стр. 101—2.

([267]) Зубр. о Черв. Руси, стр. 106.

([268]) «Волынскія церкви, каковыя только греко-россійскаго исповѣданія были, въ прахъ сожжены и до основанія превращены». (См. москов. любоп. мѣсяцословъ на 1776 г. стр. 84; Кром. кн. XX.

([269]) Оп. к. соб., стр. 106.

гими сокровищами церковными, вывезъ изъ Львова два золотыхъ креста. Одинъ изъ нихъ, въ которомъ вложена была часть животворящаго древа Господня, Казиміръ предъ смертію своею пожертвовалъ въ краковскій костелъ ([270]). Впрочемъ, по свидѣтельству письменныхъ памятниковъ и отзывамъ иностранцевъ того времени, православныхъ церквей на Волыни было несравненно больше, нежели латинскихъ,—и весьма многія изъ нихъ были каменныя; въ нихъ находилась богатая утварь — вещи серебреныя и золотыя; богослуженіе совершалось съ особеннымъ великолѣпіемъ ([271]). Этому много способствовали благочестивые князья волынскіе: они строили въ своихъ имѣніяхъ новыя православныя церкви и монастыри, и щедро надѣляли ихъ всѣмъ необходимымъ. Таковы, во особенности, были, часто упоминаемые нами, князья Острожскіе, имѣвшіе весьма обширныя помѣстья на Волыни ([272]). Къ большему благоустройству священнодѣйствій послужили книгопечатаніе и учрежденіе въ нѣкоторыхъ волынскихъ городахъ типографій. Къ концу разсма-

---

([270]) Dlug. p. 1137. Зубр. о Ч. Р., стр. 139.

([271]) Н. R. M. I, № CXXIII, p. 124. Suppl. ad H. R. M., p. 461.

([272]) Иванъ Васильевичъ Острожскій выразилъ благочестіе свое, наслѣдованное имъ отъ отца, строеніемъ и украшеніемъ Божіихъ храмовъ. Церковь св. Троицы, воздвигнутая имъ (около половины XV вѣка) въ Межиричи (мѣстеч. острожс. уѣз.) великолѣпіемъ равнялась острожскому храму Богоявленія, построенному его отцемъ (см. Geneal. ostrog. стр. 73 и 74). Константинъ Иванов. Острожскій построилъ много церквей и монастырей въ земляхъ своего наслѣдственнаго княжества (острожскаго). Около 1519 г. онъ основалъ храмъ святыя Троицы и Николаевскую церковь въ Вильнѣ,—и потомъ каѳедральную митрополичью церковь въ Новогродкѣ литовскомъ. Особенно заботился онъ о кіевскомъ печерскомъ храмѣ пресвятой Богородицы, въ которомъ похоронилъ своего отца, и былъ погребенъ самъ (см. Кіевл. 1840 г. «острожская старина»).

триваемаго періода напечатаны были уже почти всѣ богослужебныя книги (за исключеніемъ нѣкоторыхъ миней служебныхъ), хотя, впрочемъ, не всѣ книги для одной какой либо церкви, а разныя для разныхъ ([273]). При изданіи книгъ пастыри волынскіе заботились объ исправленіи ошибокъ и разностей въ чинопослѣдованіяхъ: «и прежде множае десяти лѣтъ (говорится въ предисловіи Гедеона Балобана, епископа галицкаго къ стрятинскому требнику, изд. 1606 г.) синоду сущу въ Берестьи,... многое отъ нихъ (епископовъ) изысканіе и смотрѣніе о великомъ разногласіи дѣйствій церковныхъ бысть ([274])».

Въ этомъ періодѣ умножено число свящ. праздниствъ и пѣснопѣній. По благословенію патріарха Филоѳея, святитель Алексій установилъ праздновать память св. трехъ мучениковъ литовскихъ: Іоанна, Антонія и Евстафія. Это установленіе совершилось 1364 г. 14 Апрѣля ([275]). По свидѣтельству св. Димитрія Ростовскаго, м. Григорій Цимблакъ установилъ въ своей митрополіи праздновать память св. Параскевы Терновской 14-го Октября ([276]).

([273]) Вотъ какія книги показываетъ игуменъ Арсеній въ Дубенскомъ монастырѣ: «монастырскихъ книгъ: Евангеліе и Апостолъ, и Тріоди двѣ, Октоихъ два, и Псалтири двѣ, и Уставъ, Служебникъ два, Миней мѣсяца (служебныхъ) четыре, збраные правила св. Апостолъ, Богородичники два, Евангеліе учительное, Сборникъ». Самъ Арсеній пожертвовалъ обители: «Евангелія два, Октоихъ два, Миней мѣсячныхъ восемь, Служебникъ, Студитъ (см. *Востокова* оп. Рум. муз. стр. 189.)». Въ описи луцкаго красносельскаго Спасскаго монастыря упоминаются слѣдующія богослужебныя книги: «Евангеліе, Апостолъ, половина Пролога, Осмогласникъ весь, Уставъ, Кирилъ, книга Златоустъ, Паремья, Минея.... (Акт. З. Р. 1, № 34)».

([274]) См. Москвитянинъ 1844 г. № 8-й.

([275]) Густ. лѣт., стр. 350.

([276]) Историч. словарь о писат. дух. чина 1, стр. 105.

Нельзя не упомянуть здѣсь о нововведеніи папы Григорія XIII, бывшемъ причиною новыхъ безпорядковъ и оскорбленіи православію. Въ 1582 г. Григорій измѣнилъ древній юліанскій календарь, приказавъ прибавить къ 1582 году 10 дней, и впредь принимать за високосный годъ не каждый сотый, а только четырехъ-сотый годъ. Это нововведеніе папы встрѣтило сильныя препятствія въ нѣкоторыхъ государствахъ даже западной Европы. Между тѣмъ, король Стефанъ Баторій предписалъ ввести новоисправленный календарь и въ княжествѣ литовскомъ, а слѣдовательно и въ землѣ волынской, которая вся подвластна была королямъ и вел. князьямъ литовскимъ. Насилія православнымъ со стороны папистовъ тотчасъ же открылись. Патріархъ Іеремія II-й, въ окружномъ посланіи къ русско-литовскому духовенству (1583 г. Нояб. 20), писалъ, что «употреблять насилія въ дѣлахъ духовныхъ противно ученію Христову»; въ тоже время представлялъ, что древняя пасхалія утверждена 1-мъ вселенскимъ Соборомъ, и долгъ православнаго христіанина повиноваться св. Отцамъ; наконецъ, изложивъ условія для отъисканія дня пасхальнаго, доказывалъ, что и нововведенный календарь не чуждъ погрѣшностей; къ Константину же Острожскому прислалъ и таблицу, или ключь на обрѣтеніе пасхи христіанской и жидовской ([277]). Но патріаршая грамота для римскихъ-католиковъ не имѣла большой важности. Самъ король (1584 г. Января 9) предписывалъ львовскимъ

([277]) Акт. З. Р. III, № 138 и примѣч. къ № 138. Опис. Рук. муз., стр. 417.

городскимъ властямъ, «чтобы Россіяне не смѣли нарушать праздиествъ римско-католической церкви исполненіемъ своихъ обрядовъ по древнему календарю; а кто изъ православныхъ въ установленные по новому календарю праздничные дни будетъ заниматься работами, или торговлею, — того безъ всякаго вниманія наказывать лишеніемъ какъ сработанныхъ вещей, такъ и вырученныхъ за продажу товаровъ денегъ ([278])». Впрочемъ, тотъ же король, спустя только 10-ть дней (Января 19-го 1584 г.), въ окружной грамотѣ писалъ, что, приказавши ввести въ употребленіе новоисправленный календарь «для порядка и справъ рѣчи посполитой»,—онъ и въ мысли не имѣлъ возбранять людямъ греческаго закона — отправлять свои праздиества по старому календарю, и что потому люди этого закона, безъ соизволенія старшаго патріарха своего, не должны быть насильно принуждаемы къ принятію новаго календаря, изъ-за этого терпѣть ругательства, убытки и грабежи ([279]).

Таковъ характеръ весьма многихъ грамотъ королей польскихъ! Почти всегда неточныя, онѣ явно противорѣчили одна другой. Неточности въ предписаніяхъ нерѣдко допускались даже съ намѣреніемъ, а противорѣчія вытекали уже сами собою, неизбѣжно. Отъ взаимно противорѣчущихъ предписаній нельзя было ожидать и хорошихъ слѣдствій. Почти въ тоже время, какъ Стефанъ Баторій издалъ «универсалъ», предписывавшій, чтобы паписты не препятствовали право-

---

([278]) Акт. З. Р. III, примѣч. къ № 139. Suppl ad H. R. M. № CLXXVIII.
([279]) Акт. З. Р. III, № 139.

славнымъ праздновать святыя дни по древней пасхаліи, — толпа шляхтичей, вооруженныхъ саблями и ружьями, по приказанію львовскаго латинскаго архіепископа Яна-Дмитрія Соликовскаго, наканунѣ Рождества Христова, напала на православныя церкви и монастыри, и произвела крайнія оскорбленія христіанамъ и святынѣ: народъ, собравшійся на богослуженіе и приготовленіе къ великому дню, былъ разогнанъ; священники, совершавшіе литургію, были съ величайшимъ безчиніемъ и насиліемъ отвлекаемы отъ алтарей, и отводимы въ заключеніе; церкви запечатаны; колокола отданы въ городской замокъ, или проданы жидамъ; православнымъ же, подъ угрозою немедленной смерти, приказано было—не касаться печатей, не звонить въ колокола и не собираться, по древнему чиноположенію, во храмы на богослуженіе ([280]). Львовскіе православные граждане подали жалобы королю; умоляли и мит. Онисифора вступиться за нихъ и унять своеволіе папистовъ; цѣлый годъ продолжалась тяжба между львовскимъ православнымъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ и арцибискупомъ Соликовскимъ. Наконецъ (Февр. 15 1585 г.), Янъ-Дмитрій Соликовскій далъ обязательство, что «до учиненія согласія касательно новаго календаря между патріархами греческаго закона и папою римскимъ, онъ не будетъ дѣлать православнымъ никакихъ принужденій ([281])». Гедеонъ, въ слѣдствіе этого, прекратилъ судебный свой

([280]) Акт. З. Р. III, № 140 и 146, стр. 289.
([281]) Акт. З. Р. III, № 147.

цекъ. Король Стефанъ Баторій, спустя три мѣсяца (1585 г. Мая 18), также издалъ универсалъ, которымъ снова подтверждалъ латинянамъ, чтобы они не дѣлали насилій православнымъ, и дѣло о календарѣ предоставлялъ рѣшенію восточныхъ православныхъ патріарховъ и римскаго папы ([282]). Однако, принужденія не прекращались, а открывались, напротивъ, и въ другихъ городахъ волынскихъ ([283]). Впрочемъ, и въ этомъ періодѣ, въ обрядахъ православной церкви мы не видимъ еще нововведеній и обычаевъ римской церкви. Мы имѣемъ посланія св. Фотія къ церквамъ югозападной Россіи; но въ этихъ посланіяхъ не находится никакихъ обличеній на отступленіе въ обрядахъ отъ православія. Неприкосновенность православныхъ обрядовъ въ этомъ періодѣ рѣзко подтверждаютъ также сами паписты, писавшіе до уніи и доходившіе нерѣдко до большихъ крайностей и преувеличеній въ изображеніи различія между обрядами церкви православной и римско-католической ([284]).

в) Состояніе ученія.

Разсматривая внѣшнее состояніе православной церкви, мы видѣли, что къ концу этого періода ее окружили разнаго рода реформатскіе сектанты, а вслѣдъ за ними — іезуиты; что тѣ и другіе, стараясь привлечь себѣ послѣдователей, учреждали свои школы, заводили типографіи, издавали собственные переводы

([282]) Бѣлорус. арх. древн. грамат. I, 44.

([283]) Акт. З. Р. III, № 140, 146, 147, 164, примѣч. къ 147.

([284]) Hist. R. M. I, № CXXIII; Raynald. t. XXX. p. 373, 374. Suppl. ad Hist. R. M. № 2.

свящ. книгъ, также нѣкоторыя частныя сочиненія, противныя духу православнаго ученія ([285]). Сильно колебались уже умы отъ разлива западнаго вольнодумства; враги православія были неутомимы; нестроенія проникали въ самое управленіе церковное, въ устройство іерархіи. При всемъ томъ, были еще избранники Божіи, мудро и ревностно, какъ истинные поборники православія, заботившіеся о св. вѣрѣ и Церкви, и употреблявшіе всѣ средства къ отраженію неправовѣрія и неправомыслія.

И во первыхъ, для обученія юношества истинамъ св. вѣры и для приготовленія достойныхъ пастырей церкви, на Волыни открыты были высшія духовныя училища. Первое изъ такихъ училищъ, во второй половинѣ XVI столѣтія, заведено было въ Острогѣ знаменитымъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ Острожскимъ. Въ 1581 г. іезуитъ Антоній Поссевинъ писалъ къ папѣ: «нѣкоторые русскіе князья, каковы острожскій, слуцкій, имѣютъ свои училища, въ коихъ питается ихъ расколъ ([286])». Въ 1586 г. патріархи —

([285]) Отступникъ отъ православія Симонъ Будный (проживавшій большею частію въ волынскомъ городѣ Луцкѣ) съ товарищами: Матвѣемъ Кавечинскимъ и Лаврентіемъ Кришковскимъ, издалъ свой катихизисъ 1562 г. Это былъ первый,—не только на Волыни, но и на югѣ Россіи,—книжный отголосокъ западной реформаціи, которая, какъ мы имѣли случай замѣтить, въ разныхъ сектахъ своихъ, пройдя чрезъ Польшу, явилась и у насъ въ Литвѣ, въ половинѣ XVI в., и вслѣдъ за тѣмъ распространилась на Волыни (см. Энциклоп. Лекс. «Будный»).

([286]) Suppl. ad H. R. M. p. 38. Ист. Р. Ц. III, стр. 70. Это острожское училище долго носило названіе Академіи; въ концѣ книги «календарь римски новы», изданной Герасимомъ Смотрицкимъ въ Острогѣ — 1587 г., замѣчено: «написано у Академіи острозьской» (см. грам. яз. слав. До-

Іеремія константинопольскій, Мелетій александрійскій, Іоакимъ антіохійскій, Софроній іерусалимскій, дали благословеніе, и повелѣли Славянамъ учиться греческому языку. Это позволеніе относилось преимущественно къ Россіянамъ, «на волынскихъ земляхъ жившимъ», коимъ паписты запрещали учиться греческому языку (287). Въ тоже время (1586 г.), по благословенію антіохійскаго патріарха, устроено было подобное училище въ Львовѣ. Изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ видно, что въ львовскомъ училищѣ назначены были для преподаванія языки — славянскій и греческій (288). При этихъ училищахъ заведены были типографіи, въ которыхъ печатались книги, много способствовавшія, съ одной стороны, къ защищенію православія противъ папистовъ и разныхъ сектантовъ реформатскихъ, съ другой, — къ большему утвержденію его въ сердцахъ греко-россіянъ (289). О содержаніи училищъ заботились или покровительствовавшіе имъ князья, или братства тѣхъ церквей, при которыхъ

бровскаго, стр. LX). Въ острожскихъ училищахъ первымъ ректоромъ и учителемъ греческаго языка былъ славный ученостію Кириллъ Лукарь, послѣ бывшій константинопольскимъ патріархомъ (см. ист. рос. іерар. I, 416—417; ист. ун. Б.—Каменскаго, стр. 53).

(287) Ист. рос. іер. I, 416 — 17.

(288) Опис. к. соб. приб. № 41-й, стр. 208, 209. Ак. З. Р. III. № 157.

(289) О книгахъ, напечатанныхъ въ этихъ типографіяхъ, см. «въ обозрѣніи славяно-русской библіографіи»—Сахарова; еще ист. сл. свѣт. пис. I, 302: «Константинъ Констант. Острожскій». Въ этомъ періодѣ напечатаны въ Острогѣ: 1580 г. «Псалтирь», «Новый завѣтъ»; 1581 г. «Хронологія, Библія, сирѣчь кн. вет. и нов. завѣта по языку словенскому»; 1584 г. «посланія константинопольскаго Іереміи»; 1587 г. «календаръ римски новы»; 1588 г. «Сборникъ».

училища учреждались. Но кромѣ этого, ученики жили еще милостынею, которую сами себѣ выпрашивали у людей православнаго исповѣданія: это былъ общій удѣлъ православныхъ духовныхъ воспитанниковъ не только на Волыни, но и на всемъ югозападѣ Россіи. При сильной непріязни латинянъ къ православнымъ, когда господствовало своеволіе и самоуправство, несчастнымъ воспитанникамъ православныхъ училищъ приходилось иногда терпѣть самыя тяжкія оскорбленія отъ буйныхъ школьниковъ римско-католическаго вѣроисповѣданія. Случалось, что послѣдніе, подстрекаемые своими ректорами, съ оружіемъ, камнями и дреколіемъ ночью нападали на первыхъ; отнимали у нихъ выпрошенную милостыню; силою увлекали въ свои квартиры, и тамъ держали въ цѣпяхъ, сѣкли, ранили и всячески мучили ([290]).

Во вторыхъ, чтобы доставить чадамъ и пастырямъ православной церкви возможность почерпать истины божественной вѣры изъ самыхъ ея источниковъ, сдѣланы были и изданы переводы священныхъ книгъ. Такъ, во второй половинѣ XVI в. (1556—61 г.) пересопницкій ([291]) архимандритъ Григорій, вмѣстѣ съ сы-

---

([290]) Suppl. ad H. R. M. pag. 151 — 153.

([291]) Пересопница, село ровенскаго уѣзда. Пересопницкій монастырь основанъ, около начала XVI в., Ѳеодоромъ Михайловичемъ Чарторыйскимъ: въ половинѣ XVI в. былъ на степени архимандріи и существовалъ до 1630 г. Княгиня Елена Чарторыйская отдала Пересопницу во владѣніе православному монастырю. Николай, сынъ Елены, весьма преданный и благотворившій іезуитамъ, и за то названный «societatis Jesu amantissimus»,—просилъ Сигизмунда III возвратить ему Пересопницу съ монастыремъ и дозволить — передать то и другое во владѣніе устроенной имъ въ

номъ протопопа Сянопкаго Михаиломъ Васильевичемъ, переложили съ болгарскаго (церковнаго) на простой русскій языкъ четвероевангеліе ([292]). Около 1570 г. въ Москвѣ переведенъ съ еврейскаго на русско-славянскій языкъ ветхій завѣтъ; наконецъ, въ 1581 г., попеченіемъ Константина Константиновича Острожскаго, совершено было исправленіе и новое изданіе всей библіи ([293]). Какъ первые опыты, предпринятые при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ, эти переводы и изданія священныхъ книгъ, конечно, могли совершиться не безъ большихъ трудностей и нѣкоторыхъ недостатковъ ([294]); тѣмъ не менѣе, они служатъ прекраснымъ памятникомъ просвѣщеннаго и самаго живаго благочестія православныхъ Россіянъ волынскихъ.

Кромѣ переводовъ и изданій священныхъ книгъ, на Волыни переводимы были писанія знаменитѣйшихъ Отцевъ и учителей церкви. Съ особенною ревностію

Клевани (мѣстечко ровенскаго уѣзда) іезуитской коллегіи свѣтскихъ всенузовъ, называвшихся «мансіонаріями». Просьба исполнена, и выдана грамота 1630 г. іюля 22 въ Варшавѣ (см. Кіевл. 1840 г. стр. 238—243).

([292]) Въ этомъ евангеліи многія церковно-славянскія слова и обороты замѣнены, или пояснены словами языка южно-русскаго «для лѣпшаго (лучшаго) выразумленія люду христіанскаго посполитого». Писано оно на пергаминѣ, въ листъ, иждивеніемъ благоч. княжны Настасіи Юрьевны Заславской, урожд. Гольшанской; нынѣ хранится въ переяславскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, которому подарилъ его въ 1701 г. Мазепа, какъ строитель монастыря. Писецъ этого евангелія не разъ повторилъ, что оно переведено «изъ языка болгарскаго на мову рускую» (см. Ж. М. Н. П. 1838 г. кн. 5; Кіевл. 1840 г. «о городахъ Пересопницѣ и Дубровицахъ»; Временникъ—1849 г. «книжная старина южно-русская»).

([293]) Ист. Р. Ц. III, 72.

([294]) Ист. Р. Ц. III, 73—75. Слав. народописаніе Шафарика. Москвит. 1843 г. ч. I, стр. 171.

трудился на этомъ поприщѣ, бѣжавшій изъ Москвы въ Литву и почти всегда жившій на Волыни, князь Андрей Михайловичъ Курбскій; великое усердіе оказывалъ въ этомъ дѣлѣ и игуменъ Троицко-Сергіевой лавры Артемій, осужденный на московскомъ соборѣ 1551 г., и въ послѣдствіи жившій на Волыни, въ г. Луцкѣ ([295]). Изъ писемъ Курбскаго видно, что частію имъ самимъ, а частію подъ его надзоромъ, переведены были нѣкоторыя части изъ твореній Василія великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста. Къ братьямъ Мамоничамъ обѣщалъ князь «поспѣшить съ тремя свидѣтелями — Діонисіемъ Ареопагитомъ, Іоанномъ Златоустомъ и Іоанномъ Дамаскинымъ, и со иными святыми древними учительми». Сдѣланный княземъ переводъ богословія, діалектики, книги о ересяхъ и нѣсколькихъ словъ Дамаскина уцѣлѣлъ и до нашего времени. Особенно старался Курбскій перевести тѣ мѣста изъ писаній св. Отцевъ, въ которыхъ заключалось прямое опровержение мнѣній, проповѣдуемыхъ латинами. Такъ, по просьбѣ львовскаго мѣщанина Семена Сѣдларя—представить ему толкованіе вселенскаго учителя касательно распространяемаго ученія о чистилищѣ и невѣчности будущихъ мученій, — князь перевелъ и послалъ 9-ю бесѣду св. Златоуста на 1-е посланіе къ Коринѳянамъ ([296]).

Вслѣдъ за писаніями мужей богодухновенныхъ и св. Отцевъ Церкви, писаны были на Волыни и частныя

(295) Ист. Р. Ц. III, 118, 119, 190 (Москва 1847 г.); опис. сказ. кн. Курбск. II, стр. 163—166.

(296) См. письма Курбскаго въ 2 томѣ его сказаній; также—опис. рук. Рум. муз. № CXCIII, стр. 240—244; ист. Р. Ц. III, стр. 87, 88.

сочиненія, то для утвержденія вѣрныхъ въ благочестіи, то для посрамленія неправовѣрныхъ и суемудрствующихъ, то, выражаясь словами Курбскаго, «для прохлажденія духовнаго», — для подкрѣпленія души, изнемогавшей подъ тяжкимъ бременемъ искушеній и бѣдствій тревожнаго тогдашняго времени. Острожскій пресвитеръ Василій издалъ (1588 г.) сочиненіе, состоящее изъ слѣдующихъ трактатовъ: 1) о единой истинной вѣрѣ и церкви; 2) объ исхожденіи св. Духа отъ единаго только Отца; 3) о первенствѣ римскаго епископа; 4) объ опрѣснокахъ, субботнемъ постѣ, литургіи вел. поста, безженствѣ священниковъ и чистилищѣ; 5) о порядкѣ праздниковъ по древнему календарю, утвержденному патріархами; 6) о св. храмахъ и почитаніи св. иконъ ([297]). Князь Курбскій писалъ къ различнымъ лицамъ письма, въ которыхъ, изображая хитрости іезуитовъ и заблужденія ихъ въ дѣлахъ вѣры, утверждалъ православныхъ въ древней вѣрѣ и благочестіи, и требовалъ, чтобы эти посланія передаваемы были изъ рукъ въ руки, чтобы нѣкоторыя изъ нихъ были прочитаны даже предъ всѣмъ «соборомъ» правовѣрующихъ въ томъ, или другомъ городѣ ([298]).

Къ концу описываемаго періода, какъ было уже замѣчено, появились въ Литвѣ, а вслѣдъ за тѣмъ и на Волыни различные реформатскіе сектанты — гусситы, лютеране, кальвинисты, социніане, и скоро нашли послѣдователей своему ученію. Въ тоже время, въ Польшѣ распространились антитринитаріи: Симонъ Буд-

---

([297]) Оп. Р. муз. № CCXCV, стр. 415—418. Ист. Р. Ц. III, стр. 82.
([298]) См. 1-е письмо Курбс. къ Кузьмѣ Мамоничу, во 2 томѣ его сказаній.

ный на Волыни проповѣдывалъ хульныя мысли ихъ устно и письменно (299). Скоро проникли въ Литву, убѣжавшіе изъ Москвы, новые еретики — Игнатій и Өеодосій Косой. Около 1575 г. они являются на Волыни въ имѣніи Чапліевъ, въ которыхъ, къ сожалѣнію, нашли готовыхъ слушателей (300). Впрочемъ, проповѣдники различныхъ заблужденій находили себѣ послѣдователей почти въ однихъ Полякахъ, Литовцахъ и въ переселенныхъ Нѣмцахъ, но мало—въ православныхъ Русскихъ, свято хранившихъ древнее ученіе вѣры предковъ; послѣднимъ нравились только рѣзкіе отзывы сектантовъ о папизмѣ (301). Въ ученіи новыхъ сектантовъ со всею безсвязностію и шаткостію повторялись только древнія ереси, давно отвергнутыя и осужденныя Церковію.

III.

СОСТОЯНІЕ ВѢРЫ И НРАВСТВЕННОСТИ.

Уже и въ первой половинѣ этого періода являлись, по временамъ, люди, которые по различнымъ побужденіямъ уступали искушеніямъ, забывали св. вѣру отцевъ и передавались латинянамъ. Но въ тоже время, за исключеніемъ этихъ весьма немногихъ, всѣ Россіяне волынскіе одушевлены были самою пламенною рев-

---

(299) См. Энц. лекс. о *Будномъ Симонѣ*. Будный нашелъ себѣ покровителя въ кальвинистѣ кн. Радзивилѣ, которому посвящалъ свои книги. Въ Луцкѣ Будный жилъ въ домѣ дворянина Кишки; ревностными сотрудниками его были—отступникъ Матвѣй Кавечинскій и кальвинскій пасторъ Лаврентій Кришковскій.

(300) Кн. Курбс. т. II, стр. 183—190.

(301) Ист. Р. Ц. III, стр. 86.

ностію по вѣрѣ святой, православной. Когда иновѣрный государь Казиміръ III употреблялъ всѣ мѣры, чтобы подчинить себѣ подданныхъ дома Даніила Романовича; они призывали къ себѣ на помощь Татаръ, и лучше согласились признать надъ собою власть этихъ варваровъ, не вмѣшивавшихся въ дѣла вѣры, нежели власть властолюбивыхъ фанатиковъ ([302]). Когда господство Поляковъ утвердилось и въ западныхъ областяхъ Волыни, тамошніе православные христіане, для поддержанія вѣры своихъ предковъ, соглашались держать сторону такихъ литовскихъ князей, которые считались чудовищами, но не стѣсняли православной вѣры, — напр.: Кейстута, Витовта, Свидригайла ([303]).

Въ частности, обращая вниманіе на людей высшаго сословія, встрѣчаемъ здѣсь картину смѣшанную и жалкую. Мудрость и легкомысліе, твердость и непостоянство, постоянно смѣняясь въ одномъ и томъ же обществѣ, въ однихъ и тѣхъ же лицахъ, производятъ какое-то тяжелое впечатлѣніе на душу, ясно свидѣтельствуя, что чуждое владычество успѣло уже ослабить въ русскомъ сердцѣ прежнее, самое глубокое и живое чувство — чувство преданности къ св. вѣрѣ предковъ и любовь къ отечеству ([304]). Если обратимъ

([302]) См. Histor. Nar. Pol. Naruszewicza — VI, 108—113; о Ч. Р. З. 125—129.

([303]) Ист. Гос.-Рос. Карамз. V, 213. Зубр. о Черв. Р. 290.

([304]) Такъ, объ одномъ князѣ Острожскомъ, согласившемся на гражданское соединеніе княжества литовскаго съ Польшею, но оказавшемъ много усердія и услугъ православной церкви, находимъ отзывы, какъ о человѣкѣ легковѣрномъ, нерѣшительномъ, тщеславномъ (см. сказ. Курбс. II, стр. 221—226; Лукашевича—о Гельвет. исповѣд. въ чтен. мос. общ. ист. 1847 г. № 8). Такъ, о папѣ Бакеѣ изъ писемъ Курбс. знаемъ, что онъ, по легковѣрію, предался было на сторону неправомыслящихъ; но,

вниманіе на нисшіе классы людей, и здѣсь поражаетъ насъ таже неопредѣленность; представляютъ ихъ то легковѣрными и малодушными, готовыми, по мановенію своего властителя, въ одинъ и тотъ же день нѣсколько разъ перемѣнить свои вѣрованія, то столь твердыми и упорными, что совершенно невозможнымъ представляется сколько нибудь поколебать ихъ въ вѣрѣ, — то преданными всякаго рода порокамъ, то строго соблюдающими уставы своей Церкви, — то безгранично вѣрными своимъ государямъ, то торжествующими побѣды своихъ враговъ ([305]). При всемъ томъ, однакожъ, должны мы сказать, что усердіе къ святынѣ, къ благолѣпію храмовъ Божіихъ, велико было и въ этотъ періодъ смятеній и неустройствъ. Среди тягостныхъ браней, среди безпрерывныхъ преслѣдованій за вѣру, домы Божіи, мирныя обители долженствовали быть вожделѣннымъ пристанищемъ для всякой души христіанской. Поэтому, и не многіе уцѣлѣвшіе памятники древности свидѣтельствуютъ, что между православными на Волыни много было ревностнаго, пламеннаго усердія къ подвижничеству во Христѣ, много было иноческихъ обителей ([306]). Многіе волын-

---

устыдясь своего непостоянства и малодушія, снова обратился отъ «ереси къ православію» (скаэ. Курб. II, 193—196).

([305]) Supplem. ad Hist. Russ. mon., № 2. Hist. Russ. monum. I, № 123 и другіе.

([306]) Ист. Р. Ц. III, стр. 246, 247. Въ владиміро-брестской епархіи древніе монастыри: св. Гора, или загоровскій Рождественскій, Богородичный, Апостольскій, Михайловъ; за тѣмъ корецкій Воскресенскій, около 1430 г. Во Владимірѣ: св. Спаса прежде 1500 г. и св. Креста (кіев. пам. 2, 26, 52), Михайловъ въ м. Гущѣ (симбир. сбор. 172), дрогичинскій Троицкій прежде 1563 г., заблудовскій Успенскій ходкевичей съ 1567 г., брестскій

скіе князья и вельможи сохраняли старинную русскую набожность: они не только поступали въ монашество, но бывали и пастырями православной церкви ([307]). Особеннымъ благочестіемъ прославился домъ князей Острожскихъ и родственный съ ними домъ князей Ольшанскихъ — Дубровицкихъ. Θеодоръ Васильевичъ, князь Острожскій, былъ ревностнымъ православнымъ христіаниномъ; строилъ, какъ мы видѣли, въ разныхъ мѣстахъ церкви, и надѣлялъ ихъ богатыми имѣніями

Симоновскій, дрогичинскій Преображенскій и ясногородскій Троицкій (ист. унія 99. 191. 281 — 283. 300). Въ луцко-острожской епархіи: Спасскій красносельскій, извѣстный уже въ 1429 г. (Акт. З. Р. I, № 34. 84), жидичинскій Николаевскій прежде 1480 г. (Супрасль лѣт. 14. Акт. З. Р. I, 370), дерманскій Троицкій, въ 1538 г. называвшійся уже лаврою, дубенскій Крестный, дубенскій Преображенскій съ 1517 г. (см. выше прим. 248; Маякъ 1845 г. т. 23; Востокова муз. 122; опис. рук. Толстаго 2, 160. 172. 232; опис. книгъ его же № 71. 80), пересопицкій Богородичный прежде 1490 г., заславскій Троицкій дѣвичій прежде 1556 г., луцкій Пречистой Дѣвы (Акт. З. Р. I, № 212. Кіевл. на 1840 г., стр. 238. 252; на 1841 г., стр. 53. 54. 63. Кіев. пам. 2, 4), овручскіе Богородичный и Іоакимоанновскій прежде 1493 г. (Акт. З. Р. I, № 140). Во львовской— древніе монастыри: Успенскій, Даниловъ, Георгіевъ, опустошенный въ 1340 г. и потомъ возобновленный для православія, Верхратскій въ жоховскомъ уѣздѣ, Синеводскій въ стрыйскомъ уѣздѣ; за тѣмъ Онуфріевъ, головчинскій Преображенскій прежде 1555 г. — Въ грамотѣ 1407 г. перемышльской каѳедрѣ упоминаются: «монастырь Гручевичь, Николаевъ,—близъ Перемышля, св. Спаса, мон. Сосанинъ, Смольница, Лавровъ, св. Онуфрія».—И за тѣмъ прибавлено: «и всѣ другіе монастыри, находящіеся подъ управленіемъ владыки» (З. ист. Ч. Р. приб. Д. стр. 67. 77. 106). Изъ сихъ—Лавровъ находился въ самборскомъ округѣ, и Спасскій—близъ самаго Самбора и упом. въ грам. 1422 г. (Акт. З. Р. I, № 45). Въ холмской епархіи: Рождественскій каѳедральный, св. Спаса, — за 10 вер. отъ Холма, Червенскій (Павлищевъ въ Сѣв. пчелѣ 1844 г. № 229. Строева опис. кн. Толстова № 27. 59. 71. 80. 105; его же опис. староп. книгъ М. 1841 г. № 18. 44. ист. унія 57. 113. 305).

([307]) См. дерманскій и клинецкій помянники въ Маякѣ 1844 г. т. 23.

и вкладами. Когда Ягелло, вел. князь литовскій, преслѣдуя и искореняя вѣру православную, началъ стѣснять древнія права Русскихъ: князь Ѳеодоръ принялъ сторону низверженнаго Свидригайла, разбивалъ нѣсколько разъ Поляковъ, въ 1432 г. взялъ г. Смотричь, и едва не уничтожилъ польскую армію; въ слѣдующемъ году покорилъ Луцкъ и Каменецъ. Его побѣды вынудили оградить закономъ свободу православія и сравнять русское дворянство съ польскимъ въ правахъ и преимуществахъ. Благочестивый князь почилъ въ кіевской лаврѣ, и прославленъ нетлѣніемъ ([308]). Княгиня Анастасія Юрьевна Ольшанская, супруга князя Заславскаго, покровительствовала христіанскому просвѣщенію въ половинѣ XVI вѣка ([309]); а ея сестра Юліанія Юрьевна, княжна Ольшанская, скончалась еще на 16 году своей жизни и погребена (около 1550 г.) въ придѣлѣ великой печерской церкви; въ началѣ XVII в. обрѣтены нетлѣнными мощи ея ([310]).

Въ этомъ періодѣ, кромѣ многихъ обителей монастырскихъ, или духовныхъ, образовалось (въ половинѣ XVI в.) во Львовѣ братство изъ міранъ, или людей свѣтскихъ. Основаніе этому братству, какъ и другимъ подобнымъ, положено было магдебургскимъ правомъ, дарованнымъ многимъ городамъ, и соединявшимъ различныя сословія извѣстнаго города въ отдѣльныя общества по дѣламъ судебнымъ и правительственнымъ. Св. вѣра и христіанская любовь, одушевлявшія эти

([308]) См. Кіев. за 1840 г., стр. 83, 146; З. о Ч. Р., стр. 279, 300—309, 319, 320.

([309]) См. примѣч. 339.

([310]) См. Кіев. за 1840 г., стр. 147. 239. 247. 248.

общества, содѣлали ихъ братствами нравственно-религіозными, и поставили для нихъ цѣлію «размноженіе хвалы Божіей». Нравственныя обязанности этого братства состояли въ томъ, чтобы — заботиться о благолѣпіи церкви и содержаніи духовенства, присутствовать въ праздничные дни при богослуженіи, пособлять бѣднымъ, воспитывать сиротъ, помогать недужнымъ, погребать умершихъ братій. Поэтому братство имѣло свое училище, типографію и больницу ([311]).

Все, сказанное о состояніи православаой Церкви на Волыни во второмъ періодѣ, коротко можно выразить такъ: состояніе православной Церкви представляется гораздо печальнѣе, нежели въ періодъ предъидущій. Главные враги ея—паписты дѣлались упрямѣе по мѣрѣ того, какъ успѣвали утверждать на Волыни владычество польскихъ королей и свое вліяніе на нихъ. Съ другой стороны, открылись нестроенія, бывшія слѣдствіемъ стѣсненія іерархіи церковной и вмѣшательства въ дѣла Церкви королей и папъ польскихъ. Самое богослуженіе, съ его священными мѣстами и временами, неоднократно подвергалось самоуправству папистовъ. Въ сохраненіи чистоты ученія представляется со стороны православныхъ дѣятельная ревность, но ревность, не превышающая опасностей, коими окружалъ православную Церковь орденъ іезуитовъ. Наконецъ, ослабленными и потрясенными представляются во многихъ сынахъ православія — начала отечественной вѣры и отечественнаго благочестія.

([311]) См. «Чинъ львовскаго братства»—въ Чт. м. общ. ист. 1848 г. № 6.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

ОТЪ НАЧАЛА УНІИ ДО ПРИСОЕДИНЕНІЯ КЪ РОССІИ ВОЛЫНИ, СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НЫНѢШНЮЮ ВОЛЫНСКУЮ ЕПАРХІЮ (1590 — 1793).

I.

ВНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Въ концѣ XVI столѣтія на польскій престолъ вступилъ Сигизмундъ III (1587—1632). Іезуиты, подъ покровительствомъ короля, всецѣло имъ преданнаго, начали дѣйствовать рѣшительнѣе. Первымъ дѣломъ ихъ было захватить въ свои руки воспитаніе юношества,— и это, какъ нельзя лучше, вело ихъ къ цѣли: обольщая родителей успѣхами дѣтей, іезуиты хитро увлекали сердца своихъ питомцевъ, и съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ увеличивалось число отступниковъ отъ древней вѣры предковъ (312). Вмѣстѣ съ тѣмъ, (313) разными лстивыми обѣщаніями и коварными совѣтами іезуиты старались привлекать на свою сторону тѣхъ изъ православныхъ жителей Волыни, которые могли имѣть особенное вліяніе на народъ (314). Многіе отвергли предложенія хитрыхъ іезуитовъ, а нѣкоторые, по различнымъ побужденіямъ, склонились на ихъ сторону: въ числѣ послѣднихъ былъ луцкій епископъ Кириллъ Терлецкій, первый зачинщикъ уніи на Во-

---

(312) Кіевл. 1841 г. «Луцкъ», стр. 53.

(313) См. Волынск. Записки Руссова, прим. къ гл. XI Ист. Уніи Б. Каменскаго, стр. 13—26.

(314) Ист. Уніи Б. К. стр. 31—33.

лынп [315]. Убѣжденія іезуитовъ тѣмъ удобнѣе могли дѣйствовать на Кирилла, что различныя, даже уголовныя преступленія, явно ему приписываемыя, заставляли его опасаться за собственную безопасность и благоденствіе, а онъ былъ человѣкъ, въ которомъ любовь къ благамъ міра сего превышала всѣ другія чувства [316] Сперва митрополиту, а потомъ епископу владимірскому Мелетію Хребтовичу Богуринскому поручено было (патріархомъ Іеремісю) соборно разсмотрѣть поступки Кирилла и произнести надъ нимъ судъ: происки и козни подсудимаго не допустили быть собору [317]. Въ 1590 г. Мелетій скончался, а по смерти его владиміро-брестская епархія сдѣлалась «первымъ мѣстомъ отступничества отъ православія». Кириллъ, какъ человѣкъ неученый, потерявшій довѣренность въ народѣ, мало могъ надѣяться на себя въ дѣлѣ введенія уніи: и потому убѣдилъ митрополита (Михаила Рагозу) посвятить на праздную епископскую каѳедру владимірскую Ипатія Поцѣя, который извѣстенъ былъ своею образованностію и въ преданности котораго Риму Кириллъ не сомнѣвался. Пріобрѣвъ, такимъ образомъ, вѣрнаго союзника, Кириллъ смѣлѣе началъ дѣйствовать для собственнаго возвышенія и для папы,—и, прежде

---

(315) О началѣ и введеніи уніи см. Густ. Лѣт. 369—373; у Георгія Кониская; въ Ист. Малор. Марк. I, 78—83; въ Оп. К. С. 124—144; въ Ист. Р. Ц. IV, 93—102. Мы представимъ обстоятельства, сопровождавшія это событіе, какъ болѣе или менѣе извѣстныя, въ самыхъ краткихъ чертахъ.

(316) См. Выписку Лосицкаго въ Оп. К. Соб., стр. 124.

(317) Патріаршая грамота, уполномочивавшая митрополита созвать соборъ, отнята у посла патріаршаго слугами Кирилла на дорогѣ; грамота Мелетію тайно похищена у него самимъ Кирилломъ (Оп. К. С. стр. 125—126).

всего, старался сѣять между православными, особенно епископами, недовѣрчивость къ патріарху. Ипатій, съ перваго года вступленія своего на владимірскую каѳедру, началъ дѣйствовать для уніи: на брестскомъ соборѣ (1590 г.), вмѣстѣ съ Кирилломъ, предложилъ онъ православнымъ «яко мы Русь вѣры греческой и церкви наша многія пакости отъ Ляховъ поносятъ; нынѣ убо мы умыслихомъ просити короля и всего сената, дабы насъ оставили при вольностяхъ по правамъ нашимъ», и проч. (318). Эта хитрая выдумка доставила имъ подписи (на чистыхъ листахъ) всѣхъ православныхъ епископовъ, бывшихъ на соборѣ, чѣмъ они коварно воспользовались впослѣдствіи. Послѣ этого собора Кириллъ и Ипатій согласились объѣздить не только волынскіе, но и всѣ польскіе и литовскіе города, и брали съ духовенства и русской шляхты подписки на принятіе уніи (319), сообразно постановленію флорентинскаго собора. Послѣ такихъ приготовленій Ипатій созвалъ новый соборъ въ Львовѣ (1593 г.) и предложилъ присутствовавшимъ на соборѣ о введеніи уніи; но предложеніе это не было принято. Потомъ въ Луцкѣ созвалъ онъ множество князей и дворянъ, и различными обольстительными рѣчами старался преклонить ихъ къ уніи (320): и эта попытка оставалась, однакожъ, тщетною.

---

(318) Слова русск. хронографа въ Оп. К. Соб., стр. 129.

(319) Объ этомъ свидѣтельствуютъ и уніатскія историки (см. въ Оп. К. С., стр. 129).

(320) Тамъ же, стр. 130.

Вѣсть о дѣйствіяхъ Ипатія и Кирилла скоро дошла до патріарха: Іеремія прислалъ окружную грамоту, и грозилъ отлученіемъ отъ Церкви всякому, кто измѣнитъ православію. Но Сигизмундъ III, ревностно старавшійся покорить русскія церкви папѣ, далъ епископамъ привиллегію за себя и за своихъ преемниковъ, что «если бы патріархомъ и самимъ митрополитомъ по какой-нибудь причинѣ изречена была на нихъ клятва,—то она не дѣйствительна ([321])». Ободренные содѣйствіемъ короля, поборники уніи опять созвали соборъ въ Брестѣ, гдѣ, послѣ жаркихъ споровъ о преимуществахъ уніатскихъ пастырей, 1594 года Декабря 2 написано опредѣленіе о принятіи уніи. Ипатію и Кириллу поручено было представить опредѣленіе собора королю и папѣ.

Еще не успѣли посланные возвратиться изъ Рима, какъ негодованіе противъ уніи разлилось вездѣ, — и между духовными, и между свѣтскими: народъ проклиналъ отступниковъ; духовные и знаменитые люди свѣтскіе протестовали противъ уніи. Львовскій епископъ Гедеонъ (1596 г. Іюля 1) во Владимірѣ Волынскомъ, при собраніи многихъ знатныхъ людей, представилъ письменный протестъ съ жалобою, что посланные депутаты, безъ вѣдома и согласія прочихъ духовныхъ властей и народа, отступили отъ константинопольскаго престола, коварно подчинили многія паствы православныя папѣ и приняли все римское исповѣданіе, оставивъ только для виду греческіе обряды.

([321]) Оп. К. Соб., стр. 130.

Князь Острожскій также письменно (1596 г. Іюля 25) протестовалъ, что онъ не пріемлетъ уніи и отвергаетъ ее (322). Между тѣмъ, въ Римѣ Ипатій и Кириллъ приняли все, что «опредѣлено тридентскимъ соборомъ, сверхъ содержащагося въ никео-константинопольскомъ сѵмволѣ», и оба дали присягу за себя и за прочихъ епископовъ. Климентъ VIII радовался и торжествовалъ, видя рускихъ епископовъ волынскихъ, повергающихся предъ нимъ на землю и лобызающихъ его ногу (323).

По возвращеніи изъ Рима, отступники увидѣли всеобщее волненіе и сильнѣйшее негодованіе противъ уніи. Поцѣй, по словамъ его жизнеописателя (324), «замѣтилъ даже въ митрополитѣ Рагозѣ немного бдительности и заботы объ уніи; а въ Константинѣ, князѣ Острожскомъ, и епископѣ Гедеонѣ Балабанѣ увидѣлъ сильное упорство и заговоръ противъ уніи, въ народѣ же волненіе». Уніаты увидѣли необходимость объявить всенародно утвержденную уже папою унію; назначенъ былъ сеймъ въ Брестѣ, куда прибыли приверженцы уніи и многіе православные. Ревностнѣйшимъ противникомъ уніи явился здѣсь князь Константинъ Константиновичъ Острожскій; торжественно—предъ соборомъ защищалъ онъ (вмѣстѣ съ православнымъ духовенствомъ) догматы православія противъ отступниковъ — митрополита Рагозы и епископовъ Поцѣя и Терлецкаго, которые, по личнымъ выгодамъ и въ угожденіе Сиги-

---

(322) Ист. Уніи, стр. 50 — 51; Ист. Р. Ц. IV, 101; Оп. К. Соб., стр. 140 — 141.

(323) Ист. Р. Ц. IV, стр. 99.

(324) Льва Кишки—въ Оп. Кіев. Соб., стр. 140; въ Ист. Р. Ц. IV, 101.

змунду III, замыслили соединиться съ римскою церковію. Голосъ благочестиваго князя, изъ племени св. Владиміра, былъ опасенъ для Рагозы и его сообщниковъ; не менѣе опасенъ онъ былъ и для Сигизмунда. Король приказалъ князю Острожскому выѣхать изъ Бреста: волынскій воевода повиновался, но остался непримиримымъ врагомъ уніи ([325]). Дѣла собора кончились тѣмъ, что 9 Октября въ прав. церкви св. Николая съ амвона прочтены были уніатами папская булла и актъ соединенія, подписанный митрополитомъ и другими. Православные, отринутые уніатами, открыли новый соборъ, на которомъ опредѣлили: а) не слушать ни въ чемъ митрополита и прочихъ епископовъ отсту-

---

([325]) Склоняя народъ къ принятію уніи, іезуиты и вообще ксёндзы польскіе старались увѣрить всѣхъ, будто римскій законъ былъ искони господствующимъ на Волыни и во всѣхъ западно-русскихъ земляхъ, и будто послѣдователи восточной Церкви въ Литвѣ были только «otszczepiency od wiary iednosci i posluszenstwa Sw. Kosciola Rzymskiego». Они не совѣстились утверждать, будто и всѣ князья Острожскіе были первоначально католики, будто и самъ гетманъ литовскій Константинъ Ивановичъ Острожскій родился въ римско-католическомъ вѣроисповѣданіи; даже имя ревностнѣйшаго поборника православія Константина—Василія Константиновича старались употребить для достиженія своей цѣли, распространяя въ народѣ пущенную іезуитомъ Поссевиномъ молву, будто этотъ князь убѣдительно упрашивалъ его—ходатайствовать у папы о соединеніи западно-русской церкви съ римскою и часто сносился объ этомъ съ Поцѣемъ!.. (См. Kor. Polsk. Пѣсецкаго, III, 516; Gen. Ostr. XX, 114—116; Facies Rerum Sarmaticarum Нараховскаго, lib. I, cap. XV, pag. 287). Острожскій точно желалъ мира съ Римомъ, чтобы сколько нибудь облегчить участь православія; но онъ вовсе не желалъ той уніи, которую вводилъ Поцѣй. Послѣднее показываютъ письма его къ Поцѣю, писан. 1595 г. Март. 21 и 25, Іюня 16 окружное увѣщаніе (изд. въ Острогѣ 1595 г.), окружная грамота 1596 г. (см. Ист. Малор. Марк. III, 3).

-никовъ, а считать ихъ лишенными власти; б) не предпринимать ничего въ отношеніи къ вѣрѣ безъ константинопольскаго патріарха.

Такъ началась унія, въ продолженіи почти двухъ столѣтій служившая источникомъ тяжкихъ бѣдствій и страданій не для одной Волыни!

Дѣйствуя именемъ короля и закона, поборники уніи въ разныхъ областяхъ Волыни производили притѣсненія и насилія. Ипатій Поцѣй, съ вооруженными людьми, нападалъ на православныя церкви, собственноручно разрывалъ св. антиминсы, напрестольныя одежды, остригалъ священникамъ бороды и головы и запрещалъ имъ священнодѣйствовать ([326]). Маршалъ коронного трибунала, староста галицкій, Іосифъ Потоцкій каждому изъ своихъ крестьянъ, отказывавшемуся отъ принятія уніи, приказалъ платить штрафъ—«100 гривенъ кромѣ великаго тѣлеснаго наказанія» ([327]). Подобныя гоненія и насилія заставили православныхъ Волыни, на основаніи многихъ привиллегій ([328]), прибѣгнуть къ правосудію и защитѣ польскихъ королей. Между тѣмъ, въ 1597 году отъ 4 Октября и 4 Апрѣля присланы были грамоты Мелетія, патр. александрійскаго и кон-

---

([326]) Эти дѣйствія Ипатія записаны въ городскихъ актахъ владимірскаго уѣзднаго суда 1595 г. Авг. 10; здѣсь же можно встрѣтить много подобныхъ памятниковъ насильнаго обращенія прав. церквей въ унію Ипатіемъ и подобными ему.

([327]) Въ архивѣ владимірской Васильевской церкви есть актъ, составленный 1700 г. Авг. 29. Въ немъ описаны всѣ ухищренія, насилія и денежные штрафы, наложенные Потоцкимъ на тѣхъ, кто отказывался отъ принятія уніи.

([328]) Эти привиллегіи перечисляются въ Ист. Уніи Б. К. стр. 60—65.

стантинопольскаго, къ князю Острожскому, коими дано право епископу Гедеону Балабану (нареченному тогда патріаршему экзарху прав. митрополіи кіевской) «на мѣсто митрополита и епископовъ, принявшихъ унію, поставить новыхъ и весь правосл. чинъ церковный устроить (329)». Ни эти грамоты, ни права, данныя прежними королями, ни просьбы православныхъ Сигизмундомъ III не уважены: напротивъ, король употребилъ всѣ мѣры къ защитѣ отступниковъ; издалъ повелѣніе не впускать въ предѣлы его государства пословъ константинопольскаго патріарха и запретилъ строить православные храмы (330). Вскорѣ начались открытые грабежи и насилія: польскія войска, по повелѣнію короля и магнатовъ, принуждали народъ преклонять колѣна въ храмѣ и бить себя въ грудь по обычаю латинскому, читать символъ вѣры съ прибавленіемъ—*и Сына*, угрожая рубить саблями неповиновавшихся (331).

Усматривая въ князьяхъ Острожскихъ могущественное противодѣйствіе уніи и ясно сознавая силу вліянія ихъ на народъ, іезуиты употребили всѣ усилія — обратить въ унію этихъ непоколебимыхъ поборниковъ православія. Второй сынъ Константина Константиновича Янушъ отправленъ былъ отцемъ ко двору нѣмецкаго императора Максимиліана II для изученія ратнаго искусства. Тамъ іезуиты опутали его своею сѣтью и

---

(329) Оп. Кіев. Соб., стр. 144—145.

(330) См. Грам. Сигизмунда отъ 22 Мая 1598 года въ Собр. Виленск. Грам. II, № 13.

(331) Ист. Р. Ц. IV, 105; Ист. Малор. Марк. I, 84.

расположили къ римской вѣрѣ. Дѣйствуя потомъ чрезъ короля, осыпавшаго наградами и почестями Януша, и при посредствѣ молодой жены его, они довершили свое торжество: Янушъ сдѣлался папистомъ,—и столько же усерднымъ къ своему новому вѣроисповѣданію, сколько прежде преданъ былъ православію ([332]). Гораздо менѣе имѣли успѣха ученики Лойолы въ своемъ покушеніи — отвлечь отъ православія старшаго сына воеводы Константина, который увлекся-было льстивыми рѣчами іезуитовъ, но вскорѣ прогналъ ихъ отъ себя и сохранилъ въ чистотѣ вѣру отцевъ своихъ ([333]). Младшій сынъ Константина—Василія Александръ былъ отрадою престарѣлаго отца. Онъ не внималъ ни безотвязнымъ просьбамъ своей жены, дочери сендомирскаго воеводы, ни убѣжденіямъ ксензовъ: вмѣстѣ съ отцемъ твердо противоборствовалъ паспльственной пропагандѣ, и умеръ 1603 г. ревностнымъ сыномъ православной Церкви ([334]).

Употребляя различныя средства къ обращенію въ унію князей Острожскихъ, — и какъ главныхъ поборниковъ православной Церкви, и какъ знатныхъ лицъ государственныхъ, іезуиты и, питомцы ихъ, уніаты старались въ тоже время истреблять и православное духовенство, много препятствовавшее успѣхамъ уніи. Между тѣмъ Ипатій, епископъ владимірскій, по привиллегіи короля и съ дозволенія папы, посвященъ на

([332]) Geneal. Ostrog. XX, 122. Kor. Pol. III, 517.

([333]) См. Kor. Pol. III, 314; Zbior. Krotki Herbow Polskich—Хмелевскаго, p. 21.

([334]) Онъ погребенъ въ Острогѣ, въ Богоявленской церкви, которой постоянно благотворилъ (см. Kor. Pol. III, 320—325).

мѣсто Рагозы (ум. 1599 или 1600 г.) въ санъ митрополита. Еще обширнѣе открылось ему теперь поприще для преслѣдованій и гоненій. Онъ исходатайствовалъ у короля указъ — «не возводить на духовныя начальства не учившихся въ школахъ; по православнымъ запрѣтить обучаться въ польскихъ училищахъ». Львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ сильно воспротивился указу короля, такъ что Поцѣй, не могши ничего сдѣлать самъ, долженъ былъ прибѣгнуть къ защитѣ папы Климента VIII, который и самъ писалъ объ этомъ Сигизмунду, и поручилъ еще ходатайствовать у него своему нунцію, рижскому епископу (335). Въ тоже время латынскіе монахи по всѣмъ волынскимъ провинціямъ начали заводить свои монастыри; а орденъ доминиканскихъ странниковъ, по буллѣ папы Климента VIII, открылъ въ Львовѣ, подъ именемъ «Іакинѳовой русской провинціи, главный капитулъ, которому подчинилъ 22 русскихъ и литовскихъ конвента», — въ томъ числѣ луцкій и владимірскій на Волыни (336).

Вскорѣ православная Церковь лишилась главнѣйшихъ и сильнѣйшихъ защитниковъ своихъ, славныхъ поборниковъ православія—львовскаго епископа Гедеона Балабана (ум. 1607) и князя Константина — Василія Острожскаго (ум. 1606), со смертію которыхъ упали три православныя училища на Волыни, воспитавшія многихъ защитниковъ Церкви (337). Отступничество

---

(335) См. отвѣтъ папы Ипатію у Ходыкевича — Comment. de Reb. Gestis in Provincia Russiae Ordinis Praedicatorum, pag. 102.

(336) «Dzieje Dobroczynnosci Krajowky i Zagraniczniy» (журналъ, издаваемый въ Вильнѣ) 1820 и 1821 г., стр. 821, 1014—1020.

(337) Первое училище — острожское, заведенное помянутымъ княземъ около 1580 г.; второе—львовское, по благословенію патріарховъ—констан-

Януша Константиновича, по смерти доблестнаго отца, имѣло сильное вліяніе на многія дворянскія фамиліи Волыни и увлекло ихъ въ унію, или прямо въ латинство. Дѣйствуя въ духѣ новаго вѣроисповѣданія, Янушъ началъ строить костелы на земляхъ острожскихъ и изгонять русскихъ священниковъ изъ церквей, построенныхъ его благочестивыми предками. — Такъ, въ 1610 г. онъ отнялъ у православныхъ церковь св. Троицы, основанную его прадѣдомъ въ Межиричѣ (мѣстечко близъ самаго Острога), и, пристроивши къ ней «кляшторъ», отдалъ ксендзамъ францисканскаго ордена; выстроилъ въ Старо-Константиновѣ (уѣзд. гор. вол. губ.) костелъ для доминиканъ и назначилъ ксендзамъ мансіонаріямъ въ Тарновѣ 500 злотыхъ [338] ежегоднаго жалованья. Словомъ: Янушъ дѣйствовалъ въ духѣ нетерпимости къ вѣрѣ предковъ и щедро благотворилъ послѣдователямъ церкви, которой самъ недавно сдѣлался членомъ [339].

Въ 1612 г. скончался послѣдній православный епископъ на Волыни Михаилъ Копыстенскій, сотрудникъ Гедеона. Обольщаемые сеймовыми и королевскими обѣщаніями свободы вѣроисповѣданія и въ тоже время вездѣ стѣсняемые и преслѣдуемые уніатами, православные жители Волыни не знали уже, куда обратиться съ просьбою о посвященіи себѣ православ-

---

стантинопольскаго Іереміи II, антіохійскаго Іоакима и іерусалимскаго Софронія, основанное около 1586 г.; третье—стратинское, основанное около 1596 г., по совѣту александрійскаго патріарха Мелетія. Два послѣднія училища основаны Гедеономъ Балабаномъ.

[338] Польскій «zloty» равняется 15 к. сереб.

[339] Kor. Pol. III, 537; Gen. Ostrog. XX, 129.

ныхъ архипастырей. Между тѣмъ, Ипатій (340) и другіе съ конвоемъ солдатъ разгоняли собиравшихся во мракѣ ночи на молитву и запечатывали храмы то сами по себѣ, то по именной волѣ короля (341).

Въ 1620 году патріархъ іерусалимскій Ѳеофанъ, будучи въ Кіевѣ, возстановилъ кіевскую митрополію и поставилъ епископовъ для епархій югозападной Россіи, въ томъ числѣ и на Волынь (342). Это благодѣтельное распоряженіе патріарха не вполнѣ достигло своей цѣли и послужило, по проискамъ уніатовъ, источникомъ новыхъ бѣдствій для православія. Вскорѣ по отъѣздѣ патріарха, уніатскіе епископы подали королю доносъ, будто бы Ѳеофанъ, бывшій въ Кіевѣ, патріархъ—самозванецъ, присланный отъ султана шпіономъ въ Малороссію; будто онъ всюду возмущаетъ народъ противъ польскаго правительства, что новопоставленные имъ епископы—его соумышленники, а слѣдовательно—измѣнники и враги отечества.—Тѣже клеветы взносили уніаты на всѣхъ, и обо всемъ народѣ Русскомъ разглашали, какъ объ отступномъ, вѣроломномъ, бунтующемъ (343). Преслѣдованія и гоненія возобновились съ большею силою (344). Сеймы или не слушали жалобъ на притѣсненія, или, если и опредѣляли удерживать фанатиковъ отъ неистовствъ, опредѣленія эти не были

(340) Ипатій, и будучи митрополитомъ, управлялъ владимірскою епархіею, и постоянно жилъ во Владимірѣ, гдѣ и скончался 18 іюля 1613 г. (см. Оп. К. С. стр. 152—153).

(341) См. Протестъ 9 Янв. 1601 г. о Влад. церк. въ Маякѣ 1844 г. Сентябрь.

(342) Ист. Малор. Марк. I, 117; Оп. К. С. стр. 154—156; Ист. Ун. 74.

(343) Оп. К. С. стр. 157; Ист. Ун. 75; Ист. Малор. Марк. 1, 92.

(344) Ист. Малор. Марк. 1, 120—121; Ист. Малор. Б. К. 1, 192, 205.

исполняемы; и жестокости уніатскихъ епископовъ надъ православными простирались уже до того, что сами латынцы, подносившіе освященныя сабли военачальникамъ «на поганство, на Русь, жебы ихъ выкореняты ([345])»,—гнушаясь безчеловѣчными поступками уніатовъ, дѣлали имъ строгіе выговоры, увѣщавая просить у Всевышняго «духа кротости и любви къ ближнему ([346])». Вотъ что говорили православные въ рѣчи своей на сеймѣ 1632 года: «се мы днесь уничижены паче всѣхъ живущихъ на земли; не имамы князя, ни вождя, ни пророка, ни жертвъ, ими же могли бы умилостивити благосердаго Бога... Но какая тому причина? Что терзаетъ утробы наши? То, что права наши нарушены и вольность попрана; священные храмы, издавна сооруженные, иные запустѣли, иные и до нынѣ запечатаны, дабы возбранить намъ въ оные входъ для поклоненія единому въ Троицѣ Богу. Знаменитыя наши особы изгнаны изъ правительства за то только, что они Русскіе; и никто не защищаетъ насъ отъ сихъ и симъ подобныхъ безчисленныхъ обидъ и укоризнъ. Свидѣтели тому сея провинціи земли; ея горькими прошеніями и воплями наполнены сеймы ([347])».... Дополненіе этой печальной картины находимъ въ описаніи тогдашняго состоянія самими польскими историками: «люди невинные, говорятъ они, изъ магистратовъ и цеховъ изгоняемы и въ подземныя ратушныя тюрьмы безвинно посаждаемы были; а если кто, по усердію своему, на церковь благочестивую (православ-

(345) Львовск. Лѣт. въ Истор. Сборн. III, 246; Ист. Р. Ц. IV, 3.
(346) Исторія Уніи Бантышъ-Каменскаго, стр. 75—84.
(347) Тамъ же, стр. 89—92.

ную) духовнымъ завѣщаніемъ что-нибудь опредѣлялъ, сіе принимать запрещаемо было; церкви каменныя строить на землѣ шляхецкой, по силѣ привиллегій королевскихъ, не допускаемо было; и прочія несносныя угнѣтенія и обиды разными способами наносимы были ([348])».

Владиславъ IV (1632—1648), преемникъ Сигизмунда III, былъ справедливѣе своего предшественника въ отношеніи къ православнымъ Русскимъ, своимъ подданнымъ. При вступленіи на престолъ онъ объявилъ всѣмъ свободу вѣроисповѣданія и подтвердилъ опредѣленіе коронпаго сейма (1631 г.) — «хранить миръ и покой духовнымъ и мірянамъ обоихъ исповѣданій, наказывать и штрафовать дѣлающихъ насильное завладѣніе церковныхъ маетностей греческаго вѣроисповѣданія ([349])». Вскорѣ, на сеймѣ 1632 г. 1 Ноября, издалъ онъ статьи примиренія между благочестивыми и уніатами и далъ присягу выполнить эти статьи или условія на дѣлѣ ([350]). Въ слѣдствіе этого православные получили отъ Владислава дипломъ, коимъ, между прочимъ, подтверждено свободное исповѣданіе вѣры, совершеніе таинствъ, позволеніе починять церкви и строить новыя, заводить при церквахъ и монастыряхъ братства, богадѣльни, школы, семинаріи и типографіи, и свободно исправлять общественныя должности; опредѣлено также—возвратить православнымъ епархіи, отнятыя уніатами; всѣ споры и распри о вѣрѣ прекра-

---

([348]) Ист. Ун. Б. К. стр. 93—94.

([349]) Ист. Ун. Б. Кам. стр. 87—88; Оп. К. С. стр. 165.

([350]) Ист. Ун. Б. Кам. стр. 95101.— «Права и вольности исповѣдующихъ въ Польшѣ и Литвѣ вѣру греческую»—1767 г. въ Варшавѣ, стр. 53.

тить, и всѣ приговоры прежнихъ сеймовъ на диссидентовъ уничтожить, и всѣмъ жить въ покоѣ, безъ притѣсненія другъ друга; дозволено всякому отъ уніи переходить къ православію, и отъ православія въ унію ([351]). Всѣ эти постановленія утверждены были цѣлою «рѣчью посполитою» на коронаціонномъ сеймѣ (18 Февраля 1633 г.), гдѣ Владиславъ возобновилъ актъ, предоставлявшій свободу православію. Наконецъ, на варшавскомъ сеймѣ 1635 г. состоялась конституція, которою утверждались статьи примиренія и рѣчь посполитая опредѣлила защищать благочестивыхъ и уніатовъ ([352]). Всѣми этими привиллегіями православные много обязаны были ревностному хранителю православія, сперва архимандриту, а потомъ митрополиту кіевскому Петру Могилѣ, который всегда усердно ходатайствовалъ за православныхъ предъ королемъ и на сеймахъ ([353]). Привиллегіи Владислава многократно подтверждаемы были на сеймахъ и его преемниками ([354]).

Такъ прочно, повидимому, ограждаемо было состояніе православныхъ въ Польшѣ! Но, къ сожалѣнію, только на словахъ; на дѣлѣ происходило совсѣмъ другое. Польскіе магнаты, мало помышлявшіе о волѣ короля и въ другихъ случаяхъ, по наставленію латинскаго и уніатскаго духовенства, употребляли происки

---

(351) Оп. К. С. стр. 169—170; Ист. Ун. Б. К. стр. 102—104.

(352) Ист. Ун. Б. К. стр. 107; Оп. К. С.—177; Ист. Малор. Марк. I, 131.

(353) Dzieje i Prawa Kosciola Polskiego—Островскаго, III, 466 и д.; Оп. К. С. стр. 166—180.

(354) Ист. Ун. Б. К. стр. 95, 110, 130, 134 и др.

и насилія, чтобы остановить исполненіе королевскихъ и сеймовыхъ опредѣленій. Лучшіе монастыри, вотчины, принадлежавшія православнымъ, оставались за уніатами (355). Хитрые іезуиты не упускали, при этомъ случаѣ, обращать православныхъ въ унію или латинство, останавливаясь по преимуществу на лицахъ, владѣвшихъ богатыми помѣстьями и имѣвшихъ вліяніе на простой народъ, твердо преданный древней вѣрѣ. По смерти православныхъ князей Острожскихъ, единственною наслѣдницею все еще обширнаго имѣнія осталась Анна Алоизія, дочь Александра Константиновича, вдова знаменитаго гетмана Ходкевича. Эта княжна—добрая, но слабодушная—не могла, по смерти отца и дѣда, устоять противъ обаянія іезуитовъ, которые вскорѣ превратили ее въ безусловно-покорное орудіе своей воли. Исполняя желаніе іезуитовъ, Анна выстроила для нихъ въ Острогѣ коллегіумъ, предоставила имъ воспитаніе юношества и распространеніе латинской вѣры въ земляхъ острожскихъ. Щедро надѣляя богатыми вкладами костелы, устроенные изъ православныхъ церквей, она и сама заботилась объ обращеніи своихъ подданныхъ въ унію, и для лучшаго достиженія этой цѣли установила, чтобы въ день празднованія «Божіяго тѣла» (Boże ciało) всѣ крестьяне, даже изъ дальнихъ селъ и деревень, съѣзжались въ Острогъ, гдѣ, на разставленныхъ по улицамъ, богато украшенныхъ алтаряхъ, ксендзы читали имъ Евангеліе на языкѣ славянскомъ, родномъ и понятномъ

---

(355) Ист. Ун. стр. 111; см. также Привиллегію, подтвердившую Зборовскій Договоръ, стр. 112—117.

для нихъ ([356]). Анна, притѣснявшая православныхъ обывателей Острога, была предметомъ ненависти для подданныхъ; и только латинское духовенство, въ особенности іезуиты, ею облагодѣтельствованные, до небесъ превозносили мнимую святость княжны Острожской ([357]). Ненависть народа скоро обнаружилась въ дѣйствіяхъ, и Анна принесла жалобу на своихъ подданныхъ. Трибуналъ осудилъ многихъ острожскихъ мѣщанъ на мучительную казнь. Анна объявила виновнымъ пощаду и удовольствовалась тѣмъ, что, по тому же приговору трибунала, сорокъ православныхъ священниковъ были изгнаны изъ владѣній острожскихъ. Съ этого времени бѣдные жители, лишенные пастырей, должны были по неволѣ разставаться съ древнею вѣрою своихъ предковъ ([358]).

На защиту православія возсталъ храбрый гетманъ малороссійскихъ казаковъ Зиновій—Богданъ Михайловичъ Хмѣльницкій ([359]). Частыми и сильными пораженіями Поляковъ Хмѣльницкій принудилъ короля Яна Казиміра просить мира. Условія мира, между прочимъ, были слѣдующія: 1) уничтожить на всегда въ землѣ

([356]) См. Gen. Ostrog. XX, 143; Kor. Pol. III, 322.

([357]) Уніаты—Стебельскій и Хмѣлевскій приписываютъ Аннѣ даже даръ духовнаго предвѣдѣнія (см. Geneal. Ostrog. XX, 137, 146).

([358]) Ibidem, 139 — 142; Kor. Pol. III, 522 — 325. Смертію Анны (+1654 г.) пресѣкся родъ князей Острожскихъ, какъ-будто съ древнимъ православіемъ въ Острогѣ должно было угаснуть и славное поколѣніе доблестныхъ потомковъ Даніила галицкаго!... (См. Uwagi w Sprawie Ordinacïy Ostrozskiey—1754 года; Geneal. Ostrog. XX, 159—164).

([359]) Лѣт. о войнахъ Хмѣльницкаго: «початокъ и причина войны Хмѣльницкаго едино огня Ляховъ на православіе гоненіе». Объ участіи духовенства въ войнѣ—показанія современниковъ въ Памят. Кіевск. Коммис. т. I, ч. 3, стр. 60—63, 335—339.

Русской унію; 2) церквамъ православнымъ оставаться при своихъ древнихъ правахъ и имѣніяхъ; 3) іезуитскія училища, по всѣмъ городамъ и селеніямъ, упразднить и перенести въ другія мѣста. Король грамотою подтвердилъ статьи договора и, съ большею точностію опредѣляя владѣнія и права, принадлежавшія православію, ограничивалъ своеволіе папизма ([360]). Но всѣ эти договоры и постановленія оставались болѣе на словахъ: духовенство польское и магнаты, съ неудовольствіемъ смотрѣвшіе на привиллегіи, данныя православнымъ, не замедлили нанести новое оскорбленіе православію въ лицѣ его іерарха ([361]),—и вскорѣ опять начались жестокости Ляховъ на Волыни и во всей Малороссіи. Глубоко соболѣзнуя о крайнемъ угнѣтеніи народа Русскаго, Хмѣльницкій снова возобновилъ непріятельскія дѣйствія противъ Поляковъ. Грозно было шествіе этого «казацкаго Тамерлана ([362])»; но храбрый защитникъ св. вѣры и отчизны, Богданъ «свидѣтельствовался небомъ и землею и самимъ Богомъ всемогущимъ, что подъятое имъ оружіе и пролитая имъ многая кровь христіанская есть дѣло рукъ нѣкоторыхъ

([360]) Ист. Ун. 111—117; Ист. Малор. Марк. I, 244—249. Въ это время на Волыни россійскому духовенству возвращены королевскою привиллегіей церкви—въ Ковнѣ св. Николая, въ Раткѣ св. Троицы, въ Бѣльскѣ, въ Кременцѣ, въ Стояновѣ, во Владимірѣ — «мастности церкви св. Параскевія» и въ другихъ мѣстахъ (см. Волын. Зап. Руссова, стр. 96 — 98; Ист. Ун. Б. К. 112—115).

([361]) Ист. Ун. стр. 161; Оп. К. С. стр. 182. Митрополитъ Сильвестръ прибылъ въ Варшаву, чтобы занять мѣсто въ Сенатѣ. Ксендзы, члены сената, осыпали его оскорбленіями и кричали, что выйдутъ изъ собранія, коль скоро войдетъ туда врагъ папы (Ист. Р. Ц. IV, 120).

([362]) Такъ называли Хмѣльницкаго Поляки (см. Оп. К. С. стр. 185).

магнатовъ польскихъ, противящихся власти короля и слѣдующихъ тиранскимъ своимъ наклонностямъ и вымысламъ на пагубу народа Русскаго. Они-то, говорилъ онъ, жаждали крови человѣческой, они искали жертвы сей, законопреступной и варварской,—и пусть ею насытятся, а я умываю руки предъ народомъ и всѣмъ свѣтомъ, что ни мало не повиненъ есмь въ крови сей христіанской и единоплеменнической. Судъ Божій на мою душу призываю, что не желаю и не ищу мести, постыдной христіанству и человѣчеству ([363])».

Изувѣры и послѣ этого были слѣпы и глухи ко всему, что невольно побуждало ихъ быть умѣреннѣе въ своихъ жестокостяхъ надъ православными. Волынь, остававшаяся еще подъ властію Польши, страдала по прежнему. Напрасно царь Алексѣй Михайловичъ много разъ требовалъ прекратить гоненія, оскорблявшія и вѣру и человѣчество ([364]), напрасно также, при преемникахъ Царя Алексѣя Михайловича до Императрицѣ Екатерины II, Россія постоянно ходатайствовала, «чтобы, въ силу всѣхъ договоровъ, православнымъ церквамъ и народу не было чинимо никакого притѣсненія, разоренія и принужденія ни къ римскому закону, ни къ уніи ([365])»: Польша—или обѣщала все, но не думала объ исполненіи обѣщаннаго; или, отказываясь отъ своихъ обѣщаній, не стыдилась утверждать, «что вѣра греческая никогда въ Польшѣ гонима не была ([366])»; или, наконецъ, уклончиво отвѣчала на

([363]) Ист. Малор. Марк. I, 196—199,—Б. К. I, 243—245.

([364]) Ист. Ун. Б. К. стр. 118—128 и далѣе.

([365]) Ист. Ун. Б. К. стр. 137.

([366]) Тамъ же, стр. 120—121, — отвѣтъ польскихъ вельможъ русскимъ посламъ.

ходатайство Россіи: «не пристойно-де никому въ дѣла чужаго государства мѣшаться; довольно и того для старой русской вѣры, что король при коронаціи присягаетъ никому никакой тяжести для вѣры не чинить»; а православные жители русско-польскихъ областей — «иной себѣ защиты, кромѣ польскаго престола, искать не могутъ и не должны [367]». Все, что оставалось еще православнаго на Волыни, терпѣло поруганія и наглыя оскорбленія. Перемышльскій уніатскій епископъ, получившій отъ короля позволеніе судить противящихся уніи, сдѣлалъ такой приговоръ: «дабы они (православные) впредь объ уніи упорства не чинили, казнить ихъ смертію [368]». Поборникъ вѣры Мелхиседекъ Значко-Яворскій, за отклоненіе народа отъ уніи былъ схваченъ въ Радомыслѣ и посаженъ въ Дершанѣ въ тюрьму, по повелѣнію уніатскаго митрополита Фелиціана Володковича [369]. Въ 1712 г. одинъ православный епископъ волынскій (Кириллъ Шумянскій) писалъ канцлеру, графу Головкину: «17 Октября 1711 года отъ польскаго короля изданы во все воеводство волынское универсалы, чтобы его (Кирилла) никто не признавалъ епископомъ и ни въ чемъ бы послушанія къ нему не имѣлъ [370]». Въ 1717 г. сеймъ постановилъ уничтожать всѣ церкви (не латинскія) и полагать штрафъ на всѣхъ, не соглашавшихся на унію [371].

---

(367) Тамъ же, стр. 144—145, 137.

(368) Тамъ же, стр. 146—148, 193, 244.

(369) Онъ спасся бѣгствомъ и былъ послѣ архим. чигиринскаго монаст. Ист. М. Мар. II, 660).

(370) Ист. Ун. Б. К. стр. 159—160; Ист. Малор. Марк. II, 656.

(371) Оп. К. С., стр. 215.

Въ этихъ несчастныхъ обстоятельствахъ православные обратились съ жалобами къ Русскому Двору и просили защитить беззащитныхъ. Государь Императоръ Петръ Великій послалъ грамоту къ королю и рѣчи посполитой, въ которой, живо изобразивъ страданія православныхъ отъ уніатовъ, совѣтовалъ пресѣчь зло; въ противномъ случаѣ грозилъ «оказать месть свою надъ утѣснителями его единовѣрія (372)». Не смотря ни на что, уніаты продолжали свое дѣло. Въ 1733 г., по опредѣленію новаго сейма, диссиденты устранены отъ всѣхъ общественныхъ должностей. Все это дѣлалось въ слѣдствіе настояній папы и его епископовъ (373). Король повелѣвалъ: «не дѣлать не-уніатамъ никакихъ препятствій въ отправленіи вѣры, по даннымъ имъ на то правамъ»: но бискупы, «по тайной заповѣди папы», дѣйствовали иначе, и повелѣнія королей оставались безъ исполненія (374). Наконецъ, на Всероссійскій Престолъ вступила Екатерина II, которой суждено было положить конецъ страданіямъ православія въ Польшѣ. Въ 1772 г. Бѣлоруссія присоединена къ Россіи, и древнее православіе восторжествовало. Волынь оставалась еще подъ властію Польши; чаша страданій ея еще не исполнилась! Но въ 1793 году (Іюля 11) созванъ былъ чрезвычайный сеймъ въ Гроднѣ, и заключеннымъ здѣсь трактатомъ возстановлена въ Польшѣ тишина и спокойствіе и возвращена къ Россіи та область, которая составила въ послѣдствіи губернію во-

---

(372) Ист. Ун. Б. К. стр. 203—208.
(373) Ист. Рус. Церкви V, 94 (Москва. 1848 г.).
(374) Ист. Ун. Б. К. стр. 320—332.

лынскую, минскую и подольскую ([375]). Съ присоединеніемъ Волыни (нынѣшней) къ Россіи кончились здѣсь и страданія православныхъ.

II.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ ЦЕРКВИ:

А. СОСТОЯНІЕ ІЕРАРХІИ И ЦЕРКОВНАГО УПРАВЛЕНІЯ.

Извѣстно, что православные іерархи волынскіе, въ важнѣйшихъ дѣлахъ церковнаго управленія и благоустройства, ближайшимъ образомъ зависѣли отъ митрополита кіевскаго: теперь митрополитъ (Михаилъ Рагоза) былъ уже на сторонѣ папы, и православіе видѣло въ немъ не прежняго поборника и защитника своего, а явнаго противника. Ближайшими и главными правителями церквей волынскихъ оставались епархіальные архіереи; но еще въ самомъ началѣ этого періода Волынь лишилась многихъ пастырей, дерзнувшихъ предать Церковь православную властолюбивому Риму. Владимірскій епископъ Ипатій Поцѣй, луцкій — Кириллъ Терлецкій, холмскій — Діонисій Збируйскій, вмѣстѣ съ другими, измѣнивъ древнему православію, рѣшились подчинить папѣ и свои паствы. Православные предавали отступниковъ анаѳемѣ, осуждали на изверженіе изъ сана, требовали—отрѣшить ихъ отъ епархій, а на ихъ мѣста избрать православныхъ. Король не внималъ справедливымъ требованіямъ своихъ рускихъ подданныхъ,— и паствы оставались безъ пастырей въ то время, когда

([375]) Ист. Ун. стр. 403 — 404; Ист. Малор. Маркевича II, 673; Оп. К. С. 272—273; Ист. Р. Ц. ч. V, стр. 111.

послѣдніе совершенно необходимы были для защиты первыхъ «отъ жадныхъ волковъ запада, такъ нещадно расхищавшихъ словесное стадо Христово ([376])»!

Въ виду такихъ крайнихъ опасностей для православія отъ запада, православные тѣснѣе прежняго соединялись съ константинопольскимъ патріархомъ и вообще съ востокомъ. Патріархи восточные писали къ православному народу окружныя грамоты, стараясь укрѣпить любовь къ православію и поддержать ревность въ подвигахъ за св. вѣру предковъ: а твердость восточныхъ христіанъ, непреклонныхъ среди бѣдъ, служила прекрасныхъ примѣромъ подражанія, внушая благоговѣніе къ востоку и недовѣріе къ западу. Въ 1594 г. Мелетій Пига, патріархъ александрійскій, управлявшій въ это время и константинопольскимъ патріаршимъ престоломъ, прислалъ нѣсколько окружныхъ увѣщательныхъ посланій къ православному народу, и особенно князю Константину Константиновичу Острожскому ([377]). Такія же грамоты «о исповѣданіи и сохраненіи истинной вѣры» присылалъ и патріархъ Тимоѳей ([378]). Въ 1599 г. (15 Окт.), узнавъ, что главнымъ поборникомъ уніи былъ владимірскій епископъ Ипатій Поцѣй, Мелетій прислалъ къ нему увѣщательную грамоту, въ которой опровергалъ «римскіе толки» и умолялъ его отстать отъ нихъ и обратиться къ православной Церкви; но напрасно: отступникъ дерзко смѣялся надъ увѣщаніями патріарха и не хотѣлъ по-

---

([376]) Оп. К. С. стр. 144.

([377]) Памят. Кіевск. Ком. т. 1, отд. I, стр. 22.

([378]) Такую же грамоту прислали и отцы Аѳонской горы, которыя все, вмѣстѣ съ своею окружною грамотою, напечаталъ князь Острожскій, съ дозволенія патріарха Мелетія, 1598 г. (см. Оп. К. С. стр. 137).

нять ихъ [379]. Но такихъ было не много: народъ съ благоговѣніемъ внималъ голосу святѣйшихъ наставниковъ православія, и грамоты ихъ всюду принимаемы были съ уваженіемъ и любовію. Въ тоже время приснопамятный поборникъ православія, князь Острожскій заботился поселять на Волыни православныхъ митрополитовъ и епископовъ другихъ странъ, которые поддерживали здѣсь порядокъ церковнаго устройства и благочинія въ тѣ смутныя времена, когда весь югъ Россіи оставался безъ верховнаго пастыря. Въ 1599 г. Константинъ водворилъ въ степаньской обители [380] митрополита Луку: онъ жилъ здѣсь около трехъ лѣтъ. Это былъ, безъ сомнѣнія, тотъ бѣлградскій митрополитъ, который вмѣстѣ съ княземъ защищалъ православныхъ на брестскомъ соборѣ [381]. На мѣсто Луки въ 1603 г. поступилъ Іеремія, митрополитъ пелагонскій; въ 1606 г. видимъ здѣсь православнаго епископа, котораго имя неизвѣстно,—если это только не тотъ самый владыка мокачевскій, который находился въ

---

(379) Получивши грамоту Мелетіеву, Ипатій долго молчалъ, и уже по вступленіи на митрополію въ 1601 г. отвѣчалъ съ насмѣшками и грубостями (см. Оп. К. С. стр. 147—148). Грамота п. Мелетія къ Ипатію въ польскомъ переводѣ и отвѣтъ послѣдняго на томъ же языкѣ издалъ Левъ Кишка (жизнеописатель Ипатія) въ концѣ «поученій и бесѣдъ Ипатіевыхъ», напечат. въ Супраслѣ 1714 г.

(380) Степань—нынѣ волынской губ., ровинскаго уѣзда. Степаньская обитель св. арханг. Михаила дѣлается извѣстною съ 1572 г., какъ видно изъ писемъ Констант. Острожскаго, которыми онъ и его потомки жертвовали монастырю «десятину всякаго хлѣба; въ 1539 г.—село Мидско; въ 1603 г. землю, называемую Лобниковъ; въ 1621 г.—деревню Бѣлые Берега съ 6 подданными» (см. Кіевл. 1850 г. «о городѣ Степанѣ»,—стр. 45—50).

(381) Оп. К. Соб. стр. 141.

степаньскомъ монастырѣ въ 1610 году ([382]). Около 1616 г. православнымъ іерархомъ волынскимъ видимъ Леонтія Карповича. Онъ былъ воспитанникъ острожскихъ школъ, строителъ и первый архимандритъ виленскаго Свято-Духова монастыря, съ 1616 г. епископъ владимірскій и брестскій ([383]). Этотъ доблестный пастырь церкви волынской, будучи самъ ревностнѣйшимъ и непоколебимымъ поборникомъ преслѣдуемаго православія, и въ сердца своихъ пасомымъ умѣлъ пролить отраду и мужество. Леонтій управлялъ владимірскою паствою около 4 лѣтъ и скончался 1620 г. ([384]). Въ томъ же году преемникомъ Леонтію поставленъ былъ Іезекіиль Куруевичъ; равнымъ образомъ, возстановлены были и другія православныя каѳедры епископскія на Волыни. Дѣло происходило такъ: іерусалимскій патріахъ Ѳеофанъ, возвращаясь изъ Москвы, посѣтилъ церкви югозападной Россіи, въ которыхъ замѣчалъ различныя неустройства и безпорядки отъ уніи ([385]). Онъ остановился въ Кіевѣ и здѣсь, по просьбѣ гетмана Сагайдачнаго, «також изъ разныхъ странъ шляхетства, исповѣданія греческаго въ великомъ числѣ придерживавшагося ([386])», — рукоположилъ православныхъ епископовъ на всѣ югозападныя епархіи, отнятыя уніатами, въ

([382]) Кіевл. 1850 г. стр 48.

([383]) Ист. Р. Ц. IV, стр. 111; смотр. также грамоту короля Владислава въ Собр. Вилен. Грам. стр. 224.

([384]) Мелетій Смотрицкій говорилъ слово надъ гробомъ Леонтія, изд. въ Вильнѣ 1620 г. (о Леонтіѣ см. Маякъ 1843 г. кн. XXI, также Слов. Дух. Пис. М. Евгенія II, 7—8).

([385]) Ѳеофанъ имѣлъ отъ константиноп. патр. Тимоѳея грамоту съ правомъ исправлять въ Россіи іерархическія дѣла (Оп. К. С. стр. 154—155.

([386]) Люб. Мѣсяцесловъ 1775 г. (страницы въ этой книгѣ не означены).

томъ числѣ Исаію Копинскаго, игумена межигорскаго монастыря, въ Перемышль; Паисія Ипполитовича, строителя мелецкаго монастыря, въ Холмъ; Исаакія Черничицкаго, игумена черничицкаго монастыря, въ Луцкъ ([387]). Вскорѣ, по пронскамъ и клеветамъ уніатовъ, новопоставленные православные епископы принуждены были оставить свои каѳедры, и только съ великимъ трудомъ могли укрыться отъ преслѣдованій въ Малороссіи ([388]). Митрополитъ (Іовъ) въ слѣдующемъ году, для оправданія какъ себя, такъ и епископовъ своей области, отправилъ на сеймъ къ королю владимірскаго епископа Іезекіиля Куруевича. Король выслушалъ Іезекіиля, и приказалъ явиться къ себѣ и прочимъ православнымъ епископамъ. Но митрополитъ, опасаясь козней, за лучшее счелъ послать (1622 г. Окт. 6) къ королю письменное оправданіе—и себя и своихъ епископовъ ([389]). Сигизмундъ призналъ свое гоненіе, воз-

---

([387]) Ист. Ун. Б. К. стр. 74; Оп. К. С. стр. 154—156; Люб. Мѣсяцословъ С.П.Б. 1775 г.; Кіевл. 1850 г. стр. 49; Слов. Дух. Пис. I, 211. Іезекіиль Куруевичь былъ послѣднимъ православнымъ епископомъ владимірскимъ. На луцкой каѳедрѣ преемниками Исаакія были: Аѳанасій Пузина около 1634 г. (см. Протестъ луцкаго братства о нападеніи на него «схоластиковъ іезуитской коллегіи» 1634 г. въ Памят. Кіев. Ком. I, отд. I, стр. 204). Преемникомъ Пузины видимъ около 1650 г. Діонисія Болобана (съ 1657 г. митрополитъ кіевскій). Послѣ Діонисія—Гедеонъ, князь Четвертинскій съ 1657—1685 годъ, въ которомъ посвященъ въ кіевскіе митрополиты. Луцкую епархію отнялъ у него Іосифъ Шумлянскій, еп. львовскій, для брата своего Аѳанасія, и заграбилъ все его имѣніе. Послѣ Гедеона, въ концѣ XVII или въ самомъ началѣ XVIII вѣка былъ епископомъ луцкимъ Мелетій Жабокрицкій. Послѣдній православный епископъ луцкій и всей Волыни—Кириллъ Шумлянскій, посвященный въ 1711 г., въ томъ же году выгнанъ изъ Волыни уніатами, и умеръ епископомъ переяславскимъ.

([388]) Ист. Ун. Б. К. 74—75.

([389]) Оп. К. С. стр. 157.

двигнутое на епископовъ, посвященныхъ Ѳеофаномъ, несправедливымъ, напраснымъ [390]; но уніаты, не смотря на то, продолжали разсѣевать свои клеветы и притѣснять православное духовенство, а вмѣстѣ и народъ [391]. И потому православные епископы не могли жить въ своихъ епархіяхъ; — да и посѣщать ихъ могли не иначе, какъ тайнымъ только образомъ, и притомъ изрѣдка, для удовлетворенія крайнимъ нуждамъ своихъ злополучныхъ паствъ [392].

Православные на Волыни, употребляя всѣ возможныя средства къ защитѣ православія, составили въ 1621 г. соборъ или «совѣтованіе о благочестіи». Правилами собора «внушалось столько же ревности къ святому православію и твердости въ вѣрѣ отеческой, сколько святости и ума въ дѣлѣ съ врагами вѣры». Между мѣрами къ защитѣ православія соборъ полагалъ евангельскую бдительность пастырей, общую чистоту жизни, мученическое терпѣніе: «пусть помнятъ, говорилъ соборъ, что вѣра наша кровью утверждена и кровью отъ всѣхъ ересей защищалась». Въ тоже

---

[390] Король посылалъ въ Грецію пословъ съ тѣмъ, чтобы узнать, точно ли Ѳеофанъ былъ патріархомъ іерусалимскимъ (котораго, какъ выше мы замѣтили, уніаты провозгласили самозванцемъ)? И въ слѣдствіе этого убѣдился въ несправедливости доноса уніатскихъ епископовъ. (Объ этомъ разсказываетъ Силвестръ Коссовъ въ своей Апологіи Кіевской Академіи (см. Оп. К. С. стр. 159).

[391] Различныя притѣсненія, кыія терпѣли въ это время православные отъ уніатовъ, описаны въ книгѣ, содержащей привилегіи польскаго правительства русской православной Церкви въ Литвѣ и на Волыни; книга эта подъ названіемъ «Синопсисъ» напечат. на пол. языкѣ въ Вильнѣ 1632 г. (см. Оп. К. С. стр. 159).

[392] Люб. Мѣсяц. Спб. 1775 г.

время соборъ предписывалъ — учреждать братства на помощь пастырямъ Церкви: «пусть не будетъ стыда слушать меньшихъ и отъ нихъ научаться»..., такъ разсуждали на соборѣ, — «не слѣдовать безбожному папскому правилу. Дворъ римскій осмѣлился установить такое правило, что хотя бы папа тму людей влекъ за собою во адъ, никто не долженъ ему сказать: стой! Что ты дѣлаешь? Если архіереи и другіе настоятели допустятъ дѣлать замѣчанія и будутъ исполнять все предписанное; то отцы въ сынахъ, а сыны въ отцахъ пребывать будутъ» ([393]).

Владиславъ IV, преемникъ Сигизмунда, въ 1623 г. на избирательномъ сеймѣ, по ходатайству православныхъ, особенно по неотступному требованію повѣреннаго митрополита Исаіи, архимандрита Петра Могилы, возвратилъ нѣкоторыя епархіи православнымъ епископамъ, въ томъ числѣ перемышльскую, львовскую и луцкую на Волыни ([394]). При этомъ опредѣлено было возвратить православнымъ архіерейскимъ каѳедрамъ принадлежавшіе имъ монастыри съ вотчинами; нѣкоторымъ каѳедрамъ назначено было королемъ годовое жалованье ([395]). Подобныя привиллегіи нѣсколько разъ подтверждаемы были какъ Владиславомъ, такъ и его

([393]) Дѣяніе сего собора см. въ I т. Памятн. Кіевск. Коммиссіи, отд. I, стр. 224—251.

([394]) О епархіяхъ—холмской и владимірской не упомянуто, вѣроятно, потому, что онѣ оставлены были въ вѣдомствѣ унитскомъ (см. Любоп. Мѣсяцосл. С.П.Б. 1775 г.; Ист. Ун. Б. К. 99—100).

([395]) «Перемышльскому архіерею, по силѣ статей, ежегодно отъ насъ по двѣ тысячи злотыхъ польскихъ (300 р. сереб.) пенсіи будетъ выдавано» (см. статьи примиренія между уніатами и не-уніатами — 1632 и 1633 г. въ Ист. Ун. Б. К. стр. 95—104).

преемниками ([396]). Въ 1686 г. одною изъ статей вѣчнаго мира Россіи съ Польшею постановлено было — навсегда оставить за православными епархіи — львовскую, луцкую, галицкую и перемышльскую на Волыни: однакожъ это не препятствовало уніатскимъ епископамъ распоряжаться по своему,—и они всегда умѣли вести дѣла такъ, что православные епископы, хотя имѣли свои каѳедры, но будучи лишаемы необходимыхъ средствъ къ содержанію, волею и неволею принуждены были оставлять епархіи, или передаваться даже на сторону уніатовъ ([397]). Къ началу XVII столѣтія оставался только одинъ православный епископъ на Волыни, именно—Кириллъ Шумлянскій, посвященный въ 1711 г. на луцкую епархію. Но вскорѣ, не смотря на ходатайство о немъ Государя Императора Петра I, разнаго рода несправедливости и гоненія, которыя онъ долженъ былъ терпѣть отъ уніатовъ, заставили его удалиться изъ своей паствы: польскій король (1711 г. 17 Окт.) «во все воеводство волынское издалъ универсалы, дабы его (Кирилла) за епископа луцкаго никто не признавалъ и ни въ чемъ бы послушанія къ нему не имѣлъ. А хотя многіе духовные и мірскіе воеводства волынскаго обыватели на избра-

---

([396]) Яномъ Казимиромъ 24 Нояб. 1663 г., Станиславомъ Понятовскимъ 4 Апр. 1766 г. (Ист. Ун. Б. К. стр. 93).

([397]) Такъ епископы: перемышльскій—Иннокентій Винницкій, львовскій—Іосифъ Шумлянскій, луцкій—Мелетій Жабокрицкій, не получая отъ уніатовъ монастырей, церквей и вотчинъ, принадлежавшихъ ихъ каѳедрамъ, кромѣ того, подвергаясь постояннымъ преслѣдованіямъ со стороны уніатовъ, принуждены были, наконецъ, и сами перейти на ихъ сторону (Любоп. Мѣсяцосл. Спб. 1775 г.).

ніе его во епископа подписались; но всѣ сіи подписи, по силѣ королевскаго универсала, теперь уничтожаются». Императоръ Петръ I требовалъ у короля возвращенія Кириллу епархіи со всѣми правами, принадлежащими епископу; но напрасно. Въ томъ же году луцкій епископъ принужденъ былъ уѣхать въ Кіевъ (398).

Послѣ Кирилла Шумлянскаго уже не видимъ православныхъ епископовъ на Волыни: уніаты успѣли завладѣть здѣсь всѣмъ. Львовскій епископъ Іосифъ съ братомъ своимъ Аѳанасіемъ, епископомъ луцкимъ, отбирали антиминсы кіевскіе и св. муро, и раздавали свое; запрещали православнымъ въ молитвахъ поминать кіевскаго митрополита. Іосифъ старался даже сдѣлаться особымъ митрополитомъ галицкимъ и подчинить себѣ всѣ епархіи, находившіяся въ польскихъ владѣніяхъ (399). По смерти митрополита Іоасафа Кроковскаго (+1718), когда кіевская іерархія не имѣла своего пастыря около четырехъ лѣтъ, уніатскій митрополитъ Левъ Кишка успѣлъ во всѣхъ русскихъ провинціяхъ, остававшихся подъ властію польскихъ королей, соборомъ, созваннымъ въ Замостьѣ 1720 г., открыто утвердить унію, уничтожить навсегда всѣ православныя епископства, занять уніатскимъ духовенствомъ всѣ православные монастыри въ Польшѣ; —и все это успѣлъ уполномочить сеймовою конституціею (400). Луцкій уніатскій епископъ Стефанъ Рупі-

(398) Съ 1715 г. онъ опредѣленъ былъ митрополитомъ коадъюторомъ въ Переяславль, гдѣ и умеръ (см. Ист. Ун. Б. К. 144, 160; Любоп. Мѣсяц. 1775; Опис. Кіев. Соб. 214).

(399) Опис. Кіев. Соб. стр. 212.

(400) Тамъ же, 216.

евскій ревностно содѣйствовалъ успѣшнѣйшему исполненію соборныхъ опредѣленій своего владыки: «жалобою своею весь городъ исполняютъ священники греческаго закона, писалъ къ нему (Рупіевскому) папскій нунцій, архіепископъ Сантини, — и плачутся какъ объ изгнаніи своемъ изъ епархіи, такъ и о лишеніи имѣнія своего, по твоему, пречестнѣйшій владыко, повелѣнію», и убѣждалъ Рупіевскаго быть справедливѣе къ православнымъ, которые имѣютъ защитника «въ пресвѣтлѣйшемъ царѣ» (русскомъ). Тоже писалъ Рупіевскому и русскій министръ, князь Долгоруковъ, находившійся въ Варшавѣ ([401]). Чтобы эти предписанія могли имѣть больше силы и дѣйствія, Сантини обнародовалъ во всей Польшѣ и Литвѣ грамоту, въ которой грозилъ проклятіемъ «дѣлающимъ обиды православію» и налагалъ штрафъ на каждаго «нарушителя мира и тишины» ([402]).

Въ 1747 г. епископы папскіе исходатайствовали у короля универсалъ — не иначе поставлять православныхъ священниковъ, какъ по соизволенію самаго короля; а помѣщики давали одобрительныя грамоты только соглашавшимся на унію ([403]). Поэтому многіе православные священники принуждены были оставлять свои мѣста и удалялись въ епархіи—кіевскую и екатеринославскую ([404]). Наконецъ, уніаты задумали образовать въ Польшѣ отдѣльное, совершенно независимое

([401]) Ист. Ун. Б. К. стр. 197, 198.

([402]) Тамъ же, 199—204.

([403]) Тамъ же, 135, 316.

([404]) Ист. Р. Ц. V, 110; Указъ отъ 13 мая 1759 г.; Оп. Кіев. Соб. 236, 271.

управленіе православной Церкви. Поэтому въ Варшавѣ опредѣлено было—«*для православныхъ, въ Польшѣ живущихъ, поставить епископа и викарія—неуніатскихъ, которые бы ни въ чемъ не относились къ заграничной духовной власти* ([405])». Подобнаго рода учрежденіе, конечно, весьма благопріятствовало уніатамъ, коихъ главною цѣлью было — истребленіе православія; но, въ этомъ случаѣ, имъ не суждено было воспользоваться плодами трудовъ своихъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ православнымъ Волыни. Прежде, чѣмъ успѣли уніаты привести къ концу свой планъ, половина Волыни ([406]) присоединена была къ Россіи, а вслѣдъ за тѣмъ церковное устройство и управленіе должны были здѣсь измѣниться.

Изъ того, что сказано было доселѣ о состояніи православной іерархіи, само собою очевидно уже, что средства содержанія православнаго духовенства были очень скудны и недостаточны. Все, принадлежавшее, по прежнимъ правамъ и привилегіямъ, православнымъ пастырямъ волынскимъ, теперь принадлежало уже уніатамъ; единственнымъ, можно сказать, источникомъ содержанія православнаго духовенства были добровольныя пожертвованія нѣкоторыхъ благочестивыхъ князей и многихъ дворянъ, пребывшихъ вѣрными православію. Мало по малу, впрочемъ, изсякалъ и этотъ источникъ; многія княжескія и дворянскія фамиліи, какъ мы видѣли, постепенно переходили на сторону уніатовъ, и своимъ

([405]) Ист. Р. Ц. V, 110; Ист. Ун. Б. К. 400—403.

([406]) Та именно часть Волыни, которая въ послѣдствіи вошла въ составъ волынской губерніи (отч. подольской). Прочія области древней Волыни присоединены къ другимъ государствамъ.

примѣромъ, а иногда и властію, увлекали и склоняли на сторону уніи и простой народъ. Слѣдствіемъ этого было изгнаніе православныхъ священниковъ изъ ихъ приходовъ; послѣ чего они лишались уже всякихъ средствъ къ содержанію и принуждены были удаляться въ сосѣднія епархіи, гдѣ права уніи были слабѣе. Извѣстно, что послѣдній православный епископъ удалился изъ Волыни потому, что лишался всякихъ средствъ къ содержанію,—у него отнятъ былъ уніатами «весь хлѣбъ въ замкахъ (407)».

б) Состояніе богослуженія и ученія.

Въ началѣ уніи, доколѣ іезуиты не успѣли еще обольстить многихъ знатныхъ владѣльцевъ волынскихъ, послѣдніе ревностно заботились объ умноженіи и украшеніи священныхъ мѣстъ богослуженія. Въ этомъ отношеніи приснопамятны имена князей Острожскихъ, Четвертинскихъ, Радзивиловъ, Вишневецкихъ, Збаражскихъ и многихъ знаменитыхъ «пановъ», долго пребывшихъ вѣрными древнему православію (108).

Смерть многихъ поборниковъ православія, особенно князя Константина Острожскаго, а вслѣдъ за тѣмъ отпаденіе отъ православной вѣры многихъ обывателей волынскихъ, открыли іезуитамъ полную возможность

---

(407) См. жалобу еп. Кирилла, въ Ист. Ун. Б. Каменскаго, стр. 159.

(408) Въ предисловіи книги: «Бесѣды св. Іоанна Златоуста (Кіевъ. 1623 г.)» описана особенная ревность къ православію князя Стефана—Святополка Четвертинскаго, а также—его предковъ. Здѣсь же говорится о православномъ князѣ Михаилѣ Вишневецкомъ, «поборникѣ по Церкви восточной православной». О другихъ см. Кіевл. 1810 г. «Острожская старина»; Вол. Губ. Вѣд. 1848 г. № 22: «гора почаевская (Почаевъ 1772 г.)».

причинять всякія насилія и жестокости православнымъ. Вскорѣ уніаты присвоили себѣ лучшіе монастыри и приходскія церкви; многія церкви запечатывали; священники православные не могли уже свободно совершать таинствъ и церковныхъ обрядовъ, — ихъ вездѣ ловили и мучили ([409]). Уже въ 1599 году, какъ мы видѣли, православные жаловались, что «церкви ихъ, монастыри, храмы, соборы, иные постыднымъ разграбленіемъ, великимъ мучительствомъ, пролитіемъ крови, человѣкоубійствомъ и неслыханнымъ поруганіемъ не только надъ живыми, но и надъ мертвыми, завладѣны, разорены и опустошены ([409])». Въ 1620 г. волынскій депутатъ Древинскій, въ рѣчи своей предъ сеймомъ, перечисляя различныя насилія, претерпѣваемыя православными отъ уніатовъ, представляетъ, между прочимъ, и то, что «въ большихъ городахъ церкви запечатаны; имѣнія церковныя расхищены; въ монастыряхъ, вмѣсто монаховъ, скотъ запираютъ; священники разогнаны; дѣти безъ крещенія отъ сего свѣта отходятъ; тѣла умершихъ безъ церковнаго обряда изъ городовъ вывозятся; народъ безъ благословенія браковъ въ непотребствѣ живетъ; безъ исповѣди, безъ пріобщенія св. таинъ умираетъ ([410])». Въ луцкой епархіи бискупъ Залѣнскій насильно обратилъ въ унію два монастыря (Зиминскій и Нискиничь) и всѣхъ монаховъ велѣлъ обрить по-римски; шляхтичь Дульскій и княжна Збаражская нѣсколько православныхъ церквей тойже епархіи отдали уніатскому епископу холмскому ([411]). Къ концу царство-

([409]) Ист. Ун. Б. К. 37—38.

([410]) Тамъ же, стр. 69—73.

([411]) Тамъ же, стр. 146—148, 193, 241—244.

ванія Сигизмунда III уже не было православныхъ церквей въ Луцкѣ (главномъ городѣ тогдашней Волыни); онѣ сперва обращены были въ питейные домы, а потомъ совершенно уничтожены, — благородные обыватели Волыни, еще свято соблюдавшіе чистоту древней вѣры, много должны были употребить усилій къ построенію храма, въ которомъ могло бы совершаться богослуженіе по обрядамъ «старожитныя, греческія религіи ([412])». Въ Холмѣ, Львовѣ и другихъ мѣстахъ «публично ходить со св. тайнами къ больнымъ и умершихъ христіанъ тѣла погребать запрещаемо было». Въ Бѣльскѣ состоялось опредѣленіе, что «еслибы кто изъ мѣщанъ за крестнымъ ходомъ изъ церкви въ костелъ не пошелъ, таковой смертію казненъ будетъ ([413])».

Состояніе священныхъ мѣстъ богослуженія становилось бѣдственнѣе по мѣрѣ распространенія польскихъ кляшторовъ (монастырей) и костеловъ. Такъ, въ одномъ Луцкѣ явились уже кляшторы — бернардиновъ, тринитаріевъ, бонифратровъ, доминиканъ, кармелитовъ, бригидокъ и шаритокъ (сестеръ милосердія); въ другихъ мѣстахъ волынскаго воеводства основались кляшторы—францисканов, реформатовъ, капуциновъ, августиновъ, маріановъ, піаровъ и др. ([414]). Между тѣмъ короли польскіе предписывали — «не позволять православнымъ ни строить храмовъ, ни избирать осо-

---

([412]) Такъ разорены были церкви—св. Николая, ап. Іакова, Аѳанасіевская, архистр. Михаила, св. Онуфрія, Покрова пресвят. Богородицы, монастырь Пречистенскій; другія же оставлены были въ запустѣніи, какъ церковь св. Димитрія (см. Кіевл. 1841 г. «Луцкъ», стр. 53—54).

([413]) Ист. Ун. Б.—К. стр. 93—94.

([414]) Кіевл. 1841 г. «Луцкъ»; Волын. Зап. Руссова, стр. 76—78.

быхъ священниковъ ([415])». Ревностные исполнители воли короля дѣлали болѣе: не только не дозволяли устроять православныхъ храмовъ, но и тѣ, которые оставались еще православными, обращали въ уніатскіе. Иногда, впрочемъ, универсалы королевскіе не только разрѣшали строить православные храмы; но повелѣвали возвращать и нѣкоторые изъ храмовъ, отнятыхъ уніатами, и вообще имѣть православнымъ такое число храмовъ, какого требовало количество самихъ православныхъ ([416]). Въ исполненіи подобныхъ повелѣній короля прежняя ревность охладѣвала,—и на мѣсто ея являлась іезуитская хитрость; исполненіе королевскихъ указовъ отлагаемо было на послѣдующее время, до тѣхъ поръ, какъ іезуиты снова успѣвали расположить властителей въ свою пользу,—и прежніе указы, благопріятные для православія, отмѣняемы были новыми, дававшими полное право преслѣдовать православныхъ въ ихъ богослуженіи и обрядахъ ([417]). Въ этихъ тяжкихъ обстоятельствахъ православные тѣснѣе прежняго соединялись для защиты вѣры и Церкви, — слѣдствіемъ чего было умноженіе такъ называемыхъ братствъ, явившихся еще въ предъидущемъ періодѣ.

На Волыни особенно замѣчательно въ настоящемъ періодѣ, кромѣ острожскаго и львовскаго, извѣстныхъ еще прежде, луцкое братство св. Креста. Первымъ

([415]) Грам. Сигизмунда III, въ Собр. Вилен. Грам. II, № 13.

([416]) Объ этихъ грам. см. въ Журн. М. Н. П. 1834 г.. Декабрь; въ Ист. Ун. Б. К. 95—101; въ Собр. Грам. и Акт. город. минск. губ. «права монаст. и церквей» № 106 (Минскъ, 1848 г.).

([417]) Авт. Соб. Югозап. Россіи—Величко I, 19—22, 40.

ктиторомъ его былъ (1617 г.) черничцкій игуменъ, іеромонахъ Герасимъ (Микуличь), въ схимѣ нареченный Григоріемъ. Въ 1618 г. (4 Марта) братство получило королевскую привиллегію на построеніе церкви, школы и больницы; а въ 1620 г. новоучрежденный братскій монастырь получилъ отъ патріарха Ѳеофана «благословительную грамоту—съ правомъ ставропигіи». Въ томъ же году учреждена была при немъ школа и больница, а потомъ (1635 г.) и типографія. Къ луцкому братству, кромѣ духовныхъ особъ, принадлежали очень многія лица изъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій, многіе запорожскіе казаки и другихъ званій люди, стремившіеся къ поддержанію отечественнаго православія на Волыни. При этомъ братствѣ, по примѣру другихъ, было и меньшее или младенческое, существовавшее «подъ титуломъ великомученика Георгія». Оно первоначально состояло изъ луцкихъ мѣщанъ; потомъ присоединились къ нему — Паисій Ипполитовичъ, епископъ холмскій, Петръ Могила, архимандритъ печерскій и другія духовныя лица ([418]). Училище при луцкомъ братствѣ, или «греко-латино-словенская школа», основано совѣтомъ и повелѣніемъ Кирилла, патріарха константинопольскаго и благословеніемъ митрополита Іова Борецкаго,... великимъ стараніемъ и накладомъ, и милостію (усердіемъ) мѣщанъ луцкихъ русского народу святаго закону грецкаго, и милостынями всѣхъ православныхъ христіанъ, яко стану духовнаго, также особъ княжескихъ, панскихъ, шляхец-

---

([418]) См. «о памятникахъ луцкаго Крестовоздвиженскаго братства» — въ Кіевл. 1840 г.; также въ Памят. Кіев. Коммис. I, отд. I, стр. 3, 9, 11, 28, 32 и д.

кихъ и всего посполитаго народу, дажъ и до убогихъ вдовицъ ([419])». Предметами ученія были здѣсь—живое знаніе греческаго и славянскаго языковъ, грамматика съ церковнымъ уставомъ, реторика, діалектика, поэзія и исторія. Въ 1634 г. училище это испытало жестокое нападеніе изувѣровъ: послѣ праздничной процессіи нѣсколько принципаловъ и схоластиковъ іезуитской коллегіи, собравъ шайку до 100 человѣкъ, вооруженные напали на братство, опустошили церковь, школу, больницу; нещадно били и мучили игумена, монаховъ, учениковъ, старцевъ — «абы только былъ Русинъ». Не смотря на то, братство и училище существовали и послѣ того около 100 лѣтъ въ духѣ православія; потомъ подавлены были іезуитами ([420]). Типографія при луцкомъ братствѣ заведена была двумя иноками волынскаго Загоровскаго монастыря—іеромонахомъ Павломъ (Лютковичемъ) и іеродіакономъ Сильвестромъ, которые нѣсколько времени имѣли свою типографію въ м. Четвертнѣ, у князя Григорія Четвертинскаго ([421]).

([419]) Кіевл. 1841 г. стр. 60.

([420]) По изгнаніи православныхъ иноковъ, братскій Крестовоздвиженскій монастырь былъ отданъ уніатамъ: потомъ снова обращенъ былъ въ православную церковь, но послѣ сильнаго пожара совершенно оставленъ. Основанная при монастырѣ церковь Воздвиженская была построена по образцу «ставропигіальнаго храма цареградскаго», и въ 1620 г. отъ патріарха Кирилла была надѣлена правомъ ставропигіи (см. Памят. Кіев. Ком. 1845 г. т. I, отд. I; Кіевлянинъ 1841 г. «Луцкъ»). — Не столько замѣчательны братства, существовавшія въ другихъ мѣстахъ Волыни; такъ напр. братства при церквахъ м. Степани, именно: при Троицкой, Успенской, Преображенской и Николаевской. Изъ нихъ особенно замѣчательно братство Троицкой соборной церкви, при которой учреждена была школа и богадѣльня.

([421]) См. Временникъ 1849 г. «книжная старина южнорусская»; «Обозр. Славянорус. Библіогр.» Сахарева.

Кромѣ типографіи луцкаго братства, на Волыни производилось книгопечатаніе и въ другихъ мѣстахъ. Послѣ типографій—острожской и львовской, основанныхъ прежде, въ первые годы XVII столѣтія, по волѣ князя Константина Острожскаго, устроена типографія въ принадлежавшемъ князю дерманскомъ Троицкомъ монастырѣ, подъ ближайшимъ смотрѣніемъ «пресвитера Даміана ([422])». Около этого же времени видимъ типографію въ волынскомъ мѣстечкѣ Рохмановѣ, гдѣ въ 1619 г. напечаталъ свои проповѣди Кириллъ Транквилліонъ—Ставровецкій. Съ 1638 г. книгопечатаніе производилось въ г. Кременцѣ ([423]). Впрочемъ, всѣ эти типографіи прекратили свое бытіе и дѣйствіе еще въ 1-й половинѣ XVII вѣка. Послѣ того на Волыни была только одна славяно-русская типографія — почаевская. Начало книгопечатанія положено въ Почаевѣ еще въ 1618 г. помѣщицею Анною Гойскою; но по смерти ея типографія пришла въ совершенный упадокъ и возобновлена уже въ 1730 г. ([424]).

Главною цѣлью учрежденія типографій было—умножать число богослужебныхъ книгъ, какъ пособій православію. При этомъ, просвѣщенные пастыри волынскіе, замѣчая многія погрѣшности въ различныхъ богослужебныхъ книгахъ, ревностно заботились объ ихъ исправленіи,—сличая текстъ каждой, назначаемой къ печатанію, книги съ древними славянскими списками и съ текстомъ греческимъ. Особенную ревность въ

([422]) См. въ Обозр. Славянорус. Библ. Сахарева.

([423]) Временникъ 1849 г «книжная старина южнорус.», также Библіогр Сахарева.

([424]) См. тамъ же.

этомъ дѣлѣ показалъ Гедеонъ, епископъ львовскій: его стараніемъ тщательно исправлены были и изданы въ (Стрятинѣ) служебникъ и требникъ ([425]). Слѣдуя примѣру досточтимаго пастыря, львовское братство, и послѣ Гедеона, не иначе издавало книги, какъ послѣ предварительнаго сличенія текста съ подлинникомъ и славянскими списками ([426]). Братство острожскихъ училищъ не отставало отъ другихъ въ ревности о чистотѣ богослужебныхъ книгъ. Изданный имъ въ 1612 г. часословъ повѣренъ съ греческимъ текстомъ и съ древними славянскими списками, и разности между тѣмъ и другими отмѣчены знаками ([427]).

Памятниками духовнаго просвѣщенія на Волыни, въ періодъ уніи, служатъ многіе переводы отеческихъ писаній, равно какъ и собственныя сочиненія просвѣщенныхъ пастырей и проповѣдниковъ церковныхъ. Одинъ изъ самыхъ достойныхъ представителей православнаго просвѣщенія на Волыни былъ, отчасти уже извѣстный намъ, владимірскій епископъ Леонтій Карповичъ. Православные пастыри, паны и шляхта, граждане и даже грамотные поселяне, по всему княжеству литовско-русскому, съ особеннымъ наслажденіемъ читали всегда слова Леонтія и называли его «подобнымъ Златоусту въ витійствѣ ([428])».

([483]) Ист. Русск. Церкви, IV, 130, 131; см. также предисловіе къ требнику, напечатанное въ Москвитянинѣ 1844 г. № 8.

([484]) Опис. книгъ гр. Толстаго, стран. 181, 185, 211, 224.

([485]) О служебныхъ книгахъ, изданныхъ острожскимъ братствомъ; Строева —Описан. книгъ Толстаго, стр. 232;—Описан. книгъ Царскаго, стр. 293; Дополненіе къ Опис. книгъ Царскиго, № 17; Обозр. славянорус. библіогр. Сахарева.

([486]) О Леонтіи—Маякъ 1843 г. кн. XXI и XXII; въ послѣдней напечатано «Казанье» Леонтія на Преображеніе Господне, гов. 1615 г. Кровѣ

Кромѣ Леонтія извѣстны, какъ проповѣдники и богословы: Лаврентій Зизаній, сперва воспитанникъ, а потомъ учитель львовскаго училища, въ послѣдствіи—«проповѣдникъ и протоіерей въ г. Корнѣ ([429])». Изъ сочиненій его извѣстенъ «большой катихизисъ», писанный имъ на литовскомъ нарѣчіи и напечатанный съ нѣкоторыми перемѣнами въ Москвѣ 1627 г. Имъ же составлена первая, извѣстная намъ, славянская грамматика, изданная 1596 г. въ Вильнѣ ([430]).—Кириллъ Транквилліонъ, учитель и іеромонахъ львовскаго братства, съ 1591 г. проповѣдникъ слова Божія, по благословенію экзарховъ востока и своего епископа Іереміи. Онъ написалъ «зерцало богословія» (изданное 1618 и 1679 г. въ Почаевѣ), «учительное Евангеліе» (изд. 1619 г. въ Рохмановѣ), т. е. поученія на дни воскресные и праздники всего года ([431]).—Іоанникій Галятовскій, настоятель волынскаго купятицкаго монастыря, извѣстенъ особенно своими сочиненіями противъ іезуитовъ и уніатовъ, издававшихъ въ половинѣ XVII столѣтія разныя сочиненія противъ восточной Церкви; извѣстенъ онъ также, какъ проповѣдникъ;

проповѣдей, извѣстны сочиненія Леонтія: «Обличеніе на Унію» (Слов Дух. Пис. М. Евгенія, II, 7—8) и «Выкладъ на Отче нашъ»; 1-е издано въ Острогѣ 1597 г., а 2-е въ Вильнѣ 1620 г. (Истор. Русск. Ц. IV, 135).

([429]) Нынѣ—мѣстечко новградволынскаго уѣзда.

([430]) Слов. Дух. Пис. II, 1—4; также, Опис. кн. Толстаго, Строева, № 35, 36;—кн. Царскаго, № 77.—О его грамматикѣ, при которой помѣщены молитвы и краткій катихизисъ брата его Стефана Зизанія, см. въ Ист. Литер. Греча, стр. 51.

([431]) Въ санѣ архимандрита черниговскаго Кириллъ сочинилъ «перло многоцѣнное», изд. 1690 г. въ Могилевѣ (Слов. Дух. Пис. I, 335—336; Оп. кн. Толстаго, стр. 142—154; Ж. М. Н. П. 1844 г. Мартъ).

его «ключь разумѣнія» содержитъ поученія на всѣ великіе праздники ([432]). Переводами отеческихъ писаній извѣстенъ Даміанъ пресвитеръ, издавшій (въ Острогѣ 1607 г.) книгу — «лѣкарство на оспалый умыслъ». Книга эта состоитъ изъ двухъ словъ св. Іоанна Златоустаго—1) къ Ѳеодору падшему, 2) на слова: *обаче всуе мятется всякъ человѣкъ живый,* — изъ завѣщанія греческаго царя Василія сыну своему Льву Философу ([433]). Виталій, игуменъ дубенскаго монастыря, перевелъ съ греческаго на славянскій языкъ книгу— «діоптра, альбо зерцало и выраженіе живота людскаго на семъ свѣтѣ ([434])».

III.

СОСТОЯНІЕ ВѢРЫ И НРАВСТВЕННОСТИ.

Очевиднымъ и лучшимъ свидѣтельствомъ преданности и любви православныхъ волынянъ къ древней вѣрѣ предковъ служатъ самыя обстоятельства, сопровождавшія введеніе уніи на Волыни. Со всѣми усиліями паписты старались здѣсь обращать православныхъ въ унію или латинство; однакожъ успѣхи ихъ въ этомъ дѣлѣ незавидны были на Волыни, — по крайней мѣрѣ, сравнительно съ тѣмъ, что успѣли они сдѣлать для папы въ земляхъ литовскихъ и въ Бѣлорус-

---

([432]) Слов. Дух. Пис. I, 228—232; Строева Оп. кн. Толстаго, №№ 123, 135, 137, 142, 156, 173.

([433]) Ист. Слов. Дух. Пис. I, 110—111.

([434]) Книга эта издаваема была нѣсколько разъ; въ первый разъ напечатана въ Вильнѣ 1642 г. (тамъ же, стр. 76).

сіи ([435]). На Волыни, какъ и во всей Малороссіи, православные жестоко страдали; но терпѣніе ихъ не изнемогало и возвышалось надъ страданіемъ. Когда митрополитъ Петръ Могила возстановилъ кіевскую митрополію и нѣкоторыя епархіи на Волыни,—его привѣтствовали въ Кіевѣ слѣдующими словами: «если бы ты вздумалъ теперь отправиться до предѣловъ русскихъ (малороссійскихъ) и литовскихъ; съ какою радостію тебя встрѣтили бы тѣ, которыми наполнены были темницы, суды и подземелья за непорочную вѣру восточную, и проводили бы тебя до своего руководителя въ терпѣніи, предшественника въ благочестіи, подобнаго Златоусту въ витійствѣ, Леонтія Карповича, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ скончавшагося, — чтобы ты, наглядѣвшись на нетлѣнные его останки и на узы, претерпѣнныя за вѣру, могъ почувствовать, какое великое дѣло совершилъ ты для несчастнаго народа нашего! Тоже показали бы тебѣ и Перемышль, Луцкъ, Холмъ, Белзъ и множество другихъ городовъ ([436])». Многіе отдавали жизнь злобѣ фанатиковъ, но не измѣняли православной вѣрѣ ([437]). Храбрый гетманъ Наливайко, пламенный защитникъ прародительской вѣры и мученикъ за нее, былъ урожденецъ волынскаго го-

---

([435]) Въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, въ продолженіи сорока лѣтъ, изъ четырехъ милліоновъ жителей, половина православныхъ обращена къ уніи или латинству (см. Ист. Польск. Королев. Бандтке, т. I, стр. 272—274).

([436]) Mnemosyne sławy prac i trudow Piotra Mohily; Приб. къ Твор. св. Отц. ч. IV, стр. 44.

([437]) Это, по преимуществу, надобно сказать о среднемъ и низшемъ сословіи народа. Отсюда произошло названіе—«холопская вѣра», которое на языкѣ уніатовъ означало православное восточное вѣроисповѣданіе (см. Истор. Малорос. Маркевича, I, 119).

рода Острога. Iезуитъ Ячмнскiй вотъ что говоритъ о ревности отца и братьевъ Наливайки къ вѣрѣ православной: «отецъ его имѣлъ трехъ сыновей, отличавшихся своимъ наслѣдственнымъ нечестiемъ (приверженностiю къ православiю). Старшiй былъ соборнымъ протопопомъ въ острожскомъ замкѣ, и притомъ самый закоснѣлый схизматикъ: предъ смертiю своею онъ запретилъ хоронить себя при церкви, представляя тому такую причину: знаю, говорилъ онъ, что въ Острогѣ водворится латинская вѣра; почему похороните меня въ полѣ, чтобы и кости мои не сблизились съ латинскою церковiю. Меньшiй братъ Наливайки не уступалъ старшему въ нечестiи (438)».

Гоненiя на православiе возбудили ревность къ иночеству. Православные дворяне строили монастыри, какъ надежнѣйшiя твердыни для православiя, какъ мѣста духовной тишины для страдальцевъ времени (439). Въ самыхъ монастыряхъ угнѣтаемые ненавистiю и бѣдностiю православные искали утѣшенiй небесныхъ и цвѣли благочестiемъ. Митрополитъ Петръ Могила, представляя сравнительную картину монастырей и церквей, отнятыхъ унiатами и оставшихся у православныхъ, говорилъ унiату Кассiану Саковичу, архимандриту дубенскаго монастыря: «посмотри на свою братiю—унiатовъ, что они дѣлаютъ съ монастырями и

(438) См. въ Кiевлян. 1840 г. «Острожская старина».

(439) Въ Ист. Росс. Iерар. хронологич. списокъ монастырей; Ис. Унiи, 147—148; Молодикъ 1844 г. стр. 223; Кiевл. 1841 г. стр. 117; Предисловiе къ Бесѣдамъ св. Златоуста на 14 Посл. ап. Павла, Кiевъ. 1623 г. Здѣсь описана особенная ревность къ православной Церкви князей Четвертинскихъ и Вишневецкихъ.

церквами, которыя надѣлены были имѣніями?... Не говорю о другихъ меньшихъ монастыряхъ, которые вашею уніею до основанія ниспровергнуты. Пойди только на Волынь: посмотри, что дѣлается въ древнемъ монастырѣ жидичинскомъ, и скажи намъ, сколько тамъ монаховъ и какой чинъ содержится? Посмотри на древній монастырь дорогобужскій. Не найдешь ли тамъ только архимандрита съ послушникомъ? Посмотри и на мірскія церкви: до чего доведены со времени управленія вашихъ уніатовъ?... Но, съ другой стороны, посмотри безпристрастно на наши православные убогіе монастыри, угнѣтаемые различными бѣдствіями: посмотри на монастырь тригорскій (въ нѣсколькихъ верстахъ отъ г. Житомира) общежительный, и тамъ увидишь, по крайней мѣрѣ, восемьдесятъ иноковъ, въ великомъ смиреніи проходящихъ тѣсный путь евангельскій. Посмотри на монастырь креховскій (подъ Львовомъ): тамъ — нѣсколько десятковъ иноковъ безъ всякаго имѣнія благочестиво проводятъ жизнь. Взгляни еще на братства—виленское, кіевское, луцкое и многія другія въ королевствѣ польскомъ и княжествѣ литовскомъ: какъ они, по благодати Божіей, процвѣтаютъ въ строгомъ благочестіи! И—согласись, что, какъ было во времена Апостоловъ среди бѣдствій, нуждъ и всякихъ утѣсненій, — такъ и у насъ, православныхъ Русскихъ, по слову Божію, сила Божія въ немощахъ совершается (410)».—Ѳеофанъ, патріархъ іерусалимскій, въ грамотѣ своей на сооруженіе въ Луцкѣ Крестовоздвиженской церкви писалъ, что находящіеся въ спар-

(410) Приб. къ Твор. св. Отц. ч. IV—«Петръ Могила, М. Кіевскій»—стр. 51—56.

хіи луцкой братія рачительны и заботливы о милостыни». Объ этомъ же свидѣтельствуетъ и грамота Кирилла, патріарха константинопольскаго ([441]).

Высокимъ образцомъ подвижнической жизни служилъ блаженный Іовъ, по прозванію Железо. Сдѣлавшись извѣстнымъ по строгости жизни еще въ молодыхъ лѣтахъ, онъ вызванъ былъ княземъ Острожскимъ изъ угорскаго — червоннорускаго монастыря въ дубенскій монастырь Честнаго Креста, и двадцать лѣтъ управлялъ братіею послѣдняго. Вельможи и народъ питали къ нему особенное уваженіе и приходили слушать его наставленія. Убѣгая отъ почестей, тайно удалился онъ въ почаевскую гору; здѣсь также избрали его въ игумена, и онъ, видимо преуспѣвъ въ духовной жизни, переселился въ блаженную вѣчность въ 1651 году Октября 18, по истеченіи столѣтней, многотрудной жизни своей. Мощи преподобнаго торжественно открыты кіевскимъ митрополитомъ Діонисіемъ Балабаномъ и теперь открыто почиваютъ въ почаевской Успенской лаврѣ ([442]).

Нетлѣніемъ мощей прославлены также нѣкоторые, положившіе животъ свой за православіе. «Къ числу нетлѣнно почивающихъ святыхъ, писалъ Георгій Конисскій въ утѣшеніе православію, надобно отнесть преподобномученика нашей церкви Аѳанасія Филипповича, убіеннаго (около 1648 г.) папистами за вѣру въ брестскомъ православномъ монастырѣ загородномъ,

---

([441]) Памятн. Кіевск. Коммисс. т. 1, отд. 1, стр. 12, 19.

([442]) См. Житіе препод. отца нашего Іова Железа, списанное ученикомъ его іеромонахомъ Досиѳеемъ, напечат. въ Почаевѣ, безъ означенія года; также Маякъ 1845 г. т. XXIII; Ист. Іерарх. V, 359.

уже больше полутора ста лѣтъ Божіею силою цѣло и невредимо почивающаго ([443])». Точно также пострадалъ св. преподобномученикъ Макарій, архимандритъ овручскаго монастыря ([444]).

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ —

СО ВРЕМЕНИ ПРИСОЕДИНЕНІЯ ВОЛЫНИ КЪ РОССІИ ДО НАСТОЯЩИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Съ 1793 года начался новый періодъ состоянія православной Церкви на Волыни,—когда, освободясь отъ чуждой власти, она возвратилась подъ родной кровъ православныхъ Русскихъ Государей. Св. вѣра, проповѣданная равноапостольнымъ Владиміромъ, и основанная имъ православная Церковь, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ гонимая и тѣснимая западомъ, наконецъ восторжествовала. Съ присоединеніемъ Волыни къ Россіи, жителямъ, вмѣстѣ съ правами гражданства, возвращена свобода исповѣданія; вскорѣ затѣмъ, православная Церковь волынская, получивъ самостоятельное управленіе въ лицѣ своего архипастыря, сравнена въ правахъ съ прочими епархіями, находящимися въ Россійской Имперіи.

Въ послѣдней половинѣ XVIII вѣка, какъ мы видѣли, унія распространилась по всѣмъ областямъ волынскимъ, и большая часть жителей волею и неволею принадлежала уже къ уніи. Когда Волынь присоеди-

---

([443]) Ист. Унія Б. К. стр. 314—315.

([444]) Ист. Іерарх. V, 359; см. также Житіе св. Макарія, описанное преосв. Гедеономъ, архіеп. полтавскимъ. Спб. 1848 г.

нена была къ Россіи, Императрица Екатерина II предоставила ([415]) уніатамъ и римскимъ католикамъ «пользоваться свободнымъ отправленіемъ ихъ закона, при всѣхъ правахъ, принадлежащихъ къ свободному отправленію ихъ богослуженія и церковнаго порядка ([446])». Не смотря на это, весьма многіе уніаты, или правильнѣе—казавшіеся уніатами только по крайней необходимости ([447]), — объявили желаніе присоединиться къ православной Церкви. Въ слѣдствіе этого, по Высочайшему повелѣнію 16 Мая 1794 г., Святѣйшій Сѵнодъ сдѣлалъ распоряженіе, по которому минскому архіепископу, управлявшему и волынскими церквами ([448]), присланы были изъ сосѣднихъ епархій духовнаго званія люди, способные къ наученію и обращенію уніатовъ; для православныхъ и возвращенныхъ отъ уніи церквей прислано около 2500 антиминсовъ и довольный запасъ св. мура; на церковныя ризницы Императрица пожаловала свой гардеробъ, — и вскорѣ указомъ (1795 г. 12 Апр.) Св. Сѵноду объявила, что уже болѣе милліона жителей

([445]) Гродненскимъ трактатомъ, заключеннымъ 11 Іюля 1793 г. съ польскимъ сеймомъ.

([446]) Опис. Кіевософ. Соб. 274.

([447]) Когда церкви православныя были обращаемы въ уніатскія, — изъ нихъ уніаты выбрасывали иконостасы; прихожане этихъ церквей, обращенные также въ унію, но въ душѣ всегда преданные вѣрѣ православной, сохранили эти иконостасы, и теперь, когда снова возвращена свобода вѣроисповѣданія, они ставили ихъ на прежнія мѣста и съ благоговѣніемъ молились за своихъ избавителей (см. Кіевлянинъ. 1840 г. «Волынь»).

([448]) По указу св. Сѵнода отъ 13 Апр. 1794 г., минскій архіепископъ именовался еще изъяславскимъ и брацлавскимъ отъ городовъ—Изъяславля или Заславля (нын. уѣзд. гор. волын. губ.) и Браплава (причисленнаго къ подольской губерніи).

новопріобрѣтенныхъ отъ Польши областей присоединено къ православію; а по указу Св. Сунода (отъ 4 Іюня) число возвращенныхъ церквей простиралось до двухъ тысячъ съ половиною. ([449]).

Въ 1795 г. открыта каѳедра въ Житомирѣ для викарія минскаго; архіерей именовался житомирскимъ, а минскому архіепископу повелѣно именоваться минскимъ и волынскимъ. Для помѣщенія преосвященнаго Варлаама, епископа житомирскаго, викарія минскаго, указомъ Св. Сунода (отъ 24 Мая того же года) назначенъ острожскій Преображенскій монастырь; вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было учредить особую консисторію съ подвѣдомствомъ уѣздовъ — житомирскаго, острожскаго и др. ([450]).

Государь Императоръ Павелъ I-й, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, обратилъ попечительное вниманіе и на обращенныхъ отъ уніи къ православію подданныхъ своихъ въ пріобрѣтенныхъ отъ Польши областяхъ. Узнавши, что духовенство и помѣщики римско-католическаго исповѣданія явнымъ образомъ притѣсняютъ священнослужителей православной греко-россійской Церкви и всячески стараются по прежнему обращать православныхъ въ унію, повелѣлъ, «чтобы пребывающіе въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ разныхъ наименованій и чиновъ духовенство, помѣщики и другаго званія люди, римско-католическое

([449]) Эти числа, впрочемъ, простираются на три новоучрежденныя тогда губерніи: минскую, изъяславскую (нын. волынскую) и брацлавскую (нын. подольскую). См. Оп. К. С. 273.

([450]) Ист. Р. Іер. I, 27; Оп. Кіев. Соб. 275 — 277. Уніатская консисторія находилась въ г. Луцкѣ, при епископѣ Стефанѣ Левинскомъ.

исповѣданіе содержащіе, пользуясь сами свободою исповѣданія, не только не привлекали въ оное тайно совѣтами и внушеніями, или же явно и насильственно всякаго рода подданныхъ, одну съ нами православную вѣру исповѣдающихъ; но даже не стѣсняли бы свободы и тѣмь, кои сами пожелаютъ присоединиться къ православной Церкви; не дѣлали бы отнюдь и самомалѣйшаго помѣшательства въ правилахъ и священнослуженіи на олтаряхъ сей Церкви, и не оскорбляли ничѣмъ священныхъ и церковныхъ ея служителей, подъ опасеніемъ наказанія по всей строгости законовъ ([451])». Вскорѣ потомъ, когда доведено было до свѣдѣнія правительства, что многихъ удерживаетъ въ уніи особенная привязанность и довѣріе къ прежнимъ своимъ священникамъ, скорая перемѣна нѣкоторыхъ уніатскихъ обрядовъ, крестныхъ ходовъ и т. п.,—Св. Сѵнодъ, чтобы отвратить эти препятствія и затрудненія, указомъ отъ 24 Сентября 1797 г. преосвященному Варлааму, епископу житомирскому, предписалъ— «дозволить нѣкоторые обряды и крестные ходы, гдѣ они бывали, и даже допускать въ оные уніатскихъ священниковъ вмѣстѣ съ православными, удаляться распрей о вѣрѣ и соблюдать христіанскую любовь ([452])».

Поборники папизма все еще не теряли надежды покорить папѣ жителей Волыни; и страсть западнаго духовенства къ обращенію иновѣрцевъ и распространенію своей власти на чужія паствы скоро обнару-

---

([451]) См. Манифестъ, изданный на русскомъ и польскомъ языкахъ 18 Марта 1797 г. (Оп. К. С. 280).

([452]) Опис. Кіев. Соб. 282.

жилась въ обыкновенныхъ своихъ дѣйствіяхъ. Преосвященный Варлаамъ въ 1798 и 1799 г. доносилъ Св. Синоду, что «уніатскіе епископы, священники и помѣщики убѣжденіемъ и разнаго рода насиліями не только препятствуютъ народу обращаться къ православію, но и обращенныхъ соблазняютъ и совращаютъ; особенно священники, оставшіеся въ прежнихъ своихъ приходахъ среди православнаго народа, совершаютъ свое богослуженіе въ костелахъ, въ часовняхъ и въ помѣщичьихъ домахъ съ подвижными антиминсами, продолжаютъ исправлять и приходскія требы, строятъ новыя церкви, изгоняютъ православныхъ священниковъ, отнимаютъ у нихъ церковныя земли и угодья, ругаются надъ православною Церковію и ея таинствами; а помѣщики обращаютъ нѣкоторые приходы прямо въ латинство, не смотря на буллу папы Венедикта XIV, запрещающую обращать уніатовъ въ римскую вѣру». Св. Синодъ, по сношеніи съ Правительствующимъ Сенатомъ, принялъ надлежащія мѣры къ прекращенію такого самоуправства римскихъ католиковъ и уніатовъ. Государь Императоръ издалъ строгое повелѣніе—«судить духовныхъ, которые дерзнутъ совращать изъ господствующаго исповѣданія въ римско-католическое»; и поелику подобнымъ безпорядкамъ много содѣйствовала верховная власть западной іерархіи, то указомъ (17 Марта 1799 г.) подтверждено римско-католическому митрополиту управлять своими церквами въ Россіи безъ всякаго сообщенія съ заграничнымъ начальствомъ ([153]). Такимъ образомъ, мало по малу

([153]) Опис. Кіев. Соб. 283—284.

прекращены были безпорядки, происходившіе отъ вмѣшательства въ дѣла Церкви православной римскаго и уніатскаго духовенства.

Наконецъ, указомъ св. Сvнода отъ 16 Октября 1799 г. учреждена волынская епархія самостоятельная, и житомирскому епископу, именовавшемуся викаріемъ, повелѣно быть мѣстнымъ третьяго класса и именоваться волынскимъ-житомирскимъ ([454]). Въ томъ же году учреждена, для воспитанія духовнаго юношества, семинарія волынская - житомирская, и отдѣлено было на содержаніе ея отъ минской семинаріи 1000 р.; но въ 1800 г. положена особенная сумма по 3000 р. въ годъ ([455]). Семинарія помѣщена въ томъ же острожскомъ монастырѣ, въ которомъ жилъ епархіальный архіерей и гдѣ помѣщалась также консисторія. Въ 1821 году зданіе острожскаго монастыря истреблено было пожаромъ; вскорѣ послѣ этого консисторія и семинарія переведены въ м. Аннополь, гдѣ жилъ нѣкоторое время и епархіальный архіерей. Въ 1831 году, послѣ возвращенія древне-православной обители почаевской отъ уніатовъ, владѣвшихъ ею болѣе столѣтія, обитель эта сдѣлалась мѣстопребываніемъ епархіальныхъ архіереевъ и консисторіи до 1840 года,

---

([455]) Первымъ мѣстнымъ епископомъ волынскимъ былъ Варлаамъ (1799—1805 г.); вторымъ—Даніилъ (—1813 г.); третьимъ—Стефанъ (—1829 г.); четвертымъ—Амвросій (—1832 г.); пятымъ—Иннокентій (—1840 г.); шестымъ—преосвященный Никаноръ (нынѣ митрополитъ новгородскій, с. петербургскій, эстляндскій и финляндскій) (—1848 г.); седьмымъ — преосвященный Арсеній (съ 1849 г. и до нынѣ). Ист. Р. Іерар. I, 27—28; Оп. Кіев. Соб. 284.

([455]) Ист. Рос. Іерар. I, 454.

когда послѣдовалъ указъ (отъ 22 Октября) Св. Сѵнода о перемѣщеніи епархіальнаго архіерея съ консисторіею въ губернскій городъ Житомиръ. Семинарія оставалась въ Аннополѣ до 1836 года, въ которомъ переведена въ г. Кременецъ, гдѣ находится и донынѣ.

Еще въ 1833 году, въ слѣдствіе представленія. Св. Сѵнода, Государь Императоръ въ 14 день м. Октября изволилъ повелѣть: «почаевской обители именоваться лаврою и занимать четвертое мѣсто въ числѣ лавръ, существующихъ въ Россійской Имперіи». Вмѣстѣ съ тѣмъ, преосвященный Иннокентій, бывшій тогда епископъ волынскій, пожалованъ въ архіепископа и священно-архимандрита почаевской лавры ([456]). Во время управленія волынскою епархіею преосвященнаго Иннокентія, число членовъ православной Церкви увеличилось на Волыни чрезъ возсоединеніе униатовъ, нѣкогда отторгнутыхъ отъ православія насиліемъ, а теперь съ радостію и любовію возвратившихся въ нѣдра единой истинной Церкви Христовой.

Въ 1841 году учреждено волынское викаріатство ([457]). Преосвященному викарію волынскому усвоено наиме-

---

([456]) По штату въ почаевской Успенской лаврѣ положено быть: намѣстнику 1-му, эконому—1-му, казначею—1-му, ризничему—1-му, іеромонахамъ—20-ти, іеродіаконамъ—10-ти, монахамъ — 10-ти, послушникамъ—до 45-ти.

([457]) Еще прежде (съ 1834 г.) викаріемъ волынскимъ считался нѣкоторое время епископъ варшавскій (Антоній, бывшій потомъ митрополитъ новгородскій и с. петербургскій): но собственно волынское викаріатство учреждено въ 1841 г. Первымъ викаріемъ волынскимъ былъ (1841 — 1844 г.) преосвященный Анатолій (нынѣ архіепископъ могилевскій и мстиславскій). Въ 1845 г. хиротонисанъ во епископа острожскаго, викарія волынскаго, дерманскаго первокласнаго монастыря настоятель, архимандритъ Іероѳей.

нованіе епископа острожскаго; для помѣщенія какъ самаго преосвященнаго, такъ и его свиты назначена почаевская лавра. Здѣсь жилъ преосвященный викарій до 1843 года, — когда преосвященному Никанору, бывшему тогда архіепископу волынскому-житомирскому, именнымъ Высочайшимъ указомъ повелѣно быть «членомъ Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода, архіепископомъ варшавскимъ и новогеоргіевскимъ, священно-архимандритомъ почаевскія лавры и управляющимъ волынскою епархіею ([458])». Съ этого времени преосвященные архіепископы варшавскіе, управляющіе волынскою епархіею, имѣютъ своимъ мѣстопребываніемъ г. Варшаву; а преосвященные викаріи волынскіе живутъ въ губернскомъ городѣ Житомирѣ, гдѣ находится и духовная консисторія ([459]).

Вотъ краткій очеркъ состоянія православной Церкви волынской въ послѣднемъ періодѣ! — Волынь, долго томившаяся подъ бременемъ чуждой власти, наконецъ соединилась съ роднымъ своимъ отечествомъ, — и нашла въ русскомъ государствѣ надежнѣйшія опоры для своего благоденствія. Подъ верховною властію русскихъ Самодержцевъ, быстро возстановленъ былъ на Волыни порядокъ церковнаго благоустройства и благочинія, совершенно ниспровергнутыхъ уніей. Право-

---

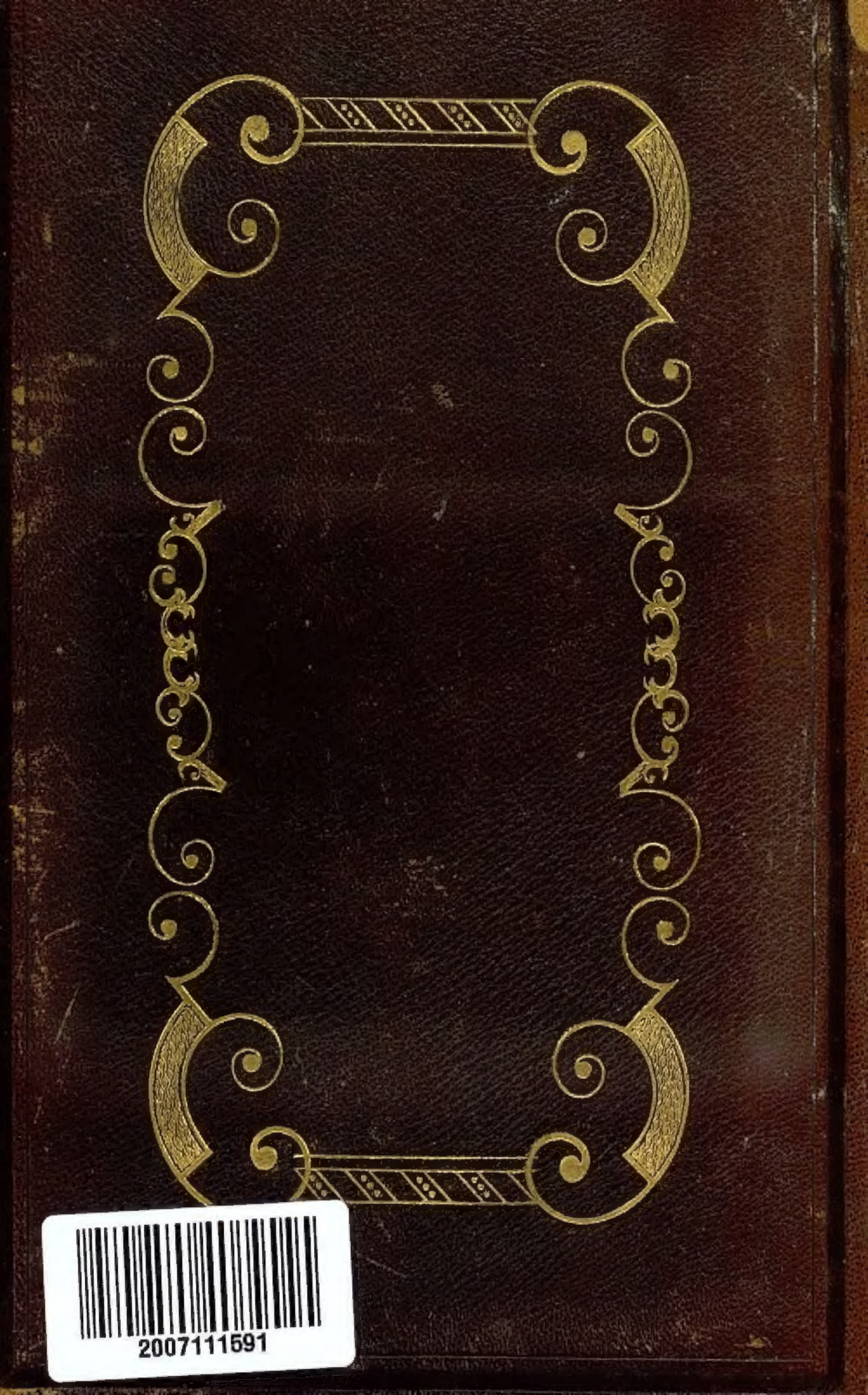
([458]) См. Указъ св. Сvнода поч. лаврѣ отъ 27 Янв. 1843 г.

([459]) Въ волынской епархіи—около 1800 церквей; 9-ть монастырей, изъ коихъ 7 мужеск., а 2 женскихъ; 1-на семинарія, 4 уѣздныхъ и 5-ть приходскихъ духовныхъ училищъ (см. Извлеч. изъ Отчета Оберъ-Прокурора св. Сvнода за 1835 годъ).

славная вѣра, святотатственно похищенная у древле православныхъ жителей Волыни, возвращена имъ, какъ священнѣйшее наслѣдіе предковъ, и, сдѣлавшись господствующею на Волыни, вмѣстѣ съ собою повсюду водворила правду, миръ и любовь — залогъ всѣхъ благъ, необходимыхъ для истиннаго счастія народовъ!

ПОГРѢШНОСТИ.

НАПЕЧАТАНО:			ЧИТАЙ:
СТРАН.	СТРОК.		
7.	7.	новгородскихъ	новгородскимъ
—	8.	кіевскомъ	кіевскимъ
12.	14.	цослѣднимъ	послѣднимъ
51.	22.	палъ	папъ
111.	4 сн.	Krajowky i Zagraniczniy	Krajowey i Zagraniczney
112.	9.	Меншричѣ	Межиричѣ
118.	3 сн.	огня	отъ
121.	16.	въ Дершанѣ	въ Дерманѣ
126.	13.	Куруевичъ	Курцевичъ
127.	12.	Куруевича	Курцевича
142.	4.	Корпѣ	Корцѣ.
155.	1 сн.	за 1835 годъ	за 1853 годъ.

2007111591